ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ФОНДА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ

Е.А. СТРОГОВА

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЯКУТСКОГО КАЗАЧЕСТВА: ОТ РОЖДЕНИЯ К ВОЗРОЖДЕНИЮ.

ЯКУТСК 2025

УДК 94-058.1(571.56)

ББК 63.3(2Рос.Яку)-28

С86

Строгова, Екатерина Алексеевна.

С86 Очерки истории якутского казачества: от рождения к возрождению / Е.А. Строгова – Якутск: Арт Алгыс, 2025. – 150 с.

Агентство CIP НБР Саха

Книга посвящена истории одного из старейших казачьих формирований России – Якутского казачьего полка. Не имея яркой славы Донского или Запорожского казачества, якутские казаки тем не менее внесли огромный вклад в формирование Российского государства, распространение православия на его северо-восточных окраинах, реализацию общегосударственных мероприятий в непростых условиях Крайнего Севера. На основе литературных и архивных источников рассказывается о формировании якутского казачества, открытии и освоении северо-востока России, их хозяйственном укладе и культурных традициях. Рассматриваются особенности самосознания, судьба в переломные моменты истории, биографии выдающихся личностей.

УДК 94-058.1(571.56)

ББК 63.3(2Рос.Яку)-28

С86

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ ---- 4

ОТКУДА КАЗАКИ В ЯКУТИИ? ---- 7

ГРАД ЯКУТСКОЙ ---- 11

ПЕТР БЕКЕТОВ ---- 18

СЛОЖЕНИЕ ЯКУТСКОГО КАЗАЧЕСТВА В XVII-XVIII В ---- 23

ФОРМА И ВООРУЖЕНИЕ ЯКУТСКИХ КАЗАКОВ ---- 30

ЖАЛОВАНИЕ ЯКУТСКИХ КАЗАКОВ ---- 36

НАША СЛУЖБА И ОПАСНА И ТРУДНА ---- 41

ВО ИМЯ ОТЦА И СЫНА… ---- 49

ОТКРЫТИЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ: КАЗАКИ-МОРЕХОДЫ ---- 56

СЕМЕН ДЕЖНЕВ И ЕГО «ОДИССЕЯ» ---- 63

ХОЗЯЙСТВО И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ ЯКУТСКИХ КАЗАКОВ ---- 67

СЕМЕЙНЫЙ СТРОЙ ЯКУТСКИХ КАЗАКОВ ---- 76

КУЛЬТУРА ЯКУТСКОГО КАЗАЧЕСТВА В XIX – НАЧАЛЕ XX В. ---- 82

МАРК ЖИРКОВ – КАЗАК-КОМПОЗИТОР ---- 89

В ПОМОЩЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМ XIX в. ---- 92

АНДРЕЙ ИННОКЕНТЬЕВИЧ ПОПОВ. ---- 99

СТОЛЕТИЕ РЕФОРМ. ---- 104

ЯКУТСКИЙ ГОРОДОВОЙ ПЕШИЙ КАЗАЧИЙ ПОЛК НА РУБЕЖЕ XIX – XX СТОЛЕТИЙ ---- 111

КАК ЯКУТСКИЙ КАЗАК СПАС АЯН ---- 117

ЯКУТСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В СОБЫТИЯХ 1917 Г. ---- 122

КАЗАКИ В ОКТЯБРЬСКИХ БУРЯХ ---- 128

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ КАЗАНЦЕВ – ПОСЛЕДНИЙ АТАМАН. ---- 134

ПУТЬ К ВОЗРОЖДЕНИЮ ---- 137

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ---- 144

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ ---- 146

ПРИЛОЖЕНИЕ Список казачьих голов и атаманов якутского казачьего полка с 1700 по 1919 г. ---- 149

ВВЕДЕНИЕ

Каждая эпоха нуждается в своем осмыслении прошлого. И происходит это не столько потому, как многим кажется, что на смену одной политической или идеологической конъюнктуре приходит другая, хотя и это имеет место быть, сколько потому, что мир изменяется, изменяется человек, и каждое новое поколение ищет в прошлом ответы на волнующие именно его вопросы, ищет ориентиры для движения в будущее.

Таким образом, обращение к опыту прошлого необходимо как обществу в целом, так и каждому человеку в отдельности не только для расширения кругозора, но и для сохранения нравственных ориентиров, воспитания в себе лучших качеств человека и гражданина.

Великий русский историк В.О. Ключевский, начиная свой знаменитый курс русской истории, задавался вопросом: «Какую цель может иметь изучение истории… одного какого-нибудь народа»? «Отдельная история известного народа, – отвечал он, – может быть важна своеобразностью своих явлений независимо от их культурного значения, когда изучающему представляется возможность наблюдать такие процессы, которые особенно явственно вскрывают механику исторической жизни, …хотя бы эти процессы не оказали значительного влияния на общее историческое движение». Казачество, конечно, не народ, но оно представляет собой уникальное этносоциальное явление, свойственное только России. Поверьте на слово, нигде в мире ничего подобного не было и нет. История казачества - это одна из своеобразных, ярких и, возможно, наиболее поучительных страниц прошлого и настоящего нашей страны. Это как раз тот уникальный контекст, в котором процессы и события российской истории преломились под особым углом, порождая иные взгляды, мнения и оценки.

Якутский казачий полк - уникальное явление в истории казачьих формирований в России. За все время существования российского казачества — это единственный казачий полк, существовавший и существующий на правах целого войска.

Подлинные документы по истории якутского казачества XVII-XVIII вв. можно увидеть в Российском государственном архиве древних актов в г. Москве. Здесь в фонде 214 «Сибирский приказ» и в фонде 1177 «Якутская приказная изба» хранятся десятки тысяч документов: наказные памяти, отписки и челобитные казаков, отчеты воевод и другие документы, позволяющие прикоснуться к реалиям давнего прошлого. Документы Якутского городового пешего казачьего полка XIX – начала XX столетия хранятся в фонде 401-и, 402-и, 404-и, 405-и, 438-и, 565-и Национального архива Республики Саха (Якутия). Многие архивные документы опубликованы. Самые популярные «Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией» и «Дополнения» к ним, в которых собрано большое количество документов, рассказывающих в том числе и о жизни якутских казаков в ранний период их истории. Эпоха первопроходцев отражена в сборниках документов «Открытия русских мореходов и землепроходцевXVII века на Северо-востоке Азии» и «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах». О славном прошлом якутского казачества можно прочитать в любой книге, посвященной открытию и освоению Северо-восточных территорий России в XVII – начале XVIII в., их развитии в XIX – начале XXв.

Разные стороны жизни якутских казаков рассматривали в своих книгах советские историки: Ф.Г. Софронов, В. Н. Иванов, Г. П. Башарин, В. А. Афанасьев, С. Е. Мостахов, Д. А. Ширина и другие. Первым крупным исследованием, посвященным собственно казачеству, стала книга А.С. Черткова «Якутское казачество в конце XIX – XX вв.», в которой довольно полно освещена жизнь якутских казаков на рубеже столетий.

О современном же положении якутского казачества литературы на данный момент нет вовсе, если не считать небольшую статью Е.А. Строговой «Якутское казачество: история и современность», опубликованной в книге «Город Якутск: история культура, фольклор» в 2007 г.

Казалось бы, не так уж и мало написано о якутском казачестве, но практически вся имеющаяся литература – это либо старые издания, доступные только в библиотеке, либо современные издания, ставшие библиографической редкостью сразу после выхода в свет из-за маленького тиража и большого интереса жителей Якутии к прошлому своего края. Масса информации разбросана по отдельным статьям в разнообразных изданиях, которые довольно трудно собрать воедино. Поэтому главная задача этой книги - попытка на основе имеющейся информации дать массовому читателю представление о якутском казачестве, его славном и непростом прошлом. Нисколько не претендуя на всеобъемлющее и исчерпывающее раскрытие исторических процессов и проблем, эта книга предлагает общий абрис истории якутских казаков. Рассказ о казачестве Якутии решено было ограничить периодом от начала его появления в XVII в. до расформирования Якутского казачьего полка в 1919 г. Такова уж особенность науки истории: она любит законченные процессы, которые можно обсуждать и анализировать. Возрождение казачества в 90-е годы XX в. – это только начало нового пути, который еще не пройден до конца и обсуждать и оценивать его пока рановато.

Будущее не случится без прошлого, и, идя вперед, необходимо оглядываться на пройденный путь, чтобы выбирать верную дорогу.

ОТКУДА КАЗАКИ В ЯКУТИИ?

Свершившееся в 1582 г. «Ермаково взятие» бросило к ногам русских царей бескрайние просторы Сибири. Присоединение Сибири – одна из ярчайших страниц российской истории. Процесс этот был настолько неоднозначен и многогранен, что трудно найти ему точное определение. В то же время мало найдется скептиков, которые стали бы отрицать положительное в итоге значение этого процесса и для России, и для народов Сибири.

Началом «сибирской эпопеи» стало взятие 26 октября 1581 г. столицы Сибирского ханства г. Искера, называвшегося так же Сибирью. В 1574 г. Иван Грозный направил крупным вотчинникам Строгановым, осваивавшим Пермский край, жалованную грамоту, которая разрешала нанять на службу тысячу казаков с пищалями и построить крепости в Зауралье на Тоболе, Иртыше и Оби. Используя данное им правительством право, Строгановы сформировали наемный отряд, командование которым взял на себя атаман Ермак Тимофеевич.

1 сентября 1581 г. дружина Ермака выступила в поход и, поднявшись по р. Чусовой и перевалив Уральский хребет, начала свое продвижение на восток. Местные племена, покоренные Кучумом, отнеслись к казакам весьма миролюбиво. Князьки и мурзы поспешили явиться к Ермаку с дарами и заявили о желании принять русское подданство.

В. Суриков Покорение Сибири Ермаком

С этого дня и в течение 120 лет русские люди исходили, открыли и присоединили к российскому государству 12млн 994тыс 664 км^2 территорий, обладавших богатейшими биологическими и геологическими ресурсами и разнообразным по этническому составу населением.

Временем окончательного включения Сибири в состав российского государства считается 1598 г. – год, когда войско Кучума было разбито наголову, погибли или взяты в плен члены его семьи, а сам оглохший и ослепший Кучум убит в Ногайской орде. Ветераны ермаковой дружины, оставшиеся на жительство в Сибири, и заложили основы сибирского казачества.

Впервые сибирская администрация узнала о существовании реки Лены и ее жителях в Енисейском остроге от пленного князца эвенков Илтика. Хотя его информация выглядела весьма фантастической, но она сыграла свою роль в деле открытия Ленского края. На основании полученной информации тобольский воевода М.М. Годунов отдал распоряжение мангазейским воеводам Д.С. Погожему и И.Ф. Тонееву начать обследование "Лины реки" и направил к ним 10 служилых людей во главе с пятидесятником Григорием Семеновым. К сожалению, о последствиях этого распоряжения ничего не известно. В 1621 г. мангазейские служилые люди от пленных эвенков-буляшей получили подтверждение существования "Лин большой реки" и первые сведения о населяющих ее берега якутах. Снова поступило распоряжение о посылке отряда для приведения к «шерти» (присяге)тамошних иноземцев. Но и об этом отряде нет документальных сведений.

К 1627 г. относится информация об удивительном путешествии на Лену промышленного человека Пантелея Пянды. Во главе отряда в 40 человек Пенда в течение трех лет, преодолевая противодействие эвенков, пробирался вверх по Нижней Тунгуске, на четвертый год по Чечуйскому волоку достиг Лены, проплыл вниз по ее течению до места, где в будущем возник Якутск, вернулся в верховья Лены, бурятской степью перешел на Ангару, а затем по уже знакомому русским Енисею добрался до

Туруханска. Известие об этом походе может показаться фантастическим из-за его дальности и длительности, но оно подтверждается отдельными документальными записями, в том числе и названиями основанных на этом пути зимовий (Верхне-Пяндинского и Нижне-Пяндинского), надолго переживших своего основателя. Однако и грандиозный поход Пянды, и менее значительные по результатам промысловые экспедиции явились лишь разведкой «неведомых землиц». Так на берегах Лены впервые появились люди с удивительным именем «казак».

П. Павлинов Ерофей Хабаров. Поход на Амур (XVII).

В 1629 г. на Нижнюю Тунгуску отправился отряд тобольских, березовских и мангазейских служилых людей во главе с Самсоном Новацким. Отделившийся от этой группы отряд в 30 человек под командой Антона Добрынского и Мартына Васильева перешла с Тунгуски на Чону, а по ней проникли на Вилюй, где построили зимовье и двинулись дальше по Лене к устью Алдана. Поход этот был сложен и немирен. В зиму 1630-1631 г. отряд Добрынского и Васильева выдержал серьезную осаду объединившихся князцов 5 якутских улусов и собрав все же ясак с тунгусских и якутских родов в 1632 г. вернулись в Тобольск взбудоражив своими рассказами не только местную общественность, но и московскую администрацию.

В 1633 г. более северным путем с Нижней Тунгуски на Вилюй отправилась новая экспедиция из 38 тобольских казаков во главе с сыном боярским Воином Шаховым. Разделившись на несколько маленьких групп, казаки «приводили под высокую государеву руку» тунгусские и якутские роды по Вилюю, построили Тюкянское, Танарейское, Средневилюйское, Верховилюйское и Усть-Вилюйское зимовья, собирая не только ясак, но и десятинную пошлину с русских промышленников.

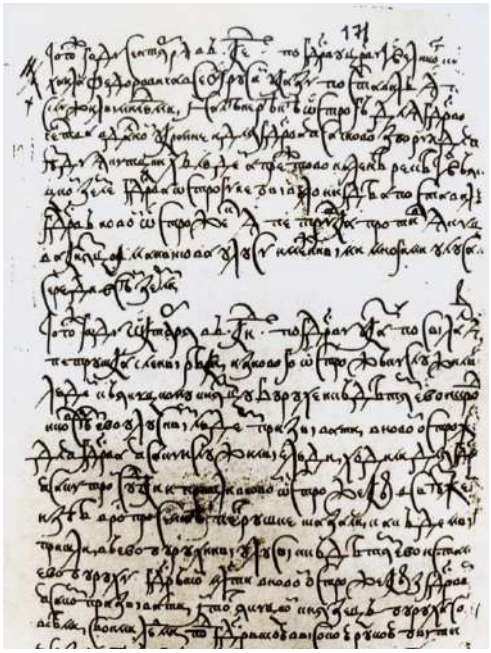
Потеряв за шесть лет половину отряда, лишенные доставки продовольствия и боеприпасов, казаки молили Тобольск о замене, но не получали ответа. Интересно, что мангазейское «владычество» на Вилюе оказалось довольно устойчивым и существовало какое-то время даже после образования Якутского воеводства, сохраняя собственную печать и продолжая посылать ясак в Мангазею.

Гораздо более удобным и безопасным оказался другой, южный путь проникновения на Лену. В 1627 г. 40 казаков отряда Максима Перфильева добрались по Ангаре до Илима, там они получили ясак с местных бурят и эвенков и вернулись в Енисейск. В следующем году по их следам отправился десятник Василий Бугор «со товарищи». Перейдя с притока Илима реки Идирмы на Куту, а спустившись по ней, попали в Лену, собирая ясак, продвинулись до р. Чая, вернулись в Енисейск в 1630 г., оставив после себя зимовье в устье р. Куты с двумя служилыми и зимовье в устье р. Киренги с четырьмя казаками.

Путь этот оказался удобен, и в 1630 г. в устье Илима поставили острог, ставший опорным пунктом в дальнейшем освоении приленских земель и Северо-востока России. В этом же году по приказу воеводы С. Шаховского на Лену отправился хорошо вооруженный отряд Ивана Галкина, который поставил зимовье в устье Куты, оставил в нем 10 человек и проплыл по Лене до земель якутов. Здесь он встретил активное сопротивление якутских родов, но все же собрал с них ясак, совершал походы вверх по Лене и Алдану.

В 1932 г. на смену И. Галкину из Енисейска послан стрелецкий сотник Петр Бекетов с отрядом в 30 «новоприборных» казаков. Используя не только собственные дипломатические способности, но и силу оружия Бекетов «привел под высокую государеву руку» несколько якутских, тунгусских и бурятских родов и окончательно закрепил русское присутствие на берегах р. Лены.

ГРАД ЯКУТСКОЙ



Фрагмент отписки П. Бекетова об основании Ленского острога РГАДА, ф. 214 — Сибирский приказ, столб. 402, ч. I, лл. 95 — 125

«Того ж году сентября в 25 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Руси указу поставил я, Петрушка, с служилыми людьми на Лене реке острог для государева величества в дальней украине и для государева ясачново збору и для приезду якутских людей, а преж тово на Лене реке и в Якутской земле государева острогу не бывало нигде. А поставил государево новый острожек я, Петрушка, против Якуцкова князца Мымакова улусу и меж иными многими улусами середи всей земли», - так писал Петр Иванович Бекетов, основатель Якутска, в своей отписке – отчете о действиях на Лене. Постройка Ленского острога символизировала собой окончательное закрепление Русского государства на берегах крупнейшей сибирской реки, он стал центром притяжения и опорным пунктом для дальнейшего продвижения на Северо-восток и Дальний восток.

В 1633 г. в остроге насчитывалось до 200 человек: казаки, промышленные и торговые люди с их семействами. Внутри самой крепости стояли три избы, два амбара рубленых с крытыми тесом крышами и караульная над воротами, крепость была окружена тыновой стеной-острогом, вне крепости на берегу реки стояли «отводная караульная» и баня. Острожек был невелик, периметр его стен равнялся всего 109 саженям (232,5 м, то есть площадью примерно 50х50 м). В этом же году Бекетов передал управление острогом сыну боярскому Парфену Ходыреву и отправился в Енисейск с «отчетом о проделанной работе».

В 1634 г. на смену Бекетову на Лену вернулся Иван Галкин. Бекетов для строительства острога выбрал стратегически выгодное «среди якутской земли» место, где сходились границы пяти якутских улусов, и географически безопасное, на полуострове, выдающемся в реку место. Берег был высокий, и затопление острогу не грозило, но позже оказалось, что берег очень непрочен и осыпается во время весеннего половодья. Уже в 1633 г. в Сибирский приказ полетела жалоба на частичное разрушение крепостной стены и угрозу обрушения острожных построек. Поэтому летом атаман Иван Галкин приказал перенести острог на более удобное, место. Новый острог представлял собой маленькую крепость, окруженную деревянным тыном — частоколом. Это место находилось примерно в 15 верстах от современного Якутска, где в будущем появится тракт на Амгу и Татту. Острог состоял из нескольких изб, амбаров и часовни, был окружен деревянным тыном, над воротами была устроена караульная. Здесь жили служилые чины и их семьи. Посадское население отсутствовало. С этого времени острог стал носить название «Якутский острог», ставший центром торговли, отправным пунктом всех экспедиций, открывающих территории на севере и на востоке страны, а также первой опорой православия в регионе.

В 1641 г. в Якутский острог прибыли первые воеводы вновь созданного Якутского воеводства П.П. Головин и М.Б. Глебов. У них уже имелось указание перенести крепость на новое место и усилить ее. Дело в том, что, хотя И. Галкин и перенес крепость, но она все же находилась на правом берегу, который обрушался каждую весну, угрожая утянуть с собой и крепостные постройки. Новое место было выбрано на левой стороне реки, несмотря на то что берег низкий и подвержен затоплениям. В 1642 г. началось строительство новой крепости, в которую были частично перенесены постройки из старой, стены и башни были построены заново. Вот как выглядел новый острог по Росписному списку 1646 г., составленному при передаче крепости от Петра Головина новому воеводе Ивану Большому Голенищеву –Кутузову: «От проезжей башни вниз по Лене реке до наугольной башни против березы

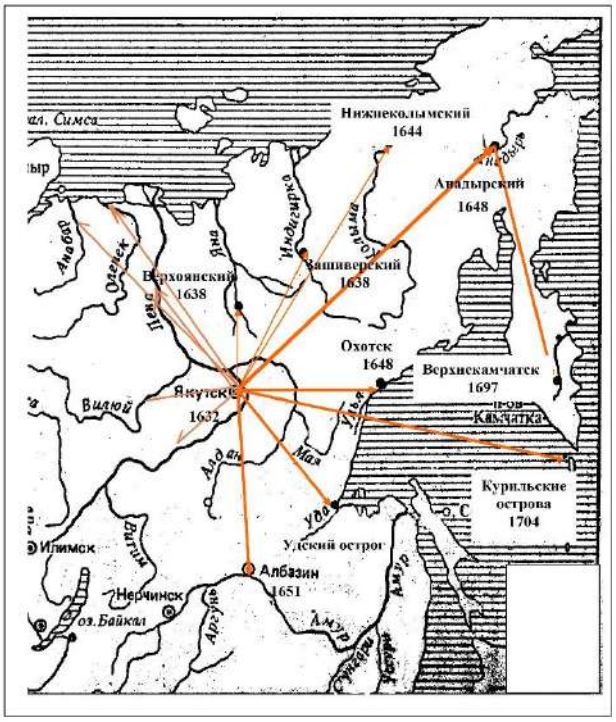
острожной прясла ….саженей (1 сажень равна 2.41 м) с полусаженью. А башня четвероугольная с шатром, на ней вышка рублена в замок, о двух мостах, мерою все четыре стены по 3 сажени без 3 вершков (1 вершок равен 4,5 см), вышина башен до обламу 3 сажени без полуаршина, обламу 2 аршина (1 аршин равен 71,12 см) с четью, шатер до вышки сажень 2 аршина без чети, вышка и …..по 4 аршина.

А от той башни до наугольной же башни что у кургана острожного прясла мерою … саженей безо … вершков. А башня четвероугольная с шатром на ней, вышка рублена в замок, в ней два моста. Мерою бревна от острогу 2 стены по 3 сажени без семи вершков. За городом и в городе в стенех же по 3 сажени без чети. Вышина тех башен до обламу 3 сажени, облам 2 вершка, шатер 2 сажени без чети, вышка с шатром по 3 (5?) вершка.

От тех башен до наугольной же полевой башни острожной прясла ... саженей и полсажени. Башня глухая четвероугольная рублена в замок о дву мостах с шатром крыта тесом на ней вышка крыта тесом же. Против аманацкого двора. В той башне по мере от острогу 1 стена 3 сажени без 3 вершков, другая стена против стены 3 сажени без 4 вершков, третья стена в загороде 3 сажени без 3 вершков. Против тех стен четвертая стена 3 сажени без 2 вершков. Вышина той башни до обламу 3 сажни без 3 вершков, облам 2 аршина 2 вершка, шатер и вышка по 2 аршина 2 вершка…

А на тех башнях снаряд: пищаль железная в станку на колесах, ядро 4 гривенки с четью, у станка петли и обоймы и крепи и казна железные...».

Согласно этому описанию первая крепость, построенная в границах современного Якутска, представляла собой неправильный четырехугольник, с восемью башнями и тыном, ориентированный фасадом к реке. Находилось это сооружение приблизительно в районе между площадью Павших борцов и нынешней стройплощадкой новой гостиницы. В описаниях указывается, что она стояла на холме, как, кстати, и Преображенская церковь: старожилы говорили, что в половодье храм оказывался практически на острове. Неизвестно только, один это был холм или два разных, тем более что все эти



Г. Якутск – центр освоения Северо-Востока России и Дальнего Востока. Карта-схема

возвышенности сейчас снивелированы в результате застройки, отсыпки и тому подобных действий, но благодаря такому расположению головинскую крепость, по всей видимости, не заливало водой каждый год, однако вопрос о ее переносе все равно возник.

За сорок лет существования эта крепость стала центром многих экспедиций, увеличивших территорию России до побережья Тихого океана, именно ее прославили имена Владимира Атласова, Семена Дежнёва, Дмитрия Ерило (Зыряна), здесь появились первые церкви Троицкая и Михаила Малеина и первый на северо-востоке России монастырь, освященный во имя Спаса, сыгравший роль не только в христианском просвещении, но и в развитии образования в Якутии.

В 1682 г. в Якутск приехал новый воевода Иван Приклонский. В соответствии с выданной ему наказной памятью воевода должен был построить новую крепость на месте, не подверженном затоплению паводковыми водами. Местные власти, готовясь к приезду воеводы, определили несколько мест пригодных, по их мнению, для переноса крепости.

Первое изображение г. Якутска. С.У. Ремизов Чертежная книга Сибири, 1700 г.

Приехавший воевода осмотрел предполагаемые территории и остался недоволен: они не очень отличались от нынешнего местоположения крепости, что означало в перспективе ее очередной перенос. Приклонский самостоятельно провел обследование местности и выбрал удобную территорию на высокой террасе, сейчас называемую Сергеляхской.

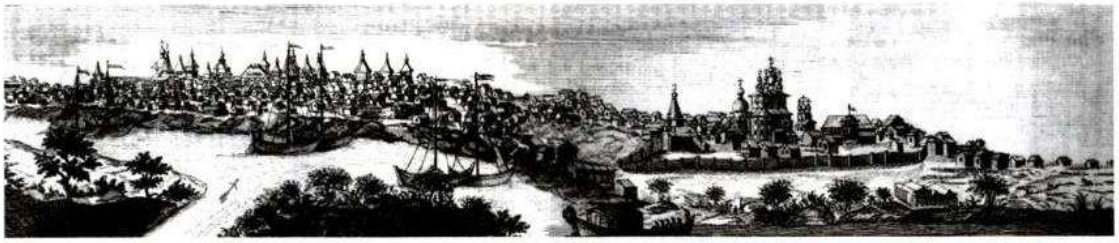
Весной 1682 г. воевода И. В. Приклонский доносил, что он «город новый делать стал... от посаду крайнего к матёрой стороне сажен 3200, а от реки до городового места сажен 3400». Работало 52 человека, из них 20 якутских казаков-плотников, 2 посадских, 10 енисейских и 20 илимских плотников. В 1684 г. И. В. Приклонский сообщил, что «новый город 4 стены с башнями зделаны наготово, и стены и башни покрыты тесом... в стенах сделано 8 башен, в том числе две башни проезжих больших». Слово «город» в сообщении воеводы говорит о том, что крепость окружена рублеными стенами - это был уже настоящий «кремль».

В мае 1684 г. Якутск принял новый воевода — Матвей Осипович Кровков, ввиду тревожных военных слухов, шедших с Амура, начал строить вокруг города новый дополнительный острог. Строение имело 8 башен, из которых две проезжие (одна из них — восточная в реставрированном виде сохранялась до 2002 г.). Острог был выстроен силами служилых людей Якутска в качестве повинности. Крепость приобрела вид «матрешки» - рубленый кремль, окруженный стоячим острогом, 16 башен гордо смотрели с высоты на рождающийся вокруг них город.

В каждой крепости должен находиться источник воды, чтобы можно было выдерживать осаду и в 1685 г. воевода приказал в городе рыть колодец поручил это казаку Якунке Фёдорову, который, выкопав за год глубину в 13 саженей (27,7 м), сообщил, что «де дальше того в глубину колодец копать нельзя, потому что де он, Якунка, докопался до камени, а камень сланец и от того де камени и от земли мерзлой дух каменной и земляной тяжол, больше одного часу с великою нужою у работы человеку от духу быть нельзя и камень пробить не можно». Так впервые была описана вечная мерзлота.

По данным 1684 г., в новом городе были: приказная изба, караульня и церковь. Приказную избу перенесли из старого острога и в своё время она являлась собственностью бывшего дьяка Фёдора Тонкова. В городе построены два амбара с сараем для «соболиной казны», перенесенные из старого острога, пороховой погреб, воеводские и аманатские квартиры и земляная тюрьма для

раскольников четыре амбара для хлебных, соляных и судовых запасов.. Церковь, освященная во имя Троицы Живоначальныя, была двухэтажная — верхняя и нижняя, и алтари этой церкви составляли левый угол восточной стены города. Церковь имела два крыльца, три рундука, семь крестов, 30 окон и паперть. Кроме церкви, в городе наличествовала ещё часовня.



Вид города Якутска. С гравюры М. Махаева

В рождественскую ночь 1700 г. разразился ужасный пожар, который уничтожил приказную избу с хранилищем ясачной пушнины, некоторые хозяйственные постройки, дом воеводы и крепостные сооружения – полностью сгорели южная и восточная стена крепости. Тогда же сгорела церковь и часть западной стены. После этого пожара картина города была уже несколько иная.

Тогда же «е.и.в. повелено во всех городах канцелярии архивы, губернаторские и воеводские домы и прочие публичные строения для лутчей прочности и безопасности и крепости делать каменные…». В 1701 г. из Тобольска были присланы мастера, которые к 1708 г. заменили утраты каменными аналогами. Кроме Троицкого собора (освящен в 1728 г.) и воеводской канцелярии в этот период были построены дом воеводы и комплекс хозяйственных построек. Так начиналось каменное строительство в Якутске. Крепостная стена теперь выглядела странно: стены, уцелевшие от пожара, были рубленными, а новые – заборами «в лапу». Кроме того, в двух местах (на восточной и южной сторонах) была возведена каменная стена, а на месте южной проездной башни построили изящные ворота в стиле барокко.

После того как пало значение города и острога как военных сооружений, они постепенно начинают приходить в упадок. Не было надобности

возобновлять их. А их историческое и архитектурное значение мало учитывалось современниками, а подчас просто игнорировалось. В конце 70-х гг. XIX в. городская управа стала продавать башенный лес с торгов. Городская управа часть остатков строений употребила на дрова, а в 1899 г. велось дознание по поводу разрушения остатков города курсантами местного реального училища, которые, взбираясь на башни и стены, разворачивали брёвна и сбрасывали их на землю, а обыватели эти брёвна растаскивали на свои нужды. В 1922 г. вследствие дровяного кризиса в Якутске, случившегося по обстоятельствам военного времени, две башни западной стены города с частью стены были употреблены на дрова для электрической станции. Таким образом, последние остатки города воеводы Ивана Васильевича Приклонского просуществовали 238 лет.

ПЕТР БЕКЕТОВ

Памятник П.Бекетову в г. Якутске

О начале жизненного пути П. Бекетова, как и о его завершении, известно немногое. Бекетовы в XVIII-XIX вв. вообще имели смутное представление о своем происхождении, тем более что в знаменитой Бархатной книге конца XVII в. они по каким-то причинам не были зафиксированы. Контуры генеалогии Бекетовых можно наметить, исходя прежде всего из документов XVI и XVII столетий. В 1641 г. сам Петр Бекетов в челобитной указывал: «А родители, государь, мои служат тебе... по Твери и по Арзамасу по дворовому и по выбору». Таким образом, старшие родственники Петра Бекетова числились в списках дворовых и выборных детей боярских своих уездов. В тогдашней иерархии чинов-званий служилых людей «по отечеству» ниже их были городовые дети боярские, выше - жильцы и дворяне московские.

Что побудило потомственного сына боярского связать свою судьбу с Сибирью, пока неизвестно, но в январе 1627 г. Бекетов лично подал в приказ Казанского дворца челобитную с просьбой о назначении его стрелецким сотником в далекий Енисейский острог: «Чтоб я, холоп твой, волочась меж двор, голодною смертию не умер». О месте сотника Бекетов хлопотал не наугад, а зная о появившейся вакансии. Осенью 1625 г. в Оби утонул занимавший эту должность атаман Поздей Фирсов. В январе1627 г. воеводам Тобольска было указано поверстать Бекетова денежным и хлебным жалованьем и отправить в Енисейск.

В 1628 г. Бекетов был отправлен енисейским воеводой А.Л. Ошаниным к забайкальским бурятам, чтобы обложить их ясаком. Он справился с задачей успешней, чем его предшественник Максим Перфильев, собрал богатый ясак,

да к тому же первым из русских преодолел ангарские пороги. Здесь на бурятской земле П.Бекетов построил Рыбинский острог.

В 1631 г. Бекетов снова послан из Енисейска в далекий поход. На сей раз во главе тридцать казаков ему предстояло пройти до реки Лены и закрепиться на ее берегах. Известный историк Сибири XVIII в. И.Э. Фишер расценивал эту «командировку» как признание заслуг и способностей человека, достаточно много сделавшего для государства. Весной 1632 г. отряд Бекетова уже был на Лене, где, как известно, и был основан Ленский острог. Этот острог сыграл непреходящую роль во всех дальнейших открытиях, стал для России окном на Дальний Восток и Аляску, в Японию и Китай.

Деятельность Бекетова в Якутии на этом не заканчивается. К1635-1636 гг. относится новая служба Бекетова. В эти годы он ставит Олекминский острог, совершает походы по Витиму, Большому Патому и «иным сторонным речкам». Будучи «прикащиком» Ленского острога, он отправлял экспедиции на Вилюй и Алдан, его подчиненным Алексеем Архиповым основан Жиганск.

Пребывание в Енисейске, где у Бекетова жила семья, оказывается недолгим. По установившейся, видимо, очередности весной 1638 г. он отправляется на годовую службу в Ленский острог на смену И. Галкину. Интересно отметить, что к этому времени Бекетов уже лишился чина сотника и числился просто енисейским сыном боярским. Почему это случилось, сказать невозможно из-за отсутствия источников.

На Средней Лене Бекетов застал тревожную обстановку. Несколько местных тойонов от «государевой руки» отложились, нападали на русских людей и ясачных якутов. Инициатором «шатости» являлся князец Нюриктейской волости Кириней, ушедший со своим родом с Лены на Алдан. Именно поэтому Галкин и Бекетов, объединив свои отряды, совершили поход на Киринея. Князец Кириней был приведен в русское подданство Бекетовым еще в 1632 г. Его «погром» в 1638 г. носил, конечно, характер неблаговидной карательной акции, но с точки зрения центральной власти был вполне законным.

Приказчиком в Ленском остроге Бекетов пробыл год. И снова вернулся в Енисейск, откуда в 1640 г. повез в Москву ясак на 11 тысяч рублей. В Енисейске у Бекетова была жена, дети и «людишки» (т.е. холопы). Землепроходец просил избавить его двор от «волоковой возки», а также от постоя служилых людей, следовавших в Восточную Сибирь. В это время Бекетов просил о назначении его казачьим головой. Приказные дельцы скрупулезно подсчитали, что походы Бекетова принесли государству прибыль в 11 540 руб. Бекетов получил чин стрелецкого и казачьего головы по городу Енисейску с окладом в 20 руб., а вместо хлебного жалованья Бекетов должен был получить землю под пашню. В 1637 г. он имел 18 десятин пашни и 15 перелога. Обрабатывали пашню, скорее всего, наемные крестьяне. Какую-то часть своих земель (видимо, полученных после 1641 г. в зачет хлебного жалованья) Бекетов продал крестьянам С. Костыльникову и П. Бурмакину. В должности он прослужил 12 лет, и эти годы были самыми спокойными в его жизни.

Вскоре в карьере Бекетова произошли неприятные перемены. В 1648 г. он был «головства отставлен без вины неведомо почему», причем, по словам Петра Ивановича, «переменен без челобитья». Может быть, к отставке Бекетова приложил руку бывший воевода Уваров, смененный к концу 1647 г. Ф.И. Полибиным. Бекетов вновь вернулся к чину сына боярского с понижением денежного жалованья до 10 руб.

В 1649-1650 гг. он успел побывать на годовой службе в Братском остроге, поэтому к своим челобитным приложил письмо о перспективах развития земледелия в Прибайкалье. В Сибирском приказе в очередной раз составили справку о службах Бекетова и ощутили, видимо, некоторое неудобство от допущенной в отношении него несправедливости. Бекетову выдали «сукно английское доброе», назначили оклад в 20 руб. и 5 пуд. соли, «а за наше хлебное жалованье велено ему служить с пашни». Должность головы не вернули, и он отправился в Енисейск, где сидел уже новый воевода - Афанасий Филиппович Пашков.

В 1652 г., снова из Енисейска, Бекетов «коего искусство и прилежание были уже известны», опять выступил в поход к забайкальским бурятам. В 1653 г. его отряд основал острог у озера Иргень (нынешняя Чита), а в 1654 г. – Шилкинский острог (ныне Нерчинск). В Шилкинском остроге Бекетов «со товарищи» пережили тяжелую зиму, не только страдая от голода, но и сдерживая осаду взбунтовавшихся бурят. К весне, наладив отношения с бурятами, отряд был вынужден оставить острог и, чтобы не погибнуть от голода, уйти на Амур.

После скитаний по Амуру в 1660 г. Бекетов через Якутск возвратился в Енисейск и «привез с собою немало соболей, которые ему служили защитою к отвращению наказания, коего за оставление острога опасался». Из Енисейска Бекетов, по данным Фишера, отправляется с обозом пушнины через Тобольск в Москву.

В столице Сибири Тобольске с Бекетовым встречался ссыльный протопоп Аввакум, отправленный туда в 1656 г. В своем «автожитии» он пишет, что, будучи в Тобольске вступил в конфликт с «лутшим сыном боярским» П. Бекетовым. Сколько же силы духа нужно было ему, человеку XVII в., чтобы остановить анафему, звучавшую из уст «огнепального» протопопа в присутствии самого архиепископа в главном храме Тобольска, анафему в адрес человека, которого Бекетову было поручено всего-навсего охранять. Некоторые исследователи, правда, полагают, что Иван Струна был бывшим сослуживцем Бекетова, и именно этим объясняется его горячее участие судьбе дьяка.

В Тобольске Бекетов встретился не только с Аввакумом, но и с Юрием Крыжаничем – сербом, бывшим католическим священником, сосланным в Сибирь в 1661 г. «Я лично видел того, кто первый воздвиг крепость на берегах Лены», - писал позже Юрий Крыжанич. Это самое позднее упоминание о П.Бекетове в исторической литературе.

Личный характер Петра Ивановича Бекетова скупо проступает сквозь строки служебных документов, виден здесь человек уравновешенный и даже

мягкий. Но стальной стержень этого характера не оставляет сомнений. Характеризует Бекетова как человека сдержанного и неамбициозного и его поведение в трагические годы службы на Амуре. Потомственный сын боярский и бывший голова енисейского гарнизона без амбиций подчинился Степанову, который еще недавно был только пушкарем с чином есаула.

Фольклорный образ Бекетова - первопроходца, «человека с доброй душой» и небывало удачливого охотника, столетиями сохранялся в исторических преданиях русских старожилов Забайкалья. Сказитель Ф.Е. Горбунов (1875-1948) передал такое поверье: «Раньше уж как-то в охотничьих семьях заведено было: родится первый сын, значит, обязательно Петром нарекут. Пусть, дескать, таким же фартовым будет, как тот казак Бекетов».

СЛОЖЕНИЕ ЯКУТСКОГО КАЗАЧЕСТВА В XVII-XVIII В.

Социальный и этнокультурный облик якутского казачества в наши дни определяют особенности его формирования и существования в прошлом в качестве сословной группы. Якутские казаки - одна из групп русского старожильческого населения, формирование которой началось в 30-е годы XVII в. с основания Ленского острога.

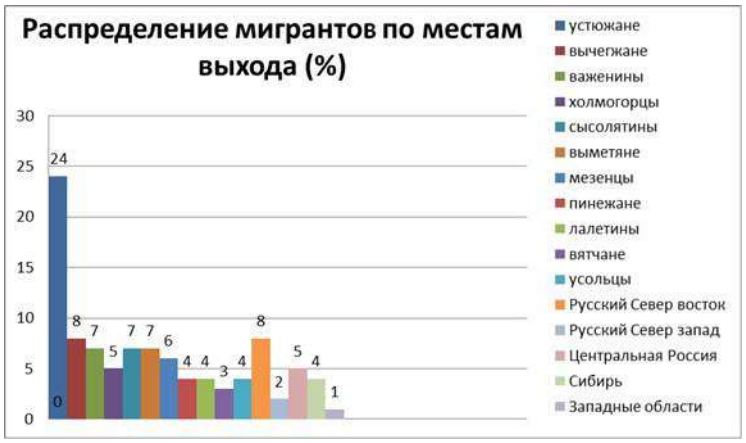
Первоначально казаки, служившие в Ленском остроге, оставались приписаны к другим сибирским крепостям - Енисейску, Тобольску, Красноярску и др., где им начислялось жалованье и проживали их семьи. Однако уже с 1635 года гарнизон Ленского (Якутского) острога называется в документах «якутские казаки», что говорит об изменении постоянной “прописки”.

На протяжении всего XVII века основным источником формирования якутского казачества оставалась присылка более или менее крупных “партий” служилых из других регионов Сибири. Как убедительно показал Ф.Г. Сафронов, большинство сибирских первопроходцев этого времени были выходцами с Русского Севера, поверстанными в казачество уже в Сибири. Это подтверждается и новейшими исследованиями архивных документов, и данными по материальной культуре и фольклору русских старожилов Якутии.

Места выхода мигрантов, верставшихся в казаки в Сибири в XVIIв.

Изучение базы данных, составленной по архивным документам, о людях, перемещавшихся по территории Якутии и за ее пределы в 40-х – 60-х годах XVII в., показало, что среди русских мигрантов в Якутию этого времени 86 % были жителями Устюга Великого и Вологды, и в целом сел и деревень современной Вологодской области, а также выходцами с территорий, подчиненных Архангельску, самого Архангельска, жители Заонежья, Усть-Цилемского посада, Великого Новгорода, Соли Камской, Москвы, Ярославля. Согласно записи в таблице, 12 % прибыли в Якутск из Енисейска, но эти люди, скорее всего, не были уроженцами этого города. Как показал крупнейший исследователь истории русских в Сибири В.А. Александров, основная масса енисейских служилых людей из того же региона, что и люди из нашего списка. Подобное мнение еще в XIX в. высказал П.А. Словцов.

Необходимо отметить, что само понятие «русские» применительно



к Якутии XVII – XVIII в. существенно отличается от современного. Если в наши дни в это понятие входят собственно этнические русские, то в период начального формирования русского населения Якутии это означало скорее «пришедшие из России», «представители русской власти». Дело в том, что отряды «русских» казаков-первопроходцев XVII в. на самом деле были весьма пестрыми в этническом отношении. Они состояли не только из этнически русских жителей Русского Севера и Центральной России, но и из представителей «нерусских» народов этих регионов – мордвы, коми-зырян и др. Помимо исторических документов это подтверждают такие и сегодня распространенные в Якутии фамилии, как Зырянов, Мордвинов, Сысолятин и др. В XVIII в. состав «русского» населения стал пополняться за счет присланных «в службу» или «на жительство» представителей других национальностей –литовцев, поляков, татар и

даже японцев. Так, например, в 1720 г. среди детей боярских числятся З.Р. Понятовский и М. Богдановский, в 1730 г. в служилые люди по г. Якутску переведен японец Абдей (в крещении Степан), еще один японец, в крещении Яков Максимов, в те же годы возвращен в Якутск из Москвы. К началу XVIII в. в составе русского населения Якутии, особенно его «служилой» части, находился большой процент потомков от смешанных браков с народами Сибири и Якутии, а также новокрещенных и их потомков. По данным В.Н. Иванова, к концу XVII в. в Якутии новокрещены составляли 6% всех служилых людей. Вот лишь один пример: в Первую ясачную комиссию (1766 – 1767 гг.) обратился якутский казак Кузьма Фаддеев с просьбой наделить его незаконнорожденных сыновей сенокосными угодьями в Мегинском улусе, которые «ему, Фаддееву во владение достались от деда его родного, якута Хочурая Чокурова, кои тем малолетним и отдает». Судя по всему, Кузьма Фаддеев либо имел мать – мегинскую якутку, либо был сыном новокрещенного якута, поверстанного в казачью службу, то есть чистокровным якутом.

Вычленить эту «нерусскую» составляющую из общего числа представителей служилого населения Якутии не представляется возможным, так как в документах эти люди, имеющие после крещения русские имена и фамилии, проходят уже в составе своих сословий, и если в начале столетия в списках служилых людей иногда все же выделяются новокрещены, то со второй половины века такая практика прекращается вовсе, и этот «нерусский» контингент становится окончательно неотличим от собственно «русской», составляющей населения Якутии.

Таким образом, мы видим, что служилые люди Якутии уже в первой половине XVIII в. представляет собой фактически полиэтническую среду, которая на протяжении столетия ассимилировала в себя представителей других национальностей на основе особенностей основной деятельности и социального статуса.

На социальной лестнице представители самого мощного социального слоя в Якутии XVII - XVIII в. – служилого сословия занимают позиции, после военных и статских чинов и духовенства. Оно включало в себя «служилых старых служб» – сибирских дворян и детей боярских (штатное количество представителей этих категорий в Сибири уже в 1736 г. было сведено до минимума – 76 сибирских дворян и 277 детей боярских), представителей казачьей старшины (атаманы, сотники и пятидесятники) и казаков. В начале XVIII в. служилые люди в Восточной Сибири еще занимали ведущие позиции в социальной структуре общества, в результате прошедших в XIXв. реформ их статус существенно понизился, но казачья служба продолжала сохранять привлекательность как с экономической точки зрения, так и в качестве первой ступени социальной мобильности.

В первые десятилетия XVIII в. еще продолжалась активная российская экспансия на Северо-Восток, в которой основную роль играли представители служилых сословий. Именно поэтому они и составляли подавляющее большинство в составе русского населения Якутии этого времени (в общей сложности до 70 %).

Снижение относительной численности представителей казачьего сословия в первой четверти XVIII в. объясняется не уменьшением количества казаков и других служилых, а ростом относительной численности других категорий населения. Всплеск относительной численности казачества в Якутии в середине XVIII в. связан с тем, что в этот период российское государство активно боролось за присоединение Чукотки, что вызвало присылку большой массы служилых людей из других сибирских городов. Ограничение в самом начале XVIII в. численности Якутского казачьего полка штатом в полторы тысячи человек и прекращение присылки казаков из других городов в 60-е гг. XVIII в. способствовало замедлению темпов количественного роста этого сословия на протяжении всего столетия. Тем не менее, несмотря

на изменения социального состава русского населения Якутии, на протяжении XVIII в. основную его часть составляли представители служилого сословия, в котором преобладали казаки (1452 чел. м.п. в 1795 г.).

Изучение архивных документов дает возможность увидеть образование к концу XVII. местных казачьих родов. Всего по спискам служилых людей удалось насчитать 31 наиболее распространенную фамилию, среди них безусловное лидерство по списку 1748 г., принадлежит пяти – это Шестаковы – 12 чел. одновременно, Аргуновы и Аммосовы – 11 и 13 чел. соответственно, Мухоплевы – 10 чел., Антипины – 10 чел. Много среди служилых Уваровских, Серебренниковых, Атласовых, Безносовых (вариант – Бессонов), Олесовых, Суздаловых, Новгородовых, Габышевых, Корякиных, Кондаковых и др.

Процесс исторического развития служилого населения в Якутии имел неоднозначный, зачастую противоречивый характер. Объективность требует отметить тот факт, что те служилые, которые начали процесс освоения края, отличались от казаков XIX—начала XX вв. по возложенным на них служебным функциям, образу жизни и самосознанию. Большинство казаков в XVII — XVIII вв. были «годовальщиками» и «наемщиками», которых присылали служить в Якутию на определенное время, чаще всего на год, а затем большинство из них отправлялось обратно. Имея психологию временного человека «после нас, хоть трава не расти», они, естественно, стремились поскорее обогатиться, используя предоставленные им возможности, что и служило одной из основных причин злоупотреблений с их стороны, которые старательно пресекались законодательством.

В дальнейшем происходит процесс постепенного складывания казачьего населения собственно Якутии, закончившийся к началу XIX в.

Русские, большинство из которых были казаками или происходили из казачьего сословия, стали неотъемлемой частью этнической картины края.

П.А. Словцов глубоко ошибался, называя начальный период формирования казачества в Сибири «масленицею казачьей» в том смысле, что казаки были вольны в своих действиях, выборе направления походов, свободны в поведении, выборе руководства. В реальности никакой свободы у казаков Сибири изначально не предполагалось. Городовые, то есть приписанные к определенным городам, казачьи полки формировались государством, которому казаки «целовали крест», то есть приносили присягу. Внутреннее устройство городовых казачьих полков имело жесткую иерархию. Казаки находились в «приборе» у своего головы, который и набирал их на службу. Нормальный состав «прибора» исчислялся от 500 до 1000 человек. Казацкий «голова» непосредственно подчинялся городовому воеводе.«Приборы» делились на сотни, которые находились в «приказе» у сотников. Сотни в свою очередь подразделялись на полусотни (во главе с пятидесятниками) и десятки (во главе с десятниками). Размещенные по городам казаки получали название того города, где были поселены. У казаков, поступивших на службу отрядами (станицами), сохранялись их выборные атаманы. Несмотря на это выбор казаков, утверждал (или не утверждал) воевода. Ярким примером строго контроля может служить история Василия Бугра и Шалама Иванова, которые в 1647г. собирались отправится покорять Приамурье вопреки запрету воеводы. В результате их отряд был перехвачен, а сами они объявлены «ворами», то есть государственными преступниками.

Обстоятельства формирования и дальнейшей исторической судьбы во многом определили особенности самосознания якутского казачества. В отличие от представлений казаков традиционных казачьих областей (Кубани, Дона и т.п.) о личной свободе каждого казака и независимости всего войска, в самосознании якутского казачества в силу особенностей его формирования

сложилось представление о казаке - государственном, «служилом» человеке, представителе интересов государства.

Особое место в самосознании казачества занимают представления о традициях, среди которых доминируют преданность воинскому долгу, коллективизм, взаимопомощь, физическое и нравственное здоровье, веротерпимость.

ФОРМА И ВООРУЖЕНИЕ ЯКУТСКИХ КАЗАКОВ

До начала XIX в. единой формы у якутских казаков не существовало. В XVIIв. униформа сибирских городовых, в том числе и якутских казаков была аналогична форме городовых стрельцов Центральной России. Состояла она из суконного кафтана, длиной до середины икры, который застегивался на пуговицы. Застежка украшалась витыми шнурами, цветными, золотыми или серебряными, либо цветными нашивками «разговорами». Под кафтан надевался зипун такого же как кафтан или другого цвета. Суконные штаны, зауженные книзу, заправлялись в сапоги с наборными каблуками. Шапки носили традиционные четырехклинные с околышем с меховой опушкой. На руки надевали кожаные «персчанки» (перчатки) или вязаные рукавицы с тремя пальцами. Зимой поверх всего надевалась шуба или нагольный тулуп, шапка заменялась треухом или малахаем. Поверх ремня, к которому крепилось оружие, могли надевать широкий цветной кушак. Понятно, что в условиях Якутии не всегда была возможность соблюдать форму одежды, да и необходимости не было, природные условия этому тоже не способствовали. Поэтому в костюме якутских казаков появились кукашки и камлейки – глухие виды теплой одежды, очень удобные в походе и на промысле, меховые торбаза, также удобные в местных условиях. Не надо думать, что эти виды одежды были заимствованы у местного населения. Большинство якутских казаков

Казак-первопроходец XVII в. гравюра из «Заметок о России» Эрика Пальмквиста, 1674 год

были выходцами с Русского Севера, где такая одежда была известна с XV в.

На вооружении городовых казаков были пищали и мушкеты, бердыши, клинковое оружие — сабли и шпаги, которое носили на поясной портупее. Для стрельбы из пищали стрельцы использовали необходимое снаряжение: перевязь («берендейку») с привешенными к ней пенальчиками для пороховых зарядов, сумку для пуль, сумку для фитиля, натруску из рога для насыпания пороха на зарядную полку пищали. К концу 1670-х годов, в качестве дополнительного оружия и для составления заграждений («рогаток») иногда применялись длинные пик.

Кроме оружия, стрельцы получали из казны свинец и порох (в мирное время 1—2 фунта (фунт равняется 400 гр.) на человека). Перед выступлением в поход или служебную «посылку» городовым казакам выдавалось по 4 фунта пороха и свинца. В воеводских наказах содержалось строгое требование о выдаче боеприпасов «при головах и при сотниках, и при атаманах», призванных следить, казаки «без дела зелья и свинцу не теряли», а по возвращении «буде стрелбы не будет», воеводы должны были порох и свинец «у стрелцов и у казаков имати в государеву казну».

Защитное снаряжение рядовыми казаками за редким исключением, не применялось, В военное время носились железные шапки - невысокие, из листового или кованного железа, без ушей, бармиц и часто даже без околыша, с небольшими полями, мисюрки – железные шапочки похожие на тюбетейки с бармицей, в редких случаях традиционные шлемы-шишаки. В 1646 г. в Якутский острог у сына боярского Воина Шахова «взято шесть шишаков с ушами и без ушей, две шапки железные, да четыре шапки-мисюрки».

Мисюрка с латинской надписью и растительным орнаментом, выполненным золотой насечкой. № 5383

Возможно, по собственной инициативе казаки поддевали под кафтаны кольчуги или кожаные латы с нашитыми железными бляхами. Большой популярностью не только у якутских казаков, но и по всей Сибири пользовались якутские панцыри-куяхи. В целом вооружение и снаряжение было достаточно хорошо приспособлено как для дальнего, так и для рукопашного боя.

Огнестрельное оружие было как отечественного производства, так и импортное. На вооружении казаков были гладкоствольные фитильные, а позднее — кремнёвые пищали. Винтовальные пищали, собственное производство которых началось к середине XVII века, до Якутии не доходили, здесь вплоть до конца столетия преобладали кремневые ружья, винтовки были большой редкостью. Кроме того, на вооружении городовых казаков упоминается такое оружие, как копья, рогатины, луки и самострелы. В конце XVII в. в г. Якутске на вооружении казаков находилось 7 медных пушек весом от 1 пуд. 5 фун. до 31 пуд. 30 фун., 2791 железных, каменных и чиненных ядер, 402 годные фузеи, 21 копье, 4 мушкета, 3 сабли, 6 панцирей, 6 барабанов, 333 пуд. 33 фун. пороха и 546 пуд. 10 фун. свинца.

Со времени, когда якутское казачество утрачивает свои воинские функции, вооружению команд перестают уделять должное внимание. Оружие казаков приходит в полную негодность, денег правительство на это не выделяло. Поэтому казаки вынуждены были приобретать оружие за свой счет.

1816 г. начальник области М.И. Миницкий писал, что «застал Якутскую казачью команду в самом жалком состоянии», так как у большинства казаков не имелось даже обуви. Поэтому он приказал им завести одежду, форму которой установил сам. Казаки завели себе следующее обмундирование: «мундир и рейтузы из синего или темного сукна, лампасы и прошивки из красного сукна, кивера из черного плиса с красным суконным верхом, с белым султаном и с этишкетом из белых

нитей; фуражки из синего или темно-зеленого сукна с красным околышем и с козырьком». А также «желтые камлеи с нешироким воротником и обшлагами из синего сукна с литерами «Я. К. К.», шинели из серого сукна «с одной медной пуговицей у ворота». Офицеры отличались от рядового состава тем, что имели «кушак из синей шелковой ленты, этишкеты серебряные, кивера плисовые, вышитые погончики и серебряный темляк».

Офицеры полка подчеркивали свое должностное отличие и носили на погонах нашивки из белой узкой тесьмы «ниже от погонной пуговицы на 1/4 вершка», урядники в два, пятидесятники в три ряда. В конце XIX в. для офицеров Якутской команды была введена постоянная форма: мундиры с погонами, шарфы, папахи, длинные сапоги, шашки и кобуры, а также и темная парадная форма. А те казаки полка, которые обучались в 1837—1842гг. в Санкт-Петербургском образцовом пехотном полку и были произведены в урядники, по прибытии в Якутский полк имели право носить «обшивки кругом погончиков». При осмотре образцового полка император специальным своим приказом установил нижним чинам Якутского казачьего полка «обмундирование на манер линейных казаков». Якутские казаки, служившие на Ленских золотых приисках, обязаны были носить форму Амурского казачьего войска «с заменой желтого сукна на воротнике, погонах и папахе красным», а на погонах обязательно вышивалась буква «Я».

Казаки несли службу зимой и летом, для чего они требовали выдачи теплой одежды. Якутское областное правление лишь в декабре 1860 г. разрешило иметь им собственную одежду — парки и унты, а «заведение» теплой одежды для казаков, стоящих в караулах, признавало «совершенно излишним». Сначала Военным министерством, а затем в 1864 г. и губернатором Восточной Сибири было разрешено ношение тулупов для Якутского казачьего полка, срок износа которым был определен в 3 года. Ремонт зимнего обмундирования городовых казаков

полка осуществлялся за счет средств городской ратуши. Казаки носили теплую, легкую одежду—«куклянки, кукашки, камлейки с глухим покроем», что отлично защищало их от ветров. На ноги зимой надевали обувь из камусов - торбаза, летом — сары.

Уставом о сибирских городовых казаках 1822 г. им было определено иметь на вооружении сабли, пистолеты и пики. Военным министерством был издан приказ от 21 июля 1836 г. «Об образовании Якутского казачьего городового полка по пехотному», предусматривающий «снабдить нижних чинов онаго полка пехотными или драгунскими ружьями со штыками, дав им по одному пистолету, сабель же и пик в сём полку вовсе не иметь»

В конце XIX в. на человека выдавалось по 4 боевых патрона и пули, «полагая на каждый патрон 1 зол. 48 долей пороха и 7 зол. 56 долей свинца». Для обеспечения полка в 1873 г. на 438 чел., например, требовалось 3 пуд. 14 фун. 36 зол. пороха и 6 пуд. 3 фун. 35 зол. 32 доли свинца. Командование Восточно-Сибирского военного округа высылало боеприпасы с иркутскими купцами в несколько меньшем количестве.

Казачья форма начала XX в. Олекминские казаки братья Гороховы, нач. XX в.

В середине XIX в. казачьи команды располагали следующим оружием. Вилюйские казаки имели 15 карабинов, 9 пистолетов и 460 боевых патронов на 24 казака. Охотская команда, состоящая из 72 человек, сумела «завести» 23 карабина, 8 пистолетов, 30 сабель и 1140 боевых патронов. Верхоянская команда имела всего 4 ружья и 180 патронов на 13 служилых. В 1844 г. гижигинские казаки владели 100 ружьями и 105 тесаками, из которых большинство были негодными. Колымская команда на 45 человек имела 10 ружей со штыками, 1 пистолет из 580 боевых патронов. У 6 удских казаков в 1849 г. было 5 ружей, 5 пистолетов и 510 патронов. В этом же году во второй

сотне Якутской команды на руках у 110 нижних чинов имелось 101 ружье, 3 пистолета, 400 боевых и 1000 холостых патронов. Из этого числа 45 ружей было «попорчено». Оружием якутские казаки пользовались только в дальних командировках с арестантами, почтой и транспортом.

Положение с вооружением местных казаков стало резко меняться в конце XIX — начале XX вв. В Якутскую казачью команду в 1885 г. дополнительно было прислано из Иркутского арсенала 10 берданок, револьверы и шашки. А чуть позже полк получил еще 40 винтовок системы «Бердана» и 100 шашек старинного казачьего образца. О том, что воинское начальство и гражданские власти были серьезно обеспокоены боеспособностью казаков, говорит и тот факт, что в 1894 г. им была выделена земля для устройства «командного военного стрельбища казачьего полка». В 1916 г.в Верхоянскую казачью команду поставлено 20 новых винтовок со штыками и 1152 боевых патрона. Ко всему этому было приложено по одному экземпляру уставов гарнизонной, внутренней и конвойной службы, наставление по стрельбе, учебники для рядовых пехоты и прибор для стрельбы.

ЖАЛОВАНИЕ ЯКУТСКИХ КАЗАКОВ

Жалование служилых людей как в XVII, так и в XX в., разделялось на две части – денежную и натуральную, которые выплачивались раз в год. Размер оклада жалованья зависел от должности, разряда и срока, наличия особых заслуг, и места службы, например, московские служилые получали больше, чем городовые служилые в других городах. Оклады жалованья якутских казаков соответствовали окладам в Тобольске или Енисейске, часто при переводе в Якутск из других острогов люди сохраняли оклады прежнего места службы.

Согласно отписке Якутского воеводы Михаила Лодыженского о числе служилых людей, денежных и хлебных окладах якутские служилые люди в 1653 г. получали «государева жалованья, опричь ружников и оброчников, двум человекам по 6 рублев по 18 алтын по 2 денги, пяти человекам по6 рублев, семи человекам по 5 рублев с полтиною, пятидесяти одному человеку по 5 рублев по 18алтынпо две денги, девяносто человеком по 5 рублев, одиннадцати человекам по 4 рубля по двадцати алтын, 284 человекам по 4 рубля по 8 алтын по2 денги». При этом годовой оклад хлебана всех в совокупности составлял «2521 четвертей муки ржаные и ржи, весом 11565 пуд три гривенки с полугривенкою, 1576 четвертей овса, а в полы круп и толокна 788 четвертей весом 3152 пуда, 846 пуд 20 гривенок соли». Этот уровень платежей позволял в то время сносно существовать весь год. Часто выплаты приходились на время, когда адресат отсутствовал, находясь на дальней службе. Таком случае выплаты мог получить «по доверенности» кто-то другой для передачи семье или, например, выплаты долгов. Если получить жалованье было некому, то оно копилось в течение всего срока отсутствия. Так случилось с Семеном Дежневым, который провел «в дальних посылках» 19 лет, а после получал в Москве разом всю

причитающуюся сумму деньгами и товаром. В течении двух столетий ситуация в целом не менялась, существенные изменения начались только в XIX в.

Устав о сибирских городовых казаках 1822 г. определил годовой денежный оклад для штата Якутского пешего городового казачьего полка. Он составлял для атамана 400 руб., сотников — 270 руб., хорунжих —240 руб., пятидесятников — 36 руб., урядников—12 руб. и казаков — 6 руб. Кроме денежного жалованья, как сказано в Уставе, «казаки получают от казны обыкновенный солдатский провиант, муку и крупу вперед помесячно». Хлебного жалованья полагалось по 3 четверти мукой и 2 четверти 1/4. четверика крупой в год. Кроме этого, «в уважение в обмундирование по Якутскому краю», устанавливалось ежегодное пособие урядникам, писарям и мастеровым по 12 руб., казакам по 10 руб.

В конце XIX в. якутских казаков снабжало продовольствием Интендантское ведомство, подчинявшееся Военному министерству. Поэтому оно и не было напрямую заинтересовано в бесперебойном снабжении казаков, официально относившихся к Министерству внутренних дел.

В конце 50-х годов XIX в. положениями Сибирского комитет было утверждено добавочное жалованье казакам Якутского пешего городового полка, служащим в Удском остроге (25 марта 1857 г.), Аянском порту (3 июня 1858 г.) и в г. Верхоянске (6 июня 1859 г.) в следующем размере: урядникам по 21 руб. 70 1/2 коп., казакам по 16 руб. 85 1/4 коп. в год. Такое жалованье «в добавок к получаемому денежному довольствию» 30 марта 1860 г. было решено выдавать и казакам г. Среднеколымска. В этих командах размеры жалованья стали несколько выше: правительству приходилось считаться с трудными условиями жизни, дороговизной продуктов питания в отдаленных северных округах.

По закону 1833 г. якутские казаки, как освобожденные от земской повинности, получали «квартирное довольствие» по 5руб. 661/2 коп.

Молодым казакам, не успевшим обзавестись семьями, квартирной комиссией выплачивалось по 2 руб. 68 1/2 коп., сотникам и офицерам по 28 руб. 33 1/4 коп. на треть года. Приказом от 1 января 1878 г. по военному ведомству квартирное довольствие вообще сократили для «улучшения быта казаков и объединения их в станицы». Объяснялось это тем, что данная мера по замыслу военного начальства должна была стимулировать казаков к постройке собственных домов.

Таким образом, рядовые казаки, служившие в г. Якутске во второй половине XIX в., получали в год жалованья—1руб. 80коп., на обмундирование—6руб. 58коп., приварочных— 12 руб., всего — 20 руб. 38 коп. Казакам, расположенным в городах Верхоянске, Среднеколымске, в Удском остроге и Аянском порту, полагалось по 33 руб. 511/4. коп. В Вилюйской и Олекминской командах казаки получали по 16 руб. 66 коп. Урядники и пятидесятники двух сотен г. Якутска имели установленного жалованья по 29 руб. 35 коп. в год, а те из них, кто относился к командам, получавшим добавочные деньги по положениям конца 50-х годов,— 47руб. 331/2коп. Хорунжим платили по 45 руб. 22 1/2 коп., зауряд-хорунжим—78 руб. 45 коп. Жалованье атамана и сотников оставалось прежним, то есть соответственно по 113 руб. 25 коп. и 79 руб. 80 коп. Однако атаман получал двойной продовольственный паек.

Всего в середине XIX в. на казачий полк в составе 462 человека выделялось 2162 руб. 83 коп. В эту сумму входили денежное жалованье, пособие на обмундирование и деньги для делопроизводства в канцеляриях (67 руб. 10 коп.). Выдача денег «на письменные дела» была утверждена военным министром в 1846 г. и распределялись они следующим образом: атаману—11руб. 40 коп.; на первую, вторую и пятую сотни по 5 руб. 70 коп. (14). Оставшуюся сумму составляли «наградные» деньги.

Из получаемого казаками денежного жалованья по распоряжению атамана или управляющего командой могли производиться вычеты

«половинного жалованья в число частичных долгов, штрафных, за не предоставление в срок оставшихся денег, на медикаменты, госпиталя, за бытие в отпусках, за гербовую бумагу, за бытие под судом».

Казаки получали хлебное жалованье мукой и крупой по утвержденному Уставом 1822 г. положению без изменений вплоть до 19 мая 1917 г., когда вышел приказ по войскам Иркутского округа, установивший для всех войск внутри страны, «вне театра войны находящихся», суточную дачу хлеба в 11/2 фун. и крупы — 34 золотника. В соответствии с Уставом 1822 г. детям казаков мужского пола с рождения полагалась половина хлебного довольствия, а с семи лет — полный паек. Это положение распространялось и на мальчиков, прижитых казачками.

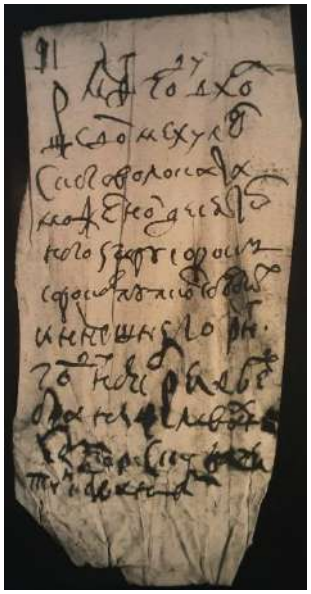
В отдаленные команды края государственное обеспечение казакам доставляли русские купцы и местные торговцы, которые для получения прибыли скупали у казаков вперед на весь год хлебные пайки, а также и право на получение денег. Свидетелем таких сделок, закабалявших служилых, стал И. Шкловский во время отбывания ссылки в Колымском округе. «Купцы,— писал он,— из положенных казакам денег вычитывали здесь за большие проценты добрую половину денег»

Якутские казаки стремились попасть по службе на золотые и горные промысла в надежде улучшить свое материальное положение. Приисковым нижним чинам «суточные деньги» платились с надбавкой на 6 коп., а «вступающим на службу в казачье звание» разрешалось брать ссуду в размере 15 руб. из 5% для обзаведения одеждой и уплатой в течение трех лет. На частных золотых промыслах урядники получали жалованья по 2руб., казаки — 1руб. в месяц. Кроме этого им выдавалось фуражных: овса — 7 пуд. 29 фун. 36 зол.; сена — 20 пуд. 27 фун. 93 зол., соломы — 3 пуд.; провианта: муки—1 пуд. 27 фун. 93 зол., крупы—10 фун. В горном ведомстве уряднику платили по 4 руб. 50 коп., а казаку— по 2 руб. 25 коп. в месяц

Органы управления, стремясь заинтересовать казаков в выполнении полицейских функций, согласно положению комитета министров от 15 июня 1843 г. поощряла их наградными деньгами «заслуженные за препровождение в разные места арестантов» в сумме 28 руб. 58 коп. в год. Наградные деньги выплачивались при условии, если арестанты доставлялись к месту назначения «благополучно», а за «неисправность хотя бы одного казака, весь конвой лишался прибавки к жалованью. Если соотнести размеры наградных денег с жалованьем рядового казака, то становится очевидна их экономическая сила воздействия. Хочется обратить внимание и еще на одну интересную деталь. Из докладной записки урядников А. Попова и Л. Гатилова атаману полка, видно, что за январь—февраль 1873 г. «за надзор над государственным преступником Н. Г. Чернышевским» каждому из них было выделено по 31 руб. 50 коп., а пятидесятнику Бродникову и уряднику Новгородову, находившимся в г. Вилюйске для присмотра за революционером, было выдано еще и добавочное содержание в сумме 200 руб. (сравните—урядник получал в год 29 руб. 35 коп.). При таком «наваре» полицейские обязанности уже не казались, наверное, столь тягостными.

НАША СЛУЖБА И ОПАСНА И ТРУДНА

В XVII в. круг обязанностей казаков определялся особым документом «наказной памятью», которая выдавалась при направлении на службу всем от воеводы до простого казака.



Ярлык от мешка с пушниной, доставленной в Москву «149 (1641) году в холщевом меху ленского волока таможенной десятинного збору сороку сороков пупков собольих и нынешнего 153 (1645) году ноября». Ф. 1177, Оп.3, ч.1, Д. 400, Л.11

Главной задачей служилых людей был сбор ясака и «приискание» новых земель, населенных новыми налогоплательщиками. Именно этому обстоятельству уделяется примерно 2/3 содержания наказных памятей, где до мельчайших подробностей расписана вся процедура общения с «ясашными» и «неясашными иноземцами». С этой главной задачей были связаны все остальные обязанности. Например, служилому человеку Нехорошке, отправленному на Чару и Олекму велено было «…про иных неясачных тунгусов и про иные река и буде реки есть и какие по ним люди живут конные или пешие и есть ли у них какие товары и буде есть и где они товары покупают и какие люди тот товар к ним привозят и како далече те люди живут у которых они товар покупают и сколько их, а распрося написать подлинно, а буде мочно против роспросу и чертеж всему тому учинить». То есть не только разведывать и «приводить под высокую государеву руку» новых налогоплательщиков, но и интересоваться их ресурсами и экономическими связями.

Наиболее удобным путем разведывания новых земель были, конечно, реки, и если мы посмотрим на карту походов, то увидим, что основные маршруты пролегали по водным путям. Именно поэтому почти возле каждого острожка или зимовья почти сразу появлялось «плотбище» - место для строительства судов. Казаки строили разные типы судов – большие кочи, более легкие дощаники, карбасы, лодки разных размеров. Для

дальних походов коч, пригодный к морскому судоходству, мог быть выделен из государственных запасов. Так коч с дополнительными снастями выделили Консантину Степанову Дунаю, отправлявшемуся приказчиком в индигирские зимовья. Согласно списку 1660 г. на учете в г. Якутске в государевой казне значилось около сотни разнокалиберных судов, часть из которых находилась как раз в походах и зимовьях на «сторонних реках». Эти походы и положили начало судостроению и судоходству на реках Якутии.

Несмотря на то что походы были тяжелым занятием – сотни километров пешком по тайге или под парусом и на вёслах по незнакомым рекам, военные столкновения с «немирными иноземцами», ранения и гибель товарищей, отсутствие привычной пищи: «нужу и голод терпели и питались всякою скверною»; тяжелый труд по строительству зимовий и острогов, все же эти тяготы были более или менее привычны. Но кроме этого у служилых людей была большая и непривычная «бумажная работа». Все полученные сведения о географии, геологии, пушных и других ресурсах, народах вновь открытых земель, чертежи пройденных маршрутов необходимо было представить в письменном виде. Огромной отчетностью были обставлены ясачный сбор и прочие денежные сборы с коренного и русского населения – поминки, десятинные сборы, судебные пошлины, всевозможные штрафы и прочее. Вообще по любому поводу составлялись книги и документы в которых надо было «писать имянно» (то есть поименно) и заверять «своею рукою» и печатью. Интересно, что после уплаты ясака и других платежей казаки должны были выписывать своеобразные справки: «А ясашным людем в том ясаке и в поминках давать отписки за своими руками и за печатями впредь для спору и для иных ясашных зборщиков, чтоб тем иноземцом ясашным людем продажи и обиды от служилых людей не было». Огромный объем письменной документации, составляемой казаками, говорит о том, что большинство из них были грамотны, что не удивительно, если вспомнить об их

происхождении с Русского Севера, где грамотность была почти поголовной.

Вообще, вопреки распространенному мнению, служилым людям на ясачном сборе нажиться было практически невозможно – им не только запрещалось покупать пушнину на свои деньги до окончания ясачного сбора, но у них реквизировали всю имеющуюся, даже добытую самостоятельно, «мяхкую рухлядь», а потом проводили проверку, каким способом были получены меха. Деньги за изъятое, либо такое же количество шкурок служилые люди могли получить только по возвращении в Якутск. Попытки припрятать собственную купленную или добытую пушнину жестоко карались.

Предполагалось, что отряд казаков посылается в зимовье или острожек на год, их так и называли «годовальщики», но часто сменить их оказывалось некому и служилые люди проводили на своем посту по несколько лет, снабжаясь на собственные средства у местного населения и проезжих купцов зачастую «дорогою ценою».

Кроме этого казаки должны были нести охранную службу на волоках, таможнях, у соляных ключей в Кемпендяе, в Якутске, сопровождали грузы, следили и пресекали незаконную торговлю алкоголем и азартные игры.

В XVIII веке, когда первопроходческая активность стала отходить на второй план, казаков стали чаще привлекать к хозяйственной деятельности и проведению различных общегосударственных мероприятий. Организация путей сообщения имела огромное значение для всего северо-востока Азии. В процессе присоединения Якутского края к России между острогами и зимовьями казаки проложили водные и наземные пути, ставшие впоследствии основой для развития сети дорог.

На Иркутско-Якутском тракте. Фото из фондов ЯГОМИиКНС

С началом Великой Северной (Второй Камчатской) экспедиции В. Беринга потребовалось организовать переброску огромного объема грузов и людей на побережья Ледовитого и Тихого океанов. Для этой цели дорога вдоль р. Лены, по которой уже в XVII в. шли в Москву обозы с пушиной, в 1738 г. была преобразована в грузовой тракт. После гибели В. Беринга и закрытия экспедиции тракт не потерял своего значения, наоборот в 1743 г. якутские казаки под руководством З. Баишева провели здесь масштабные геодезические работы, определили положение 28 странций, и тракт превратился в почтово-пассажирский, связавший далекий Якутск с Москвой и Петербургом. Естественным продолжением этого тракта на север стал тракт, ведущий на Колыму и далее на Чукотку, огромную роль в снабжении Якутии сыграли Охотский и Аянский тракты, тракты на Верхоянск – Булун – Усть-Янск. На северных трактах не было официальных станций, как на Иркутско-Якутском и их благоустройством тоже занимались казаки. Обживая тракты, казаки и местное население строили «в несколько углов» «поварни», которые предназначались для кратковременного пристанища путников. Таким образом, преодолевая многочисленные естественные преграды, обустраивая тракты, поддерживая связи с дальними округами, казаки служили на благо Якутского края. Бывало, что казаки исполняли обязанности почтальонов.

Устав о сибирских городовых казаках 1822 г. определил для якутских казаков полицейские обязанности: «ночные разъезды в городах, поимку беглых, конвой казенных транспортов, препровождение ссыльных на этапную дорогу, составление конвойной стражи на этапах».

Партия политических ссыльных на р. Лене, нач. XX в.

Хозяйственные обязанности остались привычные «развозка, хранение и продажа продовольствия, сбор податей, разные поручения по части землемерной и строительной, разные поручения при казенных заготовках, охранение соленых озер, побуждение к платежу податей и исправлению недоимок, наблюдение за благочинием на ярмарках, наблюдение на казенных поселениях». Кроме того, казаки «употреблялись в командировки дальния и ближния до 50 человек», совершавшиеся по предписаниям начальников и требованиям присутственных мест», несли службу на Нелькане «для взыскивания денег с торгующих там лиц, преследования кормчества, получения податей и исполнения других важных поручений».

Среди этих «важных поручений» было и поистине грандиозное – участие в кампании оспопрививания, развернувшейся в России с 1811 г. В 1858 г. был создан Якутский оспенный комитет, который и стал главным организатором оспопрививания в Якутии, центральным учреждением стала градская больница. По неполным архивным историческим сведениям на территории Якутской области в XVII – XIX вв. было зарегистрировано 14 эпидемий оспы. Они наблюдались в 1651–1652, 1681, 1691–1694, 1758, 1872,

1884–1885, 1889–1890 годах. В одной из последних эпидемий оспы, протекавшей в 1883–1890 гг., по подсчетам, произведенным на основании данных ежегодных обзоров Якутской области, умерло 4123 чел., т.е. в среднем 36,0 % заболевших. Так что избавление от этой проблемы было более чем актуально. В качестве прививальщиков часто использовали специально обученных казаков, поскольку фельдшеров и лекарских учеников катастрофически не хватало. Казаки в силу природной исполнительности справлялись с этой работой очень хорошо. Так, казачий урядник Иннокентий Киренский, например, привил за четыре года службы 815 человек, за что был назначен в старшие фельдшеры и награжден серебряной медалью.

Серебряная медаль за оспопрививание

Кроме того, по просьбам Больничного совета при Якутской гражданской больнице казаки сопровождали медикаменты в отдаленные округа, а, начиная с 1896 г. при появлении в г. Якутске и его окрестностях сибирской язвы, полк командировал по 10 казаков «для усиления состава ветеринарно-полицейского надзора, приводимого в город для продажи и убоя скота».

Ревизская сказка и медаль участника Первой всеобщей

Казаки выполняли обязанности счетчиков во время государственных ревизий XVIII в. и Первой всеобщей переписи населения 1892 г. Часто использовались в качестве переводчиков в научных экспедициях и в суде. От того, как выполнит свои обязанности казак-переводчик, часто зависело решение судьи.

Службу казаки отбывали понедельно, но более зажиточные заключали «условия» с бедными служилыми, по которым последние продолжали находиться на службе за минимальную плату от 1,5 до 3 руб. Нанимались рядовые казаки и в

командировки в дальние округа. «Дальние посылки» были действительно дальними и долговременными. Для доставки арестантов, например, из г. Якутска в Нижнеколымск требовалось пробыть в пути осенью и зимой от 1,5 до 2 месяцев, а летом — 2,5—3,5 месяца; с почтой: осенью и зимой — 45 дней, весной и летом — 2 месяца. К тому же возвращение казаков обратно зависело от местного начальства, которое выжидало удобного случая для того, чтобы отправить с ними почту, грузы или вновь определяющихся на службу молодых казаков.

Всё это не лучшим образом отражалось на экономическом положении казаков. Из-за частых и длительных командировок многие служилые люди не могли выкроить время для занятия сельскохозяйственным трудом. Поэтому с приближением сенокоса времени огородных работ или хода рыбы рядовые казаки обращались с прошениями об освобождении их от службы. Так, казак Жирков просил «не лишать возможности приготовления жизненных продуктов на зиму по случаю страдного времени, не имея свободы для сельскохозяйственных дел и средств относить службу посредством найма». Как правило, полковое начальство отклоняло подобные просьбы, так как обязательность службы и недостаточный комплект казаков требовали повседневного наличия их на службе.

Отставные казаки вместе со своими семействами имели право расселяться по всем округам, неся «зачатки новой жизни», вступали в контакт с новыми племенами и народностями. Во второй половине XIX в. в отставку «на собственное пропитание» казаки увольнялись приказом Якутского губернатора, по которому им «разрешалось жительство во всей империи и занятия любой деятельностью в казенные и частные места». Отставные казаки должны были «вести себя честно и добропорядочно, одеваться благопристойно, по миру не ходить, местному начальнику повиноваться». Они имели право голоса в полку через выборных депутатов, которые и защищали их незначительные права. В 1888 г. в Якутской команде числилось 65 отставных казаков, Колымской — 8, Олекминской — 14, Вилюйской — 8,

Охотской и Верхоянской по 2 человека. По выходу в отставку служилые должны были «приписываться» к крестьянским и другим обществам, а на тех из них, кто оставался жить на казачьих землях, распространялась власть атамана и управляющих командами. Безбедно жили только те казаки, которые успели «составить себе средства на службе» или занять большой участок земли под хлебопашество.

Якутские казаки при выходе в отставку лишались покосных мест и пахотных земель, или же они произвольно уменьшались, что, конечно, вынуждало казаков служить до последней возможности. В отдельных случаях за продолжительную службу отставных наделяли небольшими земельными участками, но те по старости уже не могли их обрабатывать. Единственный выход в таком положении — отдать надел в аренду, Из-за этой последней возможности прокормить себя, владея землей и хлебным жалованьем, отставные казаки и не стремились выйти из сословия.

ВО ИМЯ ОТЦА И СЫНА…

Присоединение территорий северо-востока Сибири происходило в течение XVII в., и одной из основных задач православной церкви в этом процессе была инкорпорация населения этих обширных территорий в состав государства. Из-за отсутствия коммуникаций, удаленности от центра, распыленности немногочисленного населения решение задачи составляло существенную трудность. Поэтому становление православия в Якутии шло параллельно с оформлением административно-территориального устройства, чем и занимались якутские казаки. Подчеркивая роль служилых людей и значение государственной власти в христианском просвещении, П. А. Словцов писал, что «…где зимовье ясачное, там крест или впоследствии часовня, где водворение крепостное, там церковь и пушка, где город, там правление воеводское, снаряд огнестрельный и монастырь кроме церкви».

Первоначально территория Якутии, как и вся Сибирь, входила в ведение Московской епархии, а наблюдал за ней архиепископ Вологодский и Великопермский. Потому большинство священников, посылаемых в Якутию, были так же, как и служилые люди, из Вологды и Великого Устюга. В 1620 г была создана Тобольская епархия, куда и были включены земли Восточной Сибири. По мере продвижения казачества на восток и присоединения новых земель территория епархии увеличивалась и во второй половине XVII в. для удобства управления была разделена на три разряда, один из них Якутский.

Первое церковное сооружение было построено уже казаками-бекетовцами в основанном ими Ленском острожке. Это была крошечная крепость, в которой находилось две избы и три амбара, но среди них уже была маленькая часовня во имя Михаила Малеина – святого покровителя царя Михаила Федоровича.

Первая церковь появилась в Якутском остроге только в 1640-х гг. построена первая большая церковь во имя Троицы. Именно для нее ещё в 1639

г. проезжающие через Тобольск якутские воеводы получили от Сибирского архиепископа Нектария царские врата, иконы и антиминс. После того как острог перенесли на правый берег реки (на территории современного Якутска), под руководством архимандрита Самуила на выделенные из казны деньги была построена церковь во имя Михаила Малеина, позже к ней прибавились часовня Креста Животворящего и надвратная Знаменская. Кто были строители этих деревянных церквей, мы не знаем, но знаем, что саму крепость строили служилые люди – якутские казаки, поэтому можем предположить, что и церкви строили плотники из этой среды. В конце XVII в. градскую Николаевскую церковь в Якутске построил на свои средства атаман Афанасий Шестаков.

В 1646 г. был сделан большой заказ к церкви Троицы Живоначальной. По имеющимся свидетельствам были написаны иконы для иконостаса с царскими вратами «по шести икон на сторону» и «верхний Деисус» с девятнадцатью иконами. Имелись иконы, посвященные праздникам: Благовещенье пресвятой Богородицы, Рождество Христово, Богоявление, Сретение Христово, Лазарево Воскресение, Вход Господень во Иерусалим, Преображение Господне, Распятие Христово, Воскресение Христово, Фомино уверение, Жены мироносицы, О расслабленном, Преполовение, О самаритянине, О слепом, Вознесение Христово, Троица Живоначальная, Сошествие Святого Духа, Происхождение Креста, Воздвижение креста и киот писанный на золоте. Сотворил всю эту красоту, живший в Якутске иконописец Филипп Никитин. После постройки в 1682 г. новой крепости с церковью так же освященной во имя Троицы иконы перенесли из старой, которую из-за ветхости перенести было невозможно, в новую. К сожалению, эти произведения местной иконописи сгорели вместе с церковью в разрушительном пожаре 1700 г.

Вообще потребность в духовном окормлении у казаков-первопроходцев была очень устойчивой, хотя они вряд ли могли претендовать на роль праведников. Несмотря на весьма сомнительный с точки зрения церкви образ жизни, русские первопроходцы оставались все же людьми глубоко верующими. Эта наивная народная вера, сильно приправленная элементами дохристианских традиций, далекая от официального православия, помогала им оставаться людьми в иногда совершенно нечеловеческих условиях. Потребность в духовной пище, вера в силу молитвы заставила казаков и промышленников Нижнеколымского зимовья в 1685 г. бить челом царю: «Милостивый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец, пожалуй нас холопей и сирот твоих, вели, государь, ему черному попу Макарию быть на Ковыме реке по прежнему, чтобы нам холопям твоим и сиротам без отца духовнаго для покаяния и нужных потреб не помереть и …в конец не погинуть на твоей, государь, на дальней службе на Ковыме реке и на иных сторонних реках».

Часовня в нзовьях Колымы

Эта искренняя вера и благодарность Господу подвигала служилых людей вносить немаленькие пожертвования. В 1642 г. таможенная выпись указывает, что церковный староста Ленского острогу посылает с купцом Л.Я. Ворыпаевым «церковного ради строения» для продажи на Илимском волоке 9 сороков (360 штук) соболей и 30 пупков собольих, пожертвованных служилыми и промышленными людьми «к образам Всемилостивейшего Спаса

и Живоначальныя Троицы». На эти пожертвования покупались церковные книги и утварь, необходимая для служб и украшения церквей.

Огромное значение для распространения православия на северо-востоке

Якутский Спасский монастырь, основан в 1664 г. по просьбе якутских служилых и промышленных людей.

России имела постройка в Якутске в 1663-1664 гг. Якутского Спасского монастыря. Инициаторами основания монастыря были якутские «служилые и промышленные и торговые люди». В челобитных указывалось, что «…по обещанию и по вере своей изволили быть в Якутском остроге монастырю во имя Спаса». В Тобольск к архиерею был направлен служилый человек Иван Афанасьевич Овчинников. Горожане выбрали его на должность строителя, собрали средства и ходатайствовали о посвящении «Ивашки Овчинникова» в монахи. Владыка Симеон дал свое благословение

Можно предположить, что к этому времени в остроге уже были проведены подготовительные работы и составлено общественное мнение о необходимости строительства. Были и монашеские кельи, так как известно о проживающих в остроге в 1660-х гг. монахах: Алексии, Мелевсиппе, Макарии и игумене Евфимии.

В состав монастыря входили две приписные обители: Покровская пустынь (с 1724 г.), ставшая в начале XVIII в. одним из наиболее богатых

церковных учреждений Сибири и Успенская пустынь на Камчатском полуострове, вошедшем в 1697 г. в состав Русского государства.

Известно, что Успенская пустынь, расположенная между Нижне-Камчатским острогом и рекой Ключевкою, была основана в 1717 г. «для безпомощных, престарелых и раненых» якутским казаком - есаулом И. П. Козыревским (в монашестве Игнатием), получившим от тобольского митрополита Антония (Стаховского) разрешение на строительство на Камчатке церкви.

История Покровской пустыни по преданию начинается в 1682 г., когда произошло последнее восстание хангалассских якутов против казаков, но ему не суждено было увенчаться успехом. После поражения, в Покров день 1(14) октября, войска воеводы Ивана Приклонского установили на мысу большой деревянный крест, названный Покровским. К нему спустя несколько лет переехала часть отшельников Спасского монастыря из Якутска. В 1720 году Игнатий Козыревский в награду за курильский поход получил 10 рублей — годовое казачье жалование — и был определен строителем уже сформировавшейся Покровской пустыни.

К середине XVIII в. Якутский Спасский мужской монастырь являлся крупнейшим духовным учреждением края, центром управления Якутского заказа, сложившимся хозяйствующим субъектом, обладавшим значительными финансовыми средствами, одним из зачинателей пашенного земледелия в условиях Якутии. С появлением монастыря историки связывают начало миссионерской деятельности православной Церкви в Якутии. То есть именно с этого времени священнослужители начали целенаправленно обращать в христианскую веру представителей коренных народов.

Еще в 1639 г. первые якутские воеводы-стольники П.П. Головин и М.Б. Глебов получили от Тобольского митрополита строгий наказ: «А буде кто из ясачных людей похочет креститца своею волею и тех людей велети крестить, сыскав про них допряма, что своею-ли волею они хотят креститца, а крестя, устраивать их в государеву службу.., а будет кто из них женского полу, жонки

или девки похотят крестица, и тех женок и девок велеть крестить и выдать замуж за новокрещенного ж и за русских служилых людей».

Казаки сыграли большую роль в христианском просвещении местного населения. Первыми новокрещенами становились те представители местного населения, которым в силу вынужденных обстоятельств пришлось тесно общаться с русскими казаками – аманаты (заложники), толмачи (переводчики) и вожи (проводники), ясыри (слуги). Эти люди довольно долго контактировали с русскими, научались понимать русский язык и исподволь впитывали основы русской веры. Некоторым вера в Христа приходилась по душе, некоторые, что греха таить, желали принять православие из меркантильных соображений, но как бы там ни было на свет появлялись вот такие челобитные: «Царю Государю и великому князю Алексею Михайловичу всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцу бьёт челом сирота твой государев чюхочей мужик Одерка Чотневин. В том, что сирота твой сижу в Нижнем ясачном зимовье в аманатех семь годов, а под меня сироту твоего государева ясаку небывало и впредь не будет, потому что ходычинские мужики братьев моих родников прибили. Милосердный Государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец, пожалуй меня, сироту твоего, вели, Государь, с Ковымы реки отпустить сыну боярскому Второму Катаеву в Якуцкой острог, чтобы мне Одирке быть в православной вере во крещении, царь государь, смилуйся». Этот документ написан в 1660 г., на обороте нарисован олень, наклонившийся вперед, видимо, знак, «пятно» - автограф чукчи Одирки. Из последующих документов следует, что просьба была удовлетворена, и Одирку отправили для крещения в Якутск. Так, не имея специально поставленной цели, служилые люди становились первыми миссионерами в еще совершенно неосвоенных местах для только что присоединенных народов.

К началу XIX в. казаки построили в разных районах Якутии 19 церквей и несчетное количество часовен. В 1741 году по указанию Иннокентия (Неруновича), епископа Иркутского, сын боярский Канаев и служилый человек Л. Санников начали строительство Николаевского собора в Вилюйске «ради многих новокрещеных иноверцев».

Зашиверская Спасская церковь, построена в 1700 г. казаком Андреем Хабаровым.

В 1700 г. в г. Зашиверске на Индигирке была построена Спасская церковь – чудесный образец русского деревянного зодчества в арктической тундре. Согласно «Метрике», составленной в 1888 г. по требованию Академии художеств священником Алексеем Бердниковым, построена она служилым человеком Андреем Хабаровым. Церковь эта пережила не только своего строителя, но и сам город, исчезнувший с лица земли к концу XIX в.

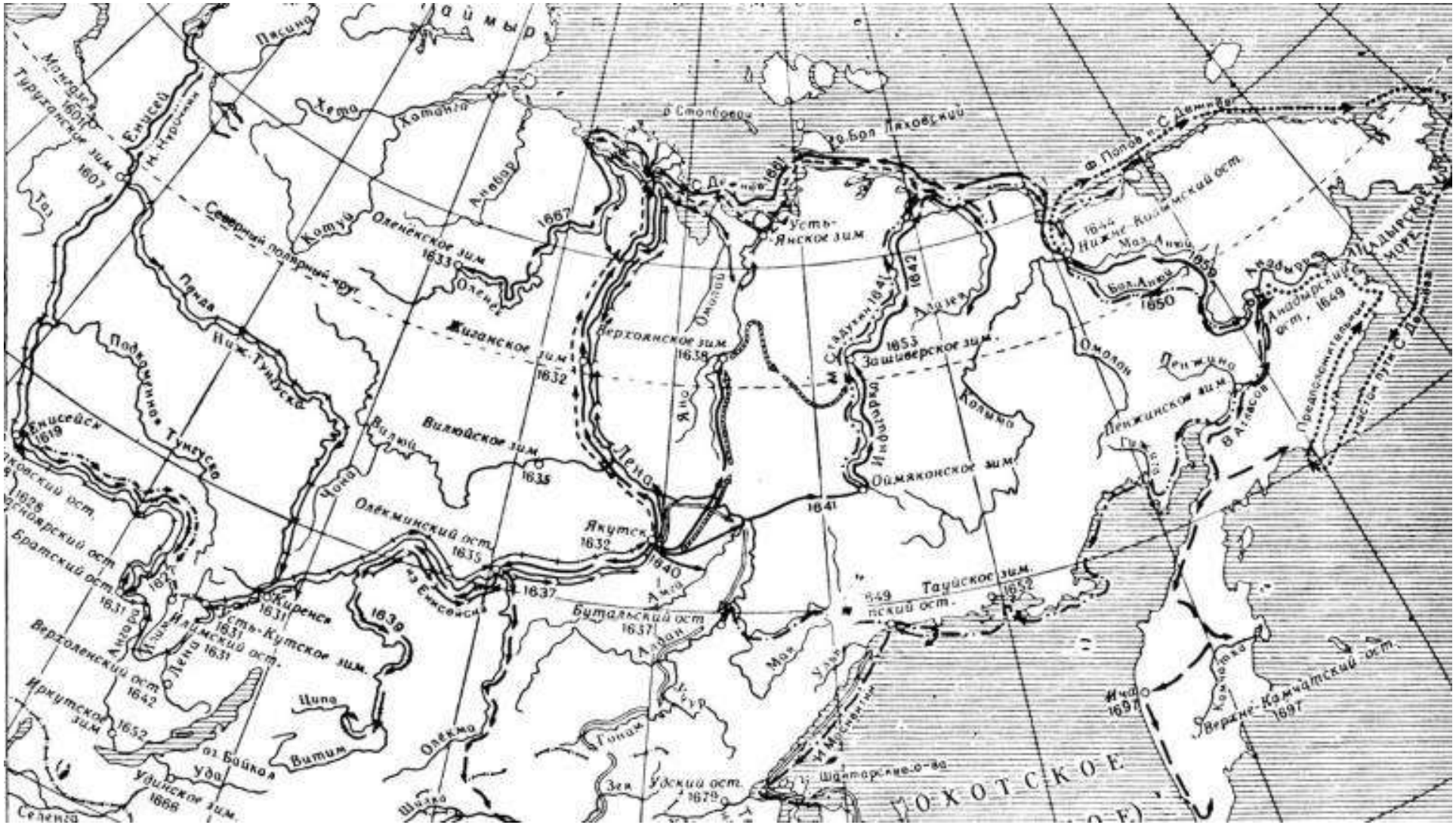
ОТКРЫТИЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ: КАЗАКИ-МОРЕХОДЫ.

Важным этапом русской колонизации Сибири было достижение служилыми и промышленными людьми естественных пределов Азии на севере и северо-востоке.

В 1639 г. 30 человек во главе с Иваном Москвитиным вышли из Бутальского зимовья на р. Алдан в поисках неясачных земель отправились дальше на восток. Они спустились по Алдану до устья Маи, поднялись за два месяца вверх по ее течению до горного перевала хребта Джугджур, перешли по нему в верховье реки Ульи и по ней, преодолев пороги и сделав новое судно, через две недели в 1639 г. первыми из русских вышли на побережье Тихого океана. Русских поразили не только пушные, но и рыбные богатства новооткрытого края. «Только невод запустить,— удивлялись служилые люди,— и с рыбою никак не выволочь...» По возвращении казаки Москвитина доставили сибирским властям, помимо богатой соболиной «казны», ценные географические сведения (одними из первых рассказали о народах Амура и т. д.).

А. Кухтерин Первопроходцы мореходы.

В Сибири XVII в. главной целью арктических плаваний являлся проход морем к устьям рек, по которым можно было подняться до богатых соболем таежных участков. Внимание мореходов вместе с тем привлекали «корги» — лежбища моржей, где добывался драгоценный «рыбий зуб» (моржовые клыки). Первые, по сути дела, разведывательные плавания по сибирским морям русские совершали на небольших судах, построенных кустарным способом во время походов. Затем служилые и промышленные люди ходили в море обычно уже на



Карта походов русских мореходов и землепроходцев

специально приспособленных для этого кочах. Лучшие из судов такого типа поднимали до 40 тонн груза и до 50 человек экипажа, в длину достигали 19, а в ширину 6 метров. Форма и обшивка кочей позволяли им длительное время находиться во льдах (в частности, сжатие выталкивало кочи наверх, а не сминало) и плыть (из-за малой осадки) по узкой прибрежной полосе свободной ото льда воды. При попутном ветре на кочах, используя единственный полотняный или кожаный парус, можно было идти со скоростью до 250 верст в сутки. По свидетельству английского шкипера С. Бэрроу, пытавшегося в 1555—1556 гг. достичь Оби с помощью русских, их суда, «плывя по ветру», опережали английский корабль и время от времени «приспускали свои паруса», чтобы тот не отстал.

Богатый опыт арктических плаваний подсказывал русским людям наиболее безопасные способы передвижения по северным морям и наилучший в тех условиях порядок его организации, ходили обычно большими партиями, караванами. В то время когда средства борьбы со льдами были развиты слабо, особое значение приобретало товарищество людей, уходивших на море. Караванный способ передвижения гарантировал большую безопасность, чем плавание в одиночку. В случае крушения одного судна мореходы перебирались на другие. Но в Арктике нередко бывали и одиночные плавания...

Первым из достоверно известных походов вдоль восточносибирского побережья была экспедиция двинского торгового человека Кондратия Курочкина (Куркина) из Енисея в устье Пясины в 1610 г. Однако, основываясь на косвенных данных, историки полагают, что мореходы шли тогда по уже известному пути. Иначе, например, трудно объяснить, почему Курочкин в течение пяти недель упорно ожидал освобождения устья Енисея ото льда. Заслуживает внимания и сообщение голландца Исаака Массы, записанное им во время пребывания в Москве в 1601—1609 гг., о плавании к востоку от Енисея некоего «капитана Луки». Отчет об этом,

писал Масса, «хранится среди сокровищ Московского государства», и если он пропадет, то это «поистине будет очень печально, так как путешественники нашли много различных и редких островов, рек, птиц, диких зверей,— все это далеко за Енисеем».

О раннем ознакомлении русских с побережьем Таймырского полуострова может свидетельствовать и находка в 1940— 1941 гг. на острове Фаддея и в заливе Симса (к востоку от мыса Челюскин) следов погибшей русской экспедиции. Большинство исследователей, изучив найденные среди остатков снаряжения монеты, датируют ее 1615—1620 годами и рассматривают в качестве бесспорного доказательства того, что русские первыми достигли северной оконечности Евразии.

Широкий размах полярное мореходство приняло после присоединения ленских земель. В 1632 г. за полярным кругом было основано Жиганское зимовье — важный опорный пункт для походов на «дальние заморские реки». В 1633 г. оттуда на реку Яну отправился мангазейский служилый Иван Ребров, снарядив за свой счет группу служилых и промышленных людей. К ним вскоре присоединился енисеец Илья Перфильев, и они поплыли вниз по Лене, достигли моря, повернув по нему на восток, дошли до Яны, где соорудили «зимовье с острожком». Затем Перфильев с добытым ясаком отправился обратно в Енисейск, а Ребров в течение семи лет «проведывал» новые земли. Он совершил морской поход на «Индигирскую реку» (называвшуюся русскими также «Собачьей рекой») и поставил там два острожка. В 1641 г. этот первооткрыватель «Юкагирской земли» доставил богатый ясак в Якутск, а в следующем году вновь достиг морем реки Оленек, где построил зимовье и прослужил до 1647 г.

В начале лета 1636 г. началась одиссея енисейского десятника Елисея Бузы, отправленного воеводой «для прииску новых землиц» на «море» и впадающие в него реки. Отряд Бузы, состоявший из 6 служилых и 40 промышленных людей, «добежал» морем из ленского устья до Оленёка,

оттуда после зимовки перебрался «сухим путем» на Лену и, построив там два коча, вновь спустился в море, повернул к Яне и потерпел крушение, дойдя лишь до Омолоя. Бросив все лишнее, Буза и его спутники, перебрались на нартах «через Камень до янской вершины», где после ряда вооруженных столкновений обложили ясаком местных якутов, затем, построив суда, спустились в низовья Яны и провели там еще два года. Примерно в то же время на северные реки были открыты и сухопутные дороги через Верхоянский хребет. В 1635—1636 гг. «зимним путем на конях» добрался до верховьев Яны и поставил там зимовье служилый Селиван Харитонов. В 1638 г. длительный конный поход «через хребет» совершил во главе отряда в 30 человек служилый Постник Иванов Губарь. Сначала они вышли на Яну, где основали зимовье (будущий Верхоянск), а на следующий год добрались и до Индигирки. В наскоро срубленном там зимовье (впоследствии названном Зашиверским) русские выдержали «крепкий бой» с юкагирами и затем взяли с них ясак.

Прибывший на смену Постнику Иванову Дмитрий Ерило основал ниже по течению Индигирки Олюбенское зимовье. Оттуда весной 1642 г. с отрядом всего в 15 человек на построенном «своими руками» коче он вышел в море и добрался до «Алазейской реки», где в ходе длившегося «целый день до вечера» тяжелого «съемного» (рукопашного) боя разгромил объединенные силы местных юкагиров и чукчей. «Алазейские люди», потерпев поражение, «убегом ушли», а служилые, перевязав свои раны, построили на границе тайги и тундры «зимовье с острожком». К нему тут же подъехал с угрозами «лучший» шаман из местных «князцов», но служилые люди, предприняв дерзкую вылазку, захватили его в плен и в конце концов «положили в ясак» окрестное население.

Вскоре была присоединена и Колыма, куда с Яны еще в 1640 г., «перешед море» на самодельных судах, вновь первым добрался Селиван Харитонов. В 1643 г. казачьи десятники Дмитрий Зырян и Михаил Стадухин, объединив отряды служилых и промышленных людей, пошли с

верховьев Индигирки на кочах до ее устья, а далее морем доплыли до Колымы и закрепили ее присоединение постройкой Среднеколымского и Нижнеколымского зимовий.

Возвращаясь морем же в Якутск, Стадухин оставил на Колыме 13 человек во главе с казаком Семеном Дежневым. Служилым пришлось выдержать в своем острожке жестокий приступ юкагирского войска числом свыше 500 человек. Лишь смерть его предводителя, которого удалось «сколоть», когда юкагиры вломились в острожек, вынудила их отступить.

Беспрецедентным было плавание Семена Дежнева обессмертившее его имя. В июне 1648 г. человек на семи кочах вышли из устья Колымы и двинулись на восток вдоль морского побережья. С трудом обогнув «Большой каменный нос», они прошли проливом, носящим ныне имя Беринга, и доказали существование прохода из Северного Ледовитого океана в Тихий. Тем самым было совершено одно из крупнейших географических открытий XVII в.

По сравнению с морским путем, чрезвычайно опасным из-за свирепых бурь и не всегда проходимым из-за льдов, дорога на Анадырь через горный хребет, открытая в 1650 г. Михаилом Стадухиным, при всех своих сложностях оказалась более удобной. Именно по ней устремились на новую реку ватаги служилых и промышленников.

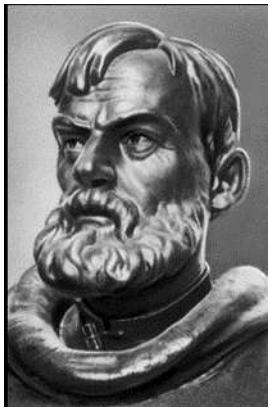
Имеются сведения и об удивительном походе десятника Ивана Рубца. Его отряд отплыл из Якутска по Лене «на службу за море на Анадырь-реку» летом 1662 г. и удачно, в одну навигацию, прошел через Берингов пролив до самого устья реки Камчатки.

Выход из Ледовитого океана в Тихий явился высшим достижением русских полярных мореходов. Он имел важные последствия и для дальнейшего хода колонизации Сибири. Продвигавшиеся «встречь солнца» промышленные люди, достигнув естественных пределов Азии на северо-востоке, повернули к югу, что позволило в кратчайшие сроки освоить богатые соболем земли на Охотском побережье и перейти на Камчатку. В

этом движении вновь сыграли важную роль сибирские мореходы, пройдя вдоль тихоокеанского побережья от устья Пенжины до Охоты. Дорогу же на Охоту «проведал» еще в 1642 г. казак Андрей Горелый во время трудного конного похода с верховьев Индигирки, а в 1647—1649 гг. направленный из Якутска отряд Семена Шелковника после ожесточенных столкновений с тунгусами основал там острог — будущий Охотск. Таким образом, в 50-х гг. XVII в. в этом районе пересеклись два колонизационных потока — сухопутный южный и северный морской.

Они, впрочем, не были равноценны. В связи с «испромышлением» соболя в северных районах Сибири активность мореходства в арктических водах стала быстро снижаться, особенно с 80-х гг. XVII в. Южные пути получали все большую значимость в освоении Сибири и привлекали основной поток переселенцев.

СЕМЕН ДЕЖНЕВ И ЕГО «ОДИССЕЯ»



Семен Дежнев. Бюст гипс Скульптор Б. Н. Бродский. Музей землеведения МГУ

До нашего времени дошли сведения о Дежнёве только за период с 1638 года по 1671 год. Известно, что родился Семен Иванович в Великом Устюге (по другим сведениям — в одном из пинежских сёл) в 1605 г. Когда Дежнёв ушёл оттуда «искать счастья» в Сибирь, неизвестно.

В Сибири он сначала служил в Тобольске, а затем в Енисейске. Среди больших опасностей 1636—1646 годов «смирял» якутов. Из Енисейска он в 1638 году перешёл в Якутский острог. Вся служба Дежнёва в Якутске представляет ряд неустанных трудов, нередко соединённых с опасностью для жизни: за 20 лет службы здесь он был 9 раз ранен. Уже в 1639—40 гг. Дежнёв приводит в покорность туземного князя Сахея.

В 1639 году был послан якутским приказчиком П. Ходыревым на Вилюй для сбора ясака, в августе 1640 служил на реках Татта и Амга (притоки Алдана). В 1641 году Дежнёв, с партией в 15 человек, собирает ясак на реке Яне и благополучно доставляет его в Якутск, выдержав по дороге схватку с группой в 40 человек. Летом 1641 года он вместе со Стадухиным был послан воеводой В. Пушкиным для сбора ясака на реке Оймякон, откуда он спустился в реку Индигирку, а по ней вышел в Северный Ледовитый океан. Здесь Стадухин и Дежнёв соединились с Дмитрием Михайловым Зыряном.

В середине июля 1643 г. казаки достигли дельты Колымы, были атакованы юкагирами, но прорвались вверх по реке и в начале августа на ее среднем течении поставили острожек (ныне Среднеколымск). Весной следующего 1644 г. им все же удалось закрепиться в низовьях, здесь было построено Нижнеколымское зимовье На Колыме Дежнев прослужил до лета 1647 года.

После трёхлетней службы Стадухин и Зырян с ясаком и половиной людей отправились в Якутск, оставив в Колымском острожке Дежнёва и ещё 13 человек. Дмитрий Михайлов (Зырян) с дороги вернулся обратно, а между

тем Дежнёву пришлось отразить нападение более 500 юкагиров, хотевших уничтожить малосильный гарнизон острожка.

Вслед за этим Семен Дежнев принял участие в событиях, обессмертивших его имя. В качестве представителя государственной власти он отправился вместе с промышленными и несколькими служилыми людьми в экспедицию, организованную приказчиком богатого устюжского купца А. Усова холмогорцем Федотом Алексеевым Поповым. Ее целью была река Погыча, слухи о богатствах которой стали распространяться среди находившихся на Колыме русских еще во время пребывания там Стадухина. По тем же слухам Погычи можно было достигнуть, следуя в восточном направлении морем.

В июне 1648 г. 90 (или, по другим данным, 105) человек на семи кочах вышли из устья Колымы и двинулись на восток вдоль морского побережья. В районе мыса Шелагского потерпели крушение два судна, а выбравшихся из них на берег людей перебили чукчи. До «Большого каменного носа» добрались лишь три коча — Алексеева, Дежнева и Анкудинова, причем последний там же и разбило о камни. Людей с него подобрали Алексеев и Дежнев. С трудом обогнув этот «необходимый нос», они прошли проливом, носящим ныне имя Беринга, и доказали существование прохода из Северного Ледовитого океана в Тихий. Тем самым было совершено одно из крупнейших географических открытий XVIIв.

При высадке мореходов на берег произошло столкновение с чукчами. «На драке» с ними был ранен Федот Алексеев. Суда отчалили, но в поднявшейся буре потеряли друг друга. Разбушевавшееся море долго носило коч Дежнева и выбросило его на пустынный берег далеко к югу от реки Анадырь. В течение десяти недель Дежнев и 24 его спутника, претерпевая в условиях начавшейся зимы невероятные лишения, добирались на лыжах и нартах, «сами пути себе не зная», до Анадыря и провели там страшную голодную зиму.

К весне 1649 г. у Дежнева осталось всего 12 человек. Надо, однако, отметить, что и этот небольшой отряд проявил себя как действенная сила. Сделав лодки, он поднялся вверх по Анадырю, взял ясак с местного юкагирского населения и основал зимовье — будущий Анадырский острог. Там в 1650 г. произошла далеко не дружеская встреча Дежнева с его бывшим начальником — Михаилом Стадухиным. Тот добрался до Анадыря с Колымы «сухим путем» через реку Большой Анюй и сам рассчитывал собрать богатый ясак с новых земель.

Дежнев надолго задержался на открытой им реке, добывая возле ее устья драгоценную «заморную кость» (в Якутск он вернулся лишь в 1661 г.), и открытие столь богатой «корги» считал своей главной заслугой. Рассказывая о ней, он и поведал о подробностях похода на «Погычу». От него же исходит известие и о судьбе организатора всей экспедиции — Федота Алексеева Попова.

Как сообщил Дежнев, «возле моря» во время одного из походов ему удалось «оттромить» у коряков участницу плавания вокруг «Большого каменного носа» — «якутскую бабу Федота Алексеева. И та баба сказывала, что де Федот и служилой человек Герасим померли цингою, а иные товарищи побиты, и остались невеликие люди и побежали в лодках с одною душею, не знаю де куда». Сопоставление полученных от Дежнева сведений с другими (правда, менее достоверными) позволяет предположить, что, по-видимому, отважный холмогорец и его спутники были занесены бурей на Камчатку и там погибли. Еще более загадочной представляется судьба кочей, пропавших во время бури до выхода Алексеева и Дежнева в Берингов пролив. Основываясь главным образом на преданиях коренных обитателей северо-востока Азии, повествующих о живших в районе Аляски бородатых и во всем «подобных русским» людях, некоторые исследователи допускают, что часть участников экспедиции Алексеева-Дежнева могли попасть на Американский материк. Примечательно, что Берингу не удалось пройти весь пролив целиком, а пришлось ограничиться

плаванием только в его южной части, тогда как Дежнёв прошёл пролив с севера на юг по всей его длине.

В 1659 году Дежнёв сдал команду над Анадырским острогом и служилыми людьми сменившему его Курбату Иванову, но оставался в крае ещё до 1662 года, когда вернулся в Якутск вместе с Иваном Ерастовым. Оттуда Дежнёв с государевой казной был послан в Москву, куда и прибыл, вероятно, к середине 1664 года. Сохранилась челобитная Дежнёва о выдаче ему жалованья за 19 лет, заслуженного им, но не полученного, что и было исполнено. Получив заслуженные награды и чин атамана, в 1665 году Дежнёв выехал обратно в Якутск и там служил до 1670 года, когда снова был послан с государевой казной в Москву, куда явился в 1672 году. Здесь сердце 69-летнего казака не выдержало, и он скончался в Москве в самом начале 1673 г.

Дежнёв составил чертёж реки Анадырь и части реки Анюй, в челобитных описал плавания по Анадырю, природу Анадырского края.

ХОЗЯЙСТВО И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ ЯКУТСКИХ КАЗАКОВ

В социально-экономическом отношении казачество представляло собой сложное явление. Для того чтобы прокормить себя, казаки издавна вынуждены были заниматься земледелием, скотоводством, огородничеством и различными промыслами. Традиционно казаки имели собственные хозяйства (пашни, огороды, скот), которые позволяли им не только жить, но и снаряжаться на службу. Такая традиция сохранялась и при освоении Западной Сибири, а вот в Восточной и тем более в Якутии условия оказались совершенно иными.

Ввиду сложных климатических условий земледелие только начинало развиваться и то только в районах Олекминского и Якутского острогов и на р. Амга. Урожаи получали небольшие и не каждый год, так что заменить натуральную часть жалованья земельным наделом было нельзя. К 1654 г. относится сообщение о наделении служилых людей сенокосными угодьями. За весь XVIII век известен только один якутский казак служивший «с земли».

Первые упоминания об общем наделении служилых казаков земельными угодьями относятся к 1810 г. В этом году Якутской казачьей команде было отведено казенных оброчных земель по одним источникам — 358 дес. 290 саж., по другим — 780 дес. Казачьи команды других городов пользовались захваченными неудобными землями.

Устав о сибирских городовых казаках 1822 г. стал основным законодательным документом о казачьем землепользовании. Им был установлен 15-десятинный размер земельного надела на одного служилого для хлебопашества и скотоводства.

Основные правила отвода казакам земельных угодий сводились к следующему: 1. земли, издавна отведенные казакам вместо выдачи провианта натурой, оставлялись при них в размере 15 десятин; 2. участки, расчищенные многолетним трудом самих казаков, оставлялись в их пользовании, даже если они превышали норму в 15 десятин; 3. в тех местах,

где было недостаточно удобной для хлебопашества и скотоводства земли, казакам отводились места для рыбной и звериной ловли; 4. участки, ранее пожалованные детям боярским и сибирским дворянам, сохранялись за ними сверх нормы в 15 десятин; 5. казаки не имели права продавать отведенные им земли; 6. в местах постоянного квартирования и на отведенных землях казаки имели право возводить дома и хозяйственные постройки.

Наделы отводились из «пустопорожних», а где возможно из оброчных казенных земель, которых в первой трети XIX в. явно не хватало. Это приводило к трениям с местными жителями, так как наделение казачества землей проводилось за счет наслегов ясачного населения. Но реально эти выделы не оказывали влияния на благосостояние якутов, так как из 1960 дес. 993 саж. пахотной земли в пользовании казаков находилось всего 102 дес. 1399 саж., что составляло 5,2%. На долю русских крестьян приходилось 15,2% плодородной земли, а остальными 77,6% владели якуты.

Со второй половины XIX в. учащаются просьбы рядовых казаков о выделении им пахотных земель. В 1864 г. казак Якутской команды С. Алексеев, «чувствуя в этом крайнюю необходимость», писал в прошении губернатору области: «Мы специально ни к чему не свычны кроме хлебопашества. Оно нам свойственно со всей нашей жизнью. Это ремесло знакомо нам чуть ли не с колыбели».

О занятии казаков огородничеством известно еще со второй половины XVII в. Более широкое распространение оно получает лишь со второй половины XIX в. Огороды являлись серьезным подспорьем в казачьих хозяйствах Якутского края, где они были обязательной принадлежностью почти каждого второго двора. Кроме картофеля якутские казаки выращивали и другие овощи. Так, в 1890 г. они снимали с огородных участков довольно хорошие урожаи капусты, огурцов, лука, моркови, свеклы, репы, разводили коноплю.

До конца 70-х годов XIX в. казаки отводили под посевы пшеницы значительную площадь своих пахотных земель. В дальнейшем основными сельскохозяйственными культурами у якутских казаков становятся рожь и картофель. Необходимо отметить, что вообще набор культур у населения Якутской области, занимающегося земледелием, был постоянным. На первом месте стояли ячмень, ярица, пшеница и овес. Озимую рожь сеяли ежегодно в небольших количествах. Выращивали и другие виды культур: лен, кукурузу, табак.

Несмотря на обширность территории области, далеко не все земли были пригодными для занятия земледелием. В начале XX в. размеры посевных площадей составляли всего 33747 дес. Нехватка пахотных земель, неравномерное их распределение заставляли казаков осваивать земли, отвоевывая их у природы: осушать болотистые озера, распахивать возвышенные места, выкорчевывать лес. Например, в 1876 г. казаки Г. Попов и Н. Малышев осушили болотистые озера, не приносящие «никакой пользы казачеству», за что им были выданы свидетельства на сорокалетнее пользование этими землями.

Во второй половине XIX — начале XX вв. для якутских казаков характерно наличие следующих категорий земли, регламентированных Правилами землеустройства казачьих войск России: станичная — «казачья дача», офицерско-чиновничья и войсковая. Станичная земля выделялась казачьим командам по числу душ м. п. Для офицерско-чиновничьего землепользования характерно «захватное правовладение наделом». Войсковая земля должна была находиться в пользовании всего казачьего населения и служить улучшению хозяйственного состояния служилых путем сдачи свободных земель в аренду и получения в полковую сумму установленного процента, соблюдения пропорций в наделении пахотными участками.

Сложившееся в казачьем землеустройстве положение изменяется только в 1911 г., когда для Якутского казачьего полка были определены

дополнения к «Правилам пользования хлебопахотными землями», закрепившего пожизненное пользование наделом и возможность сдачи его в аренду.

Приведенные выше данные ни в коей мере не должны создавать впечатления о беспроблемности хозяйственного развития в служилой среде. По результатам проведенной в 1876 г. в двух сотнях г. Якутска «подробной съемки земель, состоящих в пользовании казаков», известно, что из 180 чел. служилого сословия землю имело только 38 домохозяев, к тому же из этого числа 22 надела были признаны не пригодными для хлебопашества и составляли солонец.

Земледелием занимались преимущественно семейные казаки. Одинокие надеялись на положенное хлебное жалованье, которым могли прокормить себя, другие же, «не имея достаточно времени из-за тяжелой службы», предпочитали сдавать свои наделы в аренду.

Наряду с земледелием якутские казаки занимались разведением скота. Рост поголовья в казачьих хозяйствах наблюдается с конца XIX в. Если в 1886 г. 27 хозяйств олекминских казаков имели всего 14 лошадей и 49 голов крупного рогатого скота, то уже в 1891 г.— соответственно 93 и 71. По данным переписи 1885 г. в г. Вилюйске на 39 казачьих хозяйств приходилось 120 голов крупного и мелкого рогатого скота и 47 лошадей (24), а в 1900 г. вилюйские казаки имели уже 99 голов крупного и 22 головы мелкого рогатого скота, 71 лошадь. В 1907 г. все казаки Якутского казачьего полка владели 398 лошадьми и 615 головами рогатого скота.

Некоторые казаки разводили овец и свиней. В 1885 г. 48,1% казачьих хозяйств Олекминской и 46,2% Вилюйской команд держали кур и гусей. Значительным подспорьем в хозяйстве при занятии различными промыслами являлись олени и собаки, которых успешно использовали в качестве транспортных средств часть колымских и верхоянских казаков.

Наряду со скотоводством колымские, вилюйские и верхоянские казаки занимались и рыбным промыслом. В тех местах, где рыба являлась «чуть ли не единственным продуктом питания», подавляющая часть казаков занималась рыбной ловлей. При ходе рыбы, во избежание будущей голодовки, они даже отпускались на несколько дней со службы. За это время служилые должны были сделать запас рыбы на зиму.

Так, в 1901 г. 30 казаков Вилюйской команды входили в число крупных рыбопромышленников округа. В 1905 г. казаки г. Среднеколымска составляли 90,9% всех рыбодобытчиков города или 40,4% от жителей округа, занимавшихся рыбной ловлей. В 1907 г. ими было добыто 481 пуд. 30 фун. рыбы 11 наименований, что составило $^{2}/_{3}$ всей наловленной в округе рыбы. В основном добывали нельму, чира, муксуна. Жители Колымы употребляли в пищу только отборную рыбу, мелкую выкидывали или давали на корм собакам. Средний улов рыболова у каждой казачьей семьи составлял 14 пуд. 24 фун.

Казаки нередко нанимали для неводьбы «на общих паях» работников, труд которых при ходе рыбы был тяжелым. С вечера каждого дня всю ночь нужно было закидывать тони до самого утра с получасовым отдыхом для еды. Для того, чтобы сохранить крупную рыбу для продажи, ее держали в реке на веревке или отпускали в песчаные ямы, наполненные водой. Еще в 1772 г. были известны факты разведения служилыми людьми ценных пород рыбы. Во второй половине XIX в. казаки вынуждены были продолжить эту практику, так как рыбные места «постепенно приходили к оскуднению». Например, пятидесятник Е. Большев в 1887 г. выпустил рыбу «для оплодотворения» озера Хомустах с обязательством с каждого улова передавать 20% добытой рыбы в сиротскую сумму полка. Нередко казаки своими силами расчищали рыболовные участки и места для неводьбы (тони). Так, в 1903 г. казак Колымской команды И. Явловский «из-за повторяющихся ежегодно неуловов рыбы по недостаточности тонь и

уловов», расчистил тони и устроил рыболовное место «искусственным образом»

Одна из трудностей, с которой сталкивались колымские казаки, была нехватка материалов для рыболовных снастей. Поэтому они неоднократно просили администрацию выслать вместо жалованья эти жизненно необходимые снасти. В 1850 г. их просьбу единственный раз удовлетворили, доставив 10 пуд. тонкого моттоуза и 20 пуд. льняной конопли. Волос для вязки сетей до нижнеколымских казаков доходил преимущественно черного цвета, так как белый отбирался в пути. При цене конопли 70 коп. за фунт, холста — 30 коп. за аршин, стоимость конопляного и холстового столба невода (каждый столб вязался в 16 ручных саженей*)* была почти одинакова.

Из-за отсутствия рыболовных снастей добывать рыбу неимущим казакам было нечем. Сохранять же выловленную рыбу казаки Колымы в большинстве своем не умели. Отчасти это можно объяснить нехваткой соли и тем, что общественные погреба использовались в качестве... «усыпальниц». Для того чтобы преодолеть «современную безоруженность всего рыбацкого населения и нужду в рыболовных материалах», губернатором И. Крафтом 14 марта 1908 г. было утверждено положение «Об общественных рыбных запасах приречного населения Колымского округа». В соответствии с этим положением каждое сословие должно было образовать «общественные запасы». Казаки обязывались по очереди «отряжать» из своей среды определенное число рабочих для создания рыбных запасов на год

Хотя и имеются документальные свидетельства о занятии части казаков Якутской, Вилюйской и Олекминской команд «звериными промыслами», достаточных сведений об этом не обнаружено. Казаки успешно промышляли лосей, лисиц, горностаев, белок, зайцев, песцов и другую живность. В различной степени охотничьим промыслом занимались

казаки всех команд. Однако большого развития этот вид занятий у них не получил, так как он требовал много свободного от службы времени

Среди казачьего населения Якутской области с конца XIX в. наблюдается рост прослойки казаков — предпринимателей, занимавшихся торговлей, ростовщичеством, арендой наделов. Конечно, развитие данной прослойки не достигло таких размеров так, например, в Забайкалье, где выходцы из казачьего сословия обладали значительными капиталами. Для получения права на торговлю якутские казаки обязаны были «непременно брать установленные для крестьян торговые свидетельства», которые давали право на освобождение от службы. Представители зажиточной верхушки якутского казачества не зачислялись в купеческое звание. Постановление областного управления 1863 г. лишь предоставляло право «лицам, не принадлежащим к купеческому сословию, брать купеческие свидетельства с сохранением настоящего их звания». Поэтому просьба о зачислении в купеческое сословие отставного казака И. Попова, чей капитал соответствовал купцу второй гильдии, оставалась без удовлетворения. Доверенный купца второй гильдии урядник Колымской команды В. Киренский также торговал по купеческому свидетельству, но «без причисления в купечество».

В конце XVIII в. якутские казаки образовали «экономическую сумму полка», складывающуюся из отчислений от любой хозяйственной деятельности казаков. Деньги предназначались для выдачи пособий нуждающимся, вдовам и сиротам. Для этого казаки подряжались на заработки: заготовляли лес, гнали смолу, жгли уголь, изготавливали строительные материалы. Чтобы поддерживать этот фонд, во второй половине XIX в. казаки занимались различными промыслами, извозом, содержали перевозы, сдавали частным лицам в аренду покосы и пахотные земли. Тем самым они способствовали «приращению» полковой экономической суммы.

Казаки сооружали жилища двух типов: первый—русский дом, сложенный из горизонтально положенных бревен с русской, а иногда и с голландской печью; второй—якутская юрта, представляющая собой сооружение в виде усеченной пирамиды из вертикально поставленных и обмазанных снаружи «плах» с камельком. Наибольшая обеспеченность этими видами жилищных построек наблюдается в командах, расположенных в г. Вилюйске и г. Среднеколымске, то есть в тех городах, где казачье сословие превалировало в численной структуре населения. Вместе с тем, по абсолютному числу жилых зданий первенство принадлежит Якутской команде, имевшей 141 дом. Далее следует Колымская— 50 домов, а у Верхоянской—всего 4 дома. Другой тип жилья — якутская юрта — был характерен для казаков г. Якутска, построивших 44 юрты, г. Вилюйска — 35 и г.Верхоянска —11. Наиболее обеспеченными рублеными домами были колымские казаки — 78,8%, меньше всего — верхоянские —12,5%. Колымская, Якутская и Олекминская команды были обладателями жилых строений преимущественно русского типа. В Верхоянской (45,8%) и Вилюйской (59,6%), наоборот, преобладающим типом постройки являлась якутская юрта.

Выплачиваемое до 1878 г. казакам ежегодное квартирное довольствие не могло сократить дефицита в жилье. Большинство служилых не имело собственных домов и довольствовалось занятием «обывательских квартир». Несмотря на трудности объективного порядка, наблюдается постепенный рост в обеспеченности казаков собственным жильем. Например, в 1848 г. в собственности казаков Якутской команды насчитывалось 46 домов, ими владело лишь 21,4% личного состава. В 1871 г. в этой же команде на долю служилых казаков приходилось 55 домов, отставных—44 дома, что составляло 33% от общего количества домовладельцев города

Казаки, владевшие жилыми строениями, предпочитали для лучшей организации хозяйства иметь один зимний дом и небольшой летний дом (заимку) или юрту, служивших дачей в удобное для ловли рыбы или охоты время. Для ведения хозяйства в казачьих командах требовалось наличие надворных построек. Казаки сооружали хлева, сараи. Однако самым распространенным видом хозяйственных построек были амбары.

Во время командировок, «не имея собственных свободных средств отапливать дома в зимний период», казаки нанимали для этого якутов. Совместное проживание в одном жилище хозяина-собственника и бездомных бедняцких семей приводило к распространению в казачьей среде своеобразного социального явления, заимствованного у якутов — «дюккашества». Платой за пользование жильем становился труд дюккаков, выполнявших самые разнообразные хозяйственные работы.

СЕМЕЙНЫЙ СТРОЙ ЯКУТСКИХ КАЗАКОВ

В начальный период освоения Якутии в XVII в. служилое население в основном не имело семей. Именно «в основном» и даже не большинство, согласно письменным источникам, на службу в Якутию из других городов и острогов предпочитали отправлять семейных казаков. Нет, они как правило не везли с собой семьи, но, по мнению воевод, семейность служила определенной «страховкой» от бегства служилого человека со службы. В «Именной росписи тобольских и березовских служилых людей посыланых из Тобольска на ленскую службу с воеводою Головиным со товарищи» более половины из 400 человек указаны как женатые, таковых было бы еще больше, если бы часть женатых казаков не отправила бы вместо себя холостых товарищей (разумеется, не бесплатно).

О том, что на Лену ехали люди семейные, свидетельствуют «Росписи» людей, едущих на Лену в составе отрядов уже бывалых первопроходцев. Например, Василий Поярков в 1640 г. писал, что с ним следует на Лену Осип Кокарёнов «с женою Манькою», а с Еналеем Бахтияровым «на государеву службу» ехали Терёшка Яковлев с дочерью Наташкой да женой Танькой и Гришка Сивой с дочерью Аринкой. В списке принимающих на постой служилых людей, составленном в 1641 г., перечислены матери, вдовы и жены казаков, а археологические материалы таких отдаленных поселений, как Алазейский и Нижнеколымский остроги, содержат орудия труда, связанные с прядением: веретена, пряслица, лопаски прялок, - что говорит о присутствии в XVII в. русских женщин даже в таких отдаленных поселениях.

Уже к середине XVIII столетия, оставаясь подавляющим большинством русского населения, большая часть служащих в Якутии дворян, детей боярских и казаков уже была семейной.

Среди служилого населения было много одиноких, однако большинство среди них составляют молодые люди в возрасте до 30 лет а также те, кто имел семьи, но не в г. Якутске. Например, сын боярский второй статьи М. Новиков, присланный на службу из г. Красноярска, оставил семью там, а П.В. Бутковский, сын боярский из г. Кузнецка, оставил на родине трех сыновей.

Основная масса семей служилого населения состояли из супружеской пары и их детей или супругов без детей. Семьи в три поколения встречаются крайне редко – из 59 казачьих семей только в 4 (6,7 %) жили совместно родители и женатые сыновья. Из общей массы семей служилых это составляет всего 3,4 %. Встречаются у служилого сословия и «братские» семьи, в состав которых в большинстве случаев входят проживающие вместе холостые братья. При женитьбе одного из них такая семья обычно распадалась.

Казачка Евдокия Даниловна Кондакова с детьми, г. Вилюйск, кон. XIX в.

Одинокие составляют 46,6% среди семей служилого населения. Это в первую очередь связано с условиями жизни городских сословий, для которых не было необходимости держаться большой семьей, а дети, вступая в службу уже в 16–18 лет, рано обретали самостоятельность, не спеша при этом жениться. Дальние и длительные командировки, небольшое жалованье и то, что большая часть казаков и других служащих не имела собственного жилья и проживала на съемных квартирах, конечно, не способствовало образованию больших семей.

Женились казаки поздно, в 30–40 лет, а женщины выходили замуж в 18–25 лет. Столь поздняя женитьба представителей верхних слоев общества объясняется тем, что только к этому возрасту большинству удавалось выслужить приличное жалованье, позволявшее содержать семью. Молодые казаки и дети боярские начинали службу с длительных и дальних командировок в ясачные зимовья и для сопровождения различных обозов, редко и недолго оставались дома. Такая жизнь отнюдь не способствовала обзаведению семьей, и только после многих лет службы (дети боярские – к 30–40, а казаки – к 40–50 годам) они оседали на постоянное жительство в городах Якутске, Олекминске и др.

Иногда, однако, встречались случаи очень ранней женитьбы (замужества). Так, в статейных списках горожан г. Якутска за 1782 г. числится некий сын боярский 15 лет, который уже женат, а супруге его всего 14(!). Отставной казак Афанасий Чупров тоже рано женил своего сына Григория, которому было 15 лет, и жене его Пелагее Посниковой столько же. Такие случаи составляют ничтожную долю. Чаще встречалась другая крайность, когда женились мужчины в возрасте старше 50 лет. Так, сын боярский С.П. Кривошапкин женился в 56 лет на 30-летней казачьей вдове, отставной подпрапорщик А.Т. Данилов в 52 года женился на купеческой дочери Анастасии 20-и лет. Женщины в таком браке были, как правило, значительно, лет на 10–20, моложе своих мужей. Встречаются и браки, где жена старше мужа.

Большинство браков казаков заключено с казачками, Дворяне и дети боярские, чиновники и военные также предпочитали жениться на женщинах своего сословия, однако большое количество браков заключено и с дочерьми, и вдовами казаков, с купеческими и мещанскими дочерьми. Тесные семейно-брачные контакты этих сословий с казачеством объясняются тем, что, во-первых, многие их представители сами были выходцами из этой среды, а во-вторых, тем,

что в середине XVIII в. начинается процесс слияния сибирских дворян, детей боярских и казаков в одно служилое сословие, выходцы из которого в будущем (в XIX столетии) заместят собой и большинство чиновничьих и армейских должностей.

Казаки, несмотря на явные предпочтения, не чурались сочетаться «по крещении законным браком» с представительницами коренных народностей. Тесные брачные контакты с коренными народами легко объяснимы: ведь большинство якутских казаков уже в середине XVIII в. были в первом и втором поколениях потомками от смешанных браков или потомками новокрещенных, принятых в казачью службу. Однако такие браки все же не составляют большинство.

В большей степени эти процессы проявляются при рассмотрении семейно-брачных отношений у казаков и в XIX в. На численность семей влияли характер промысловых занятий, обеспеченность земельными и сенокосными наделами, уровень жизни того или иного округа. Статистические данные позволяют определить количество семей в 1907—1908 гг. для каждой казачьей команды.

Неудивительно, что на Колымскую команду приходится самый большой процент семейных казаков (93,9%). При отдаленности Колымского округа и необеспеченности его продуктами питания хлебное довольствие и денежное жалованье приобретало здесь значительную экономическую ценность, что побуждало казаков к заключению не только социально-однородных, но и социально-смешанных браков. Еще в 1851 г. управляющий Колымской командой, отвечая на требование атамана полка перевести в г. Якутск несколько казаков, писал, что «отправлять некого, так как холостых и малосемейных в здешней команде нет». В Якутской и Вилюйской казачьих командах хлебное довольствие не имело такого экономического значения. Отсутствие этого экономического фактора приводило к увеличению количества одиноких казаков. Наибольший

процент бессемейных казаков приходится на Олекминскую (50,8%) и Верхоянскую (41,7%) команды. При дешевизне хлеба в округе олекминские казаки не имели возможности выгодно продать свой паек, а сравнительная обеспеченность населения округа земельными наделами затрудняла сдачу его в аренду.

Малое количество брачных пар в Верхоянской команде явилось результатом искусственной концентрации в этом округе одиноких служилых людей. В отдаленные команды высылали, как правило, провинившихся, эти казаки не были обременены семьями, так как постоянный страх перевода в другую команду являлся одним из психологических обстоятельств, положительно влиявших на соблюдение семейными казаками воинской дисциплины.

Нарушения семейного уклада в казачьей среде наглядно проявились во время голодовок 1861 и 1869 гг. в Колымском округе. Колымский полицейский исправник отмечал: «Недостаточность питания довела жителей казачьего сословия до того, что родители смотрят на незаконные сожития своих дочерей с чисто практической стороны. Девушки, рожающие сыновей, на которых полагается провиант, пользуются даже особым уважением родителей и не пренебрегаются обществом, девушки же, имеющие несчастье рождать дочерей, находятся в загоне. Такое распределение любви родителей объясняется ничем иным, как только бедностью и голодом».

Ко второй половине XIX в. физический тип казачества подвергся сильной метизации. Казаки, находящиеся в окружных городах, слабо напоминали собой русских — «до того форма головы, склад лица и другие физические признаки выдают их за инородцев»,— писал В. И. Иохельсон. Тем не менее, среди казаков сохранился и русский физический тип. В медицинских описаниях физического облика большинства якутских казаков давалась следующая характеристика: «Лицо белое, глаза карие и голубые,

волосы темно-русые, носы средние, говорят по-русски чисто». Рост казаков, достигших 2 аршин с 6 вершками (168, 88 см), считался «большим», чуть ниже этого— «средним». В 1852 г. в Якутской команде из 250 человек 76 казаков считались людьми «большого роста». Русские женщины сохраняли свой физический облик больше, чем мужчины. Наличие межнациональных браков привело к своеобразной, смешанной по физическому типу, культуре, языку и обычаям части русского населения.

КУЛЬТУРА ЯКУТСКОГО КАЗАЧЕСТВА В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Взаимное проникновение отдельных хозяйственных и культурных традиций русского и якутского народов привело к тому, что большого различия в образе жизни казачества и местных жителей не было. Н. Г. Чернышевский справедливо отмечал исторически сложившуюся общность якутов и русских в таком городе, как Вилюйск, где он наблюдал «наполовину русские, наполовину якутские житейские обычаи»

Русские люди рано усвоили якутский язык. Причиной этого явилась та «первоначальная необходимость, какая предстояла казакам, боярским детям и промышленникам» для успешного освоения северных территорий. Участник Ленско-Колымской экспедиции 1909 г. Е. Ф. Скворцов заметил, что среди всех сословий в языковом отношении «особенно поддались якутскому влиянию казаки — потомки покорителей Сибири—между собою даже они предпочитают объясняться на якутском языке». Необходимо отметить, что и якутский язык впитал массу русских слов.

Н. Г. Чернышевский, наблюдая жизнь русских казаков в г. Вилюйске, отмечал постепенное изменение культурно-бытовых условий в их среде. Он писал: «И в нравах тоже много улучшений. Водка выходит из моды. Семейная жизнь довольно чиста от грубости и пороков. Это и противоречит ходячим по России мнениям. Я и сам сначала не верил, что женщины не пьяницы, мужья их не буяны. Но увидел: напрасно обижал в своих мыслях русских Якутской области. Дурное, что думают о нравах этих небогатых, но радушных людей, могло быть более или менее справедливо лет пятьдесят тому назад. А теперь это далеко недурные люди. И не глупые».

Одним из показателей культурного уровня любого общества является степень его образованности. Увеличению числа грамотных казаков способствовало то обстоятельство, что еще указом Сената 1732 г. в г. Томске и г. Якутске были открыты гарнизонные школы, которые, несмотря на элементарность обучения и суровый казарменный режим, сыграли

положительную роль в решении задач просвещения. В XVIII в. дети казаков обучались в навигационных школах г. Якутска и г. Охотска, где их учили геодезии, навигации, арифметике и геометрии. Имеются сведения и об обучении казачьих детей японскому языку

В XIX в. местные команды, обосновывая необходимость создания казачьих школ, именуемых в то время училищами, писал, что из-за неграмотности казаков «встречается много затруднений в службе», так как выбирать на различные должности, требующие знаний некого. Поэтому следует считать, что одной из главных причин открытия казачьих училищ в Якутии являлся крайний дефицит в образованных людях, который стало испытывать областное начальство.

По предписанию Иркутского губернатора казачье училище в Якутске было основано в 1824 г., а в 1841 г. казачье училище на Колыме, которое начало свою просвещенческую деятельность в 1829 г. в Нижнеколымске. При крайнем дефиците в жилых строениях размещать училища было негде. Поэтому городские жители были вынуждены «уступать» дома под училища, как, например, в Нижнеколымске, где оно размещалось в пожертвованном колымскими жителями деревянном доме из трех комнат.

В одном из своих донесений Вилюйский окружной исправник указывал, что в 1897 г. в Вилюйской казачьей школе «в установленном количестве нет ни столов, ни стульев, ни книжного шкафа, нет даже кровати для учителя». Неоценимую помощь училищу оказывало население г. Вилюйска. На пожертвованные народом средства учитель П. Х. Староватов привел школу в надлежащий вид, создал при ней библиотеку, организовал материальную помощь детям бедных родителей.

Во второй половине XIX в. дети казаков обучались по «Российским букварям», «Краткой священной истории», «Ветхому и Новому завету», «Арифметике» Буссе, «Грамматике» Востокова и «Географии» Арсеньева. До введения в 1841 г. пяти степеней оценок знания оценивались на «хорошо»,

«посредственно» и «неудовлетворительно». Зачастую случалось так, что дети казаков не могли посещать занятия из-за того, что их «удерживали родители или те люди, у которых они жили. Дети необходимы были для помощи по хозяйству в доме, а кроме этого, родительский запрет действовал и во время церковных праздников.

Преподаватели казачьих училищ М. Шахурдин, Д. и С. Жирковы, С. Попов, К. Цыпандин, М. Киренский, А. Чартков, П. Староватов, Г. Иванов были прекрасными воспитателями. С их именами связано обучение детей не только русской, но и якутской национальности. Получая ничтожное жалованье, которое к тому же зачастую запаздывало, они покупали на свои деньги недостающие для обучения пособия, учебники, принадлежности. Формирование контингента учащихся в казачьих училищах края не ограничивалось сословными признаками, так как в них обучались и дети мещан, крестьян, солдат и якутов

В конце XIX в. получает распространение практика направления в другие училища области. В 1891 г. 10 казачьих детей получали образование в Якутской мужской прогимназии, 5 — в женской прогимназии, 2 — в Якутской духовной семинарии, 3 — в приходском училище, 18 — в духовном училище, 12 находились в приюте. Наиболее способные дети посылались в училище Иркутской губернии, находившееся в ведении Министерства народного просвещения. С 1880 г. был разрешен допуск якутских казаков в военное учебное заведение—Иркутское юнкерское училище

Возможность получения начального образования на местах позволяла наиболее способным детям казачьего сословия продолжать обучение, серьезно овладевать науками. Так, один из выпускников Вилюйского казачьего училища Иван Лаврентьевич Кондаков (1857—1931 гг.) стал впоследствии ученым с мировым именем. Обучаясь на физико-математическом факультете Петербургского университета, где его наставником стал известный русский химик А. М. Бутлеров, он всерьез занялся научными исследованиями. В 1901 г.

Кондакову впервые в мире в лабораторных условиях удалось получить синтетический каучук. Профессор Кондаков был автором более 150 научных статей и книг. Сын вилюйского казака стал одним из основателей российской фармацевтической науки, первооткрывателем редкого искусственного сырья.

Результатом положительной деятельности казачьих училищ являлся рост образовательного уровня служилого сословия края. В начале XX в. грамотных казаков производительного возраста насчитывалось 37,5%, малограмотных— 20%. Нельзя не отметить, что в трех северных округах больше половины казаков были грамотными, а наибольшее их число относится к Колымской команде 69,6%.

Одним из источников, говорящим о духовном развитии прогрессивно настроенной части якутского казачества, является творчество хорунжего казачьего полка С. Л. Кондакова. Он сын вилюйского казака Лаврентия Кондакова, который «нажил торговыми оборотами большое состояние и слыл среди обывателей самым умным человеком в городе». Отец дал своим сыновьям не только начальное, но двум из них и высшее образование. Гавриил окончил курсы Казанского ветеринарного института. Он в 1896 г. вместе с народовольцем И. И. Майновым участвовал в работе Якутской (Сибиряковской) экспедиции. С. Л. Кондаков оставил потомкам богатое литературное наследство: рассказы, фельетоны, зарисовки о жизни рядового казачества, о нравах обывателей: «Брачная ночь Ларина», «Маленький фельетон» (октябрь 1912 г.), «Силуэты» (1912 г.), «Жизнь якутского казака» (август 1912 г.), «Рыбаки (из жизни казаков)» (март 1913 г.), «Пятнадцать лет назад (из жизни казаков)». Об общественной позиции автора, его отношении к деятельности администрации края, к положению казачьего сословия и другим вопросам многое могут поведать публицистические сочинения Кондакова: «О непроизводительной трате денег государственного казначейства», «Забытый полк», «Мечта якутского жителя» (1909 г.), «Минувший голод в Якутском округе (1910—1911 гг.), «К

вопросу о Ленской железной дороге» (июнь 1912 г.), «О путях сообщения Якутской области» (август 1912 г.), «Общество и государство по теории Н. Морозова и Г. Уэллса» (январь 1914 г.), а статья «О казачьем полку» (сентябрь 1913 г.) была опубликована в газете «Якутская окраина». Сохранились также песни и стихи, написанные С. Л. Кондаковым «Тегерях», «На тегеряхские песни», «С горем родился», «Перед казнью», черновики частушек. Из обилия разнопланового материала можно сделать вывод, что хорунжий полка был человеком весьма разносторонних интересов.

Казаки были и хранителями русской фольклорной традиции. Исторические песни и предания хорошо сохранились на Колыме и Индигирке. Политссыльный В. Г. Богораз составил «Областной словарь Колымского русского наречия» русских «поречан на Колыме», в котором опубликовал 17 песен и былин казаков. Особую ценность представляют былины, сказания об Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче, Мишеньке Даниловиче, Добрыне и Марине. В числе «старых» (исторических) песен В. Г. Богораз поместил «Скопину песню», «О Ваньке Ключнике», а также песню «Про Платова казака». Заслуживают внимания бытовые казачьи песни «Уж как пал туман на сине море», «Что далече-далече во чистом поле», «Не бела ли то заря занималася». Интересна с исторической точки зрения песня, сложенная казаками, «прежде уезжавшими на паузках вверх по Колыме на пути следования в Якутск». Политссыльный И. А. Худяков во время пребывания в Верхоянской ссылке (1867—1875 гг.) записал интересные варианты русских сказок об Илье Муромце, Старце Пилигриме и другие.

В середине XIX в. в Якутске существовал казачий хор и оркестр. Финансирование хора происходило за счет пожертвований, управляющий областью Б.Струве даже объявил подписку, а также из средств, заработанных выступлениями хора. Деньги хора хранились в полковой канцелярии, и их расход фиксировался в специальной книге. Деньги расходовались на костюмы, транспорт, музыкальные инструменты. Расход денежных средств

был целиком в ведении попечителя хора, который по представлению регента и по согласованию с атаманом мог награждать наиболее примерных певчих. С этой целью регент хора Е. Фролов составлял своеобразные ведомости. Поиск «спонсоров» так же был обязанностью попечителя хора.

Репертуар Казачьего хора в середине XIX в. раскрывает нам «Дневник песен урядника Н.Данилова». Среди песен, исполнявшихся казачьим хором, такие популярные и сегодня русские песни, как «Тройка», «Песнь узника», «Вечерний звон», «Черная шаль», много песен и романсов литературного происхождения, исторические песни о Крымской и Русско-турецкой войнах, Песня Яицких казаков и Гимн Якутского казачьего полка, а также частушки, образцы творчества донских и сибирских казаков («За Уралом, за рекой», «На линии было, на линеюшке», «Ах ты, батюшка, славный Тихий Дон», «На заре-то было на зорюшке», «Уж, ты поле мое, поле чистое», «Как на славных степях было саратовских»). Песенник написан каллиграфическим почерком хорошо грамотного человека, и в нем содержится даже одно стихотворение «Похвала гусиному перу». Неизвестно, было ли это стихотворение переписано из какого-либо сборника поэзии XVIII в. или написано устаревшим уже к середине XIX в. стилем (это характерно для «домашних» поэтов) самим певцом-урядником. В любом случае мы имеем свидетельство достаточно высокого уровня культуры якутских казаков.

Казаки музыканты, Олекминск, кон. XIXв.

Одной из основных проблем коллектива было то, что артисты хора и музыканты оркестра не освобождались от несения текущей казачьей службы. Их, как всех, наряжали в караулы и отправляли в служебные командировки, что, конечно, сказывалось на качестве исполнения и создавало проблемы на

выступлениях. Попечитель хора Н.Д. Свербеев в 1852 г. настоятельно просил атамана К.Р. Киренского «освободить участников хора и оркестра от несения караулов, потому что это отвлекает их от занятий и наносит вред голосам». Однако просьба эта услышана не была. Это подтверждает тот факт, что солист хора К. Тарабукин вынужден был на время концерта, как сейчас говорят военные, «продать» наряд, то есть заплатить человеку, который пошел за него в караул. Стоило это 1 рубль, каковые деньги были ему выделены из суммы полученной за концерт.

Просьбу повторил уже в 1889 г. регент хора А. Широков. Атаман Н. Шамаев наложил на нее резолюцию «Уволить нельзя». Атаманов можно понять, ведь для выполнения обширного круга обязанностей, возложенных на якутское казачество, людей в полку хронически не хватало.

Кстати, в рапорте А. Широкова есть один интересный момент. Руководитель хора и оркестра просит атамана взамен уехавшего казака И. Бубякина прислать другого, умеющего играть на альте, « и сделать это сегодня же, так как завтра днем необходимо играть в Благородном собрании». Надо думать, что регент не стал бы просить атамана о чем-то абсолютно невозможном, а значит, среди казаков было достаточно распространено умение играть на музыкальных инструментах, даже таких сложных, как скрипка, и играть хорошо, потому что плохо играющего человека за один день подготовить к ответственному концерту нельзя.

Таким образом, мы видим, что музыкальная культура была отнюдь не чужда якутским казакам, и именно казаки создали первый самодеятельный творческий коллектив в Якутии.

МАРК ЖИРКОВ – КАЗАК-КОМПОЗИТОР

М.Н. Жирков – композитор из казачьего рода. 1892-1951 гг.

Марк Николаевич Жирков родился 29 марта (10) апреля 1892 года в городе Вилюйске в семье казака-поселенца. Жизненный путь Марка Жиркова подразделяется на два периода – вилюйский и якутский. Композитор учился в казачьей школе, затем окончил Вилюйское высшее начальное училище. По окончании потупил в Якутское реальное училище, но вынужден был оставить учебу из-за материальных трудностей.

Интерес к музыке проявился у Марка с детских лет. Он увлеченно слушал олонхосутов, учился играть на домбре, балалайке, гармонике, гитаре, скрипке, пел в хоре политических ссыльных. 1909 году создал струнный оркестр в Вилюйском высшем начальном училище. После окончания учебы в 1910 г. начинает работать учителем пения и постепенно становится во главе музыкальной жизни города. Он организует хор, оркестр народных инструментов, устраивает любительские концерты, участвует в них как дирижер, режиссер и исполнитель. 1912-1914 гг. – учитель музыки в Вилюйском высшем начальном училище, начал сочинять мелодии по мотивам якутских народных песен.

В годы Великой Октябрьской революции М. Жирков принимал активное участие в борьбе за советскую власть, в годы гражданской войны с оружием в руках отстаивал ее завоевания. В послереволюционные годы он работал экономистом – плановиком в Вилюйском ревкоме и исполкоме. В 1921 г. организовал оркестр народных инструментов, драматический кружок и хор в Вилюйске при Народном доме.

Переломным в жизни Марка Николаевича стал 1933 год – год поступления в Московскую государственную консерваторию. Он не имел необходимой профессиональной музыкальной подготовки, и возраст уже был

довольно зрелым поэтому он окончил консерваторию по специальной программе трехлетнего курса под руководством профессора И.И. Дубовского на композиторском факультете.

С 1936 до 1951 года Марк Жирков оставался единственным профессиональным композитором в республике.

В 1936 г. Марк Николаевич - руководитель Якутского государственного национального хора при Якутском драматическом театре, одновременно, до 1949 года, был заведующим музыкальной частью театра.

Жирков собирает народные песни. В 30-е годы композитор записывает народные мелодии от артистов хора, а в 40-е и 50-е годы принимает участие в двух фольклорных экспедициях. За этот период он записал 44 танца, 9 мелодий олонхо, 14 тойуков, 198 песен. Всего М. Н. Жирков записал около 600 народных мелодий, сделал описание народных игр, танцев, зарисовал народные инструменты.

Композиторское наследие М. Жиркова разнообразно по жанрам, включает песни, обработки народных мелодий, инструментальные пьесы, оперы, балеты. Оно подчинено одной главной задаче – созданию якутской профессиональной музыки на основе народной. Несомненно, поздний приход к профессиональной музыкальной деятельности, упущенное время для полноценного образования ограничили перспективы его роста как композитора. Жирков понимал это и, попробовав себя в инструментальных жанрах, сосредоточил усилия в области сольной и хоровой песни и музыкально-сценических жанров, прибегнув при этом к соавторству с Г.И. Литинским. В этом содружестве родились оперы «Ньургун Боотур» и «Сыгый Кырынаастыыр». Пишет балеты «Полевой цветок», «Аленький платочек». Заметно особое отношение Жиркова к хоровому искусству. Это подчёркивается тем, что свою организационную исполнительскую и композиторскую деятельность он начинает в качестве художественного руководителя якутского национального хора (с 9 декабря 1936 г.).

1941 г. – удостоен звания заслуженного деятеля искусств Якутской АССР;1944 г. – один из организаторов первой детской музыкальной школы в Якутске, инициатор создания музыкального театра-студии; 1945 г. – стал членом Союза композиторов СССР;

М.Н. Жирковым созданы также 5 симфонических произведений, сюита для фортепиано из 10 частей, марш для симфонического оркестра, инструментальные произведения, кантаты, квартеты, театрализованный концерт «Ысыах», 35 песен для хора. Он автор песен на слова якутских поэтов, записывал и обрабатывал якутские народные песни. Автор монографии о якутском национальном оркестре.

Заслуженный деятель искусств РСФСР, заслуженный деятель искусств Якутской АССР. Награжден орденом «Знак Почета», медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», Почетной грамотой Президиума Верховного Совета ЯАССР.

В ПОМОЩЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМ XIX в.

Предпринимаемые Академией наук и Русским географическим обществом научные экспедиции, рост образовательного уровня казаков во второй половине XIX в. сказались и на увеличении их участия в научных экспедициях по изучению северных территорий. В XVII в. казаки первыми «открыли» новые земли и начали ставить остроги и зимовья. На протяжении XVII— XVIII вв. вместе с местным населением они являлись непременными участниками походов и спутниками путешественников и исследователей края. В конце XIX—начале XX вв. вновь проявляется значительный интерес казачьего сословия к изучению Якутской области.

Казаки обладали определенным географическим кругозором. Имеются сведения о том, что еще в 1805 г. казацкий сотник Г. Солдатов просил снарядить команду казаков для обследования Новосибирских островов. Спутником путешествий М. М. Геденштрома и Ф. П. Врангеля, «весьма полезным для экспедиции своей опытностью, ловкостью и истинно русской сметливостью», был казак—переводчик Решетников. Из числа помощников Ф. П. Врангеля в Колымской экспедиции (1820— 1824 гг.) «отличался знаток в искусстве водиться с собаками» казачий сотник А. Татаринов. Якутские казаки оказывали помощь Янской экспедиции (1820—1824 гг.) лейтенанта флота П. Анжу, а также в Сибирском путешествии А. Ф. Миддендорфа.

В конце 60-х годов XIX в. правительство решает предпринять меры «для приведения чукчей в совершенное подданство России». В связи с этим генерал-губернатором Восточной Сибири и Сибирским отделом Русского географического общества направляется экспедиция в составе чиновника Якутского управления Майделя, нескольких научных работников и пяти казаков из местных команд. Известны имена трех казаков Якутского пешего городового казачьего полка: 3. Божедонова, И. Котельникова, В. Киприянова, участвовавших в этой экспедиции. Казаки выполняли большой объем работы. О трудностях, которые преодолевали они в пути, говорит тот факт, что однажды, оставшись без оленей, «казаки тащили на своих плечах все ящики с

провизией и платьем верст семьдесят по мерзлой тундре при 40 градусах мороза».

В 1873—1875 гг. по Оленьку и Лене работала экспедиция Сибирского отдела географического общества под руководством А. Л. Чекановского. В сборнике неопубликованных материалов исследователя упоминается фамилия «хорошего знатока якутского языка и якутского севера» казака Д. Н. Большева. По просьбе руководителя экспедиции этот казак, отличавшийся «постоянной честностью, примерной нравственностью и опытностью», в 1878 году пожалован «за оказанные им неслужебные отличия» серебряной медалью.

В состав Ленской экспедиции Академии наук (1882—1884 гг.) в качестве переводчиков с якутского и эвенского языков, а также метеонаблюдателей входили казаки Якутского полка А. Большев, Т. Шахурдин, С. Корякин и А. Попов. Экспедиция работала по программе Международного Полярного года О том, что руководитель экспедиции Н. Д. Юргенс и его помощники А. А. Бунге и А. Г. Эйгнер заранее рассчитывали на приобщение казаков к научным наблюдениям, указывает запись в тетради «Расходы Ленской экспедиции», где в графе «расходы» значатся различные предметы: «клетка для психометра английского образца для обучения людей производству наблюдений». Кроме этого, казаки выполняли и другие работы, например, помогая доктору А. А. Бунге, казак С. Корякин составил план водного бассейна вокруг станции на острове Сагастырь. Таким образом, казаки приняли активное участие в первых на Лене магнитных метеорологических наблюдениях и сами производили измерения.

В «Предварительном отчете об экспедиции 1885—1886 гг на Новосибирские острова» А. А. Бунге указывал, что в составе экспедиции находились «прикомандированные к нам два казака Якутского казачьего полка Семен Корякин и Аким Баишев в качестве переводчиков и прислуги». Из-за того, что намечалась переправка экспедиции на остров Котельный, где «без надежного и знакомого с делами казака не обойтись», в ее состав был включен казак Верхоянской команды Д. Солдатов. Постепенно круг

выполняемых казаками работ расширялся. Им доверялось проведение научных измерений. Так, Э. В. Толль и С. Корякин провели осмотр островов Фадеевского и Новой Сибири, а доктор А. А. Бунге с А. Башневым — «съемку берега острова Котельного»

Верным спутником Колымской экспедиции И. Д. Черского (1891 —1892 гг.) стал якутский казак С. И. Расторгуев. Сын бывшего камчатского казака, Расторгуев в 20 лет был зачислен в Якутский полк. В 1887—1888 гг. он участвовал в поисках военной шхуны «Алеут». Летом 1888 г. ему было поручено найти более удобный перевал для дороги в г. Верхоянск. В январе — октябре 1890 г. Расторгуев совершил путешествие на Камчатку, сопровождая О. Герца. В экспедиции И. Черского он был не только проводником и переводчиком: казак выполнял обязанности коллектора, метеонаблюдателя, заведовал хозяйственной частью экспедиции. И. Д. Черский дорожил участием казака в исследованиях. В октябре 1891 г. он писал: «За все время нахождения при экспедиции Расторгуев исполнял все возлагавшиеся на него поручения с самым похвальным рвением, отличался к тому же действительно образцовым трудолюбием». После смерти И. Д. Черского, завершая начатые исследования, казак довел экспедицию до Нижнеколымска, где продолжил сбор экземпляров птиц, и сопровождал путников до Якутска».

Подвижническая деятельность казака С. И. Расторгуева продолжилась во второй и третьей по счету арктических экспедициях Э. В. Толля (1892—1894 и 1900—1902 гг.). Именем пятидесятника Якутского казачьего полка С. И. Расторгуева названы два острова и пролив в Пясинском и Таймырском заливах Карского моря. Этого почетного права он был удостоен за вклад по изучению «слабоисследованных до той поры пространств» от Новосибирских островов через низовья рек до Хатанги. В 1893 г. С. Расторгуев устраивал продовольственный склад для Ф. Нансена, сопровождал Э. Толля до Хатанги. В конце 1895 г. Расторгуев отправился с почтой в Нижнеколымск, а в феврале 1896 г. уже держал путь в г. Киев, сопровождая политссыльного.

Значительный научный вклад в изучение Якутии внесла Якутская (Сибиряковская) историко-этнографическая экспедиция Восточно-Сибирского Отдела Русского географического общества (ВСОРГО) (1894—1896гг.), снаряженная на средства золотопромышленника И. М. Сибирякова. Самое активное участие со стороны местного населения в ней приняли выходцы из казачьего сословия А. И. Попов, Г. Л. Кондаков, Е. А. Антипин и С. Березкин. Для выработки программы и «установления самих способов исследования» проходили организационные совещания участников экспедиции под председательством секретаря Якутского областного статистического комитета А. И. Попова. А. И. Попов прекрасно понимал значение экспедиции в изучении Якутского края. При помощи правителя дел ВСОРГО. А. Клеменца, вице-председателя РГО П. П. Семенова—Тян-Шанского и академика В. В. Радлова именно А. И. Попову удалось добиться от царской администрации разрешения на участие в составе Сибиряковской экспедиции политссыльным Н. А. Виташевскому, Л. Г. Левенталю, Э. К. Пекарскому,И. И. Майнову, В. И. Иохельсону, В. С. Ястремскому, В. М. Ионову, В. Г. Богоразу и другим.

Вся жизнь Андрея Ильича Попова так или иначе связана с изучением Якутского края. Он начал службу рядовым казаком, затем назначался на должности советника Областного управления, заведовал типографией в г. Якутске, был почетным мировым судьей. В 1879 г. стал секретарем Областного статкомитета и возглавил проведение Всеобщей переписи населения в 1897 г., одновременно входил в состав комиссии по восстановлению башен Якутского острога. В 1900 г. А. И. Попов «произвел изыскание» нового Верхоянского тракта в обход Верхоянского хребта, принял участие в «устройстве опорных и продовольственных пунктов» по побережью Ледовитого океана. С 1 января 1883 г. по 15 июня 1913 г. на добровольных началах А. И. Попов вел систематические метеонаблюдения на Якутской метеорологической станции. С именем А. И. Попова связано рождение Якутского областного музея. Кроме этого, А. И. Поповым была

составлена «программа для собирания коллекции музея», проведена организаторская работа по сбору экспонатов.

Под руководством А. И. Попова издавались ценные труды по истории, этнографии, медицине и другим наукам в «Памятных книжках Якутской области. А. И. Попов и сам являлся активным корреспондентом центральных и сибирских газет, где публиковал результаты своих исследований. Вместе с другими выходцами из казачьего сословия П. Х. Староватовым и Н. Н. Березкиным А. И. Попов входил в состав общества по изучению Якутии «Саха кэскилэ» и являлся его почетным членом.

Научные исследования начала XX в. также не обошлись без помощи местных жителей. Якутский казак-переводчик Н. Дьяконов входил в состав Колымской гидрографической экспедиции 1909 г. под руководством Г. Я. Седова. В этом же году известный по путешествиям с И. Д. Черским и Э. В. Толлем казак С. Расторгуев был проводником Колымской экспедиции во главе с геологом К. А. Волосовичем. Исправно служил в Чукотской экспедиции (1909—1910 гг.) И. П. Толмачева якутский казак Е. Березкин.

Представители местного населения оказывали посильную помощь иностранным полярным экспедициям и отдельным ученым, предпринимавшим во второй половине XIX в. попытки изучить северо-восточные берега Сибири. В 1882 г. в составе экспедиции Д. Мельвилля по спасению членов экипажей американских судов «Жанетта» и «Роджерс» участвовали казаки Г. Большев, П. Калинкин, М. Татаринов, Н. Жирков, Г. Баишев, И. Кошелев и П. Решетников. В 1883 г. американские офицеры Гарбер и Шютце перевозили с устьев Лены на родину останки капитана Дж. Де-Лонга и его спутников. Они настоятельно просили местные власти о назначении в качестве переводчика именно казака П. Калинкина, «хорошо зарекомендовавшего себя». Кроме него до С.-Петербурга американских путешественников с яхты «Жанетта» сопровождал и казак Бажедонов.

Некоторые казаки вели самостоятельные наблюдения, связанные в основном с практическими задачами по изучению путей сообщения внутри области и за ее пределами, составляли исторические летописания освоения края. Казак С. Кондаков, командированный в 1887 г. на розыски американской военной шхуны «Алеут», исследовал отдаленный Приморский край. Он собрал этнографический материал, связанный с обычаями и нравами колымских чукчей, зарисовал элементы одежды местных жителей. Проходившая в России перепись населения в 1897 г. потребовала привлечения образованной части населения к этой работе. Хорунжий Якутского казачьего полка И. П. Решетников провел перепись по всему Верхоянскому округу. До этого он исследовал «причины упадка» скотоводства у крестьян Якутского, Вилюйского и Олекминского округов.

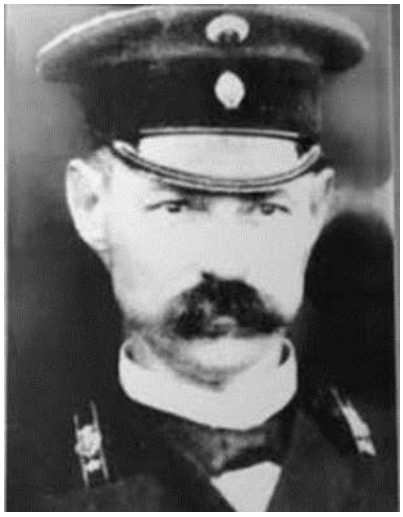
Другой якутский казак Н. М. Березкип в 1901 г. сделал подробное описание и составил «План Ольско-Колымского пути из Приморской области через Сеймчан и Оймяконо-Борогонский наслег в Якутск». Эта работа вышла отдельным изданием в 1915 г. Благодаря колымскому казаку Явловскому наука получила единственную в мире по своей ценности тушу мамонта, найденную в августе 1900 г. эвеном С. Тарабыкиным в долине реки Березовки, которая находится в Зоологическом музее Российской Академии наук.

В 1907 г. отставной казак Н. Н. Березкин подал заявление о вступлении в члены Географического общества и, не дожидаясь решения, предпринял самостоятельное изучение Колымского округа. По заданиям метеорологической комиссии ЯОРГО вел метеонаблюдения в Вилюйске учитель местной казачьей школы П. Х. Староватов. Петр Хрисанфович стоял у истоков краеведения Якутии, посвятив свою жизнь изучению минеральных богатств Вилюйского бассейна.

Таким образом, якутские казаки внесли весомый вклад в изучение северо-востока России, осуществляемое экспедициями Академии наук и

ВСОРГО. Исполняя обязанности проводников, переводчиков, неся хозяйственные функции, местные казаки постепенно приобщаются к исследовательской деятельности и становятся первыми помощниками ученых и путешественников. Благодаря помощи русских ученых, политссыльных, у них со временем расширяется не только диапазон исследований, но и становятся более разнообразными методы изучения северного края.

АНДРЕЙ ИННОКЕНТЬЕВИЧ ПОПОВ.



А.И. Попов, сотник Якутского казачьего полка, секретарь Якутского Статистического комитета, член ЯРО РГО, основатель Якутского краеведческого музея

Якутские казаки всегда были патриотами своего края, здесь они жили, несли свою службу. Честь мундира не была для этих людей простым звуком: с выдержкой и трудолюбием, достойными восхищения, исполняли они свою нелегкую миссию. Время от времени, конечно, возникали у казаков и разного рода сложности. В 1907 г. газета «Якутский край», например, писала: «Конвоирование арестантов принадлежит к числу самых неприятных для казаков обязанностей. А поручения полиции? Казак — вестовой, казак — денщик, казак ловит беглых, казак собирает ясак, казак — почтальон, казак — счетчик в казначействе», можно добавить, казак – переписчик и казак-оспопрививатель. Всю свою историю якутские казаки оставались опорой государства в самых труднодоступных местах и нелегких ситуациях. Были среди них и настоящие подвижники, один из таких людей – сотник Якутского казачьего полка Андрей Иннокентьевич Попов. Сегодня его имя находится в тени, а жаль, именно такие люди составляют гордость и славу России.

Родился Андрей Иннокентьевич в 1858 г. в семье казака Якутского казачьего полка. Как и полагалось, в службу вступил в 16 лет, в 1874 г. Образование получил в Якутской мужской прогимназии, затем был направлен для продолжения образования в Иркутское юнкерское училище и окончил его в 1878 г. В 1883 г. получил звание сотника, в 1903 г. есаула. В 1879 г. назначен секретарем Якутского статистического комитета, в 1899 г. — исправником Якутского округа. Закончил службу на должности старшего советника

Якутского областного управления. Несколько раз исполнял обязанности вице-губернатора области. Дослужился до ранга статского советника.

На формирование личности А.И. Попова, по его собственному мнению, огромное влияние оказала его долголетняя связь с политическими ссыльными: «Наскучившись шаблонной служебной сутолокой, я искал удовлетворения своим культурным запросам среди начавшейся с конца 70-х годов политической ссылки. Первыми моими знакомыми были А.И. Шиманский (поляк, литератор, умер в московской клинике лет шесть тому назад), потом Я.Е. Гуревич, которого я взял, было, к себе на квартиру, но... не надолго. По донесению полиции, губернатор, генерал Черняев, приказал прекратить мое сожительство с этим «преступным элементом», пригрозив при этом, что в случае продолжения сношений моих с ним, он меня не пощадит... Не увлекаясь особенно политическим воспитанием, я испытывал удовлетворение в обществе интеллигентной молодежи, преимущественно университетской. Это были мои лучшие товарищи, мои учителя и сотрудники за все время службы моей в Статистическом комитете и в последующие годы».

Работа в Статистическом комитете сделала из Попова настоящего краеведа и исследователя. Под его руководством комитет стал выпускать ежегодные отчеты, «Памятные книжки» и «Обзоры Якутской области». Эти замечательные издания, в которых содержались не только статистические данные, но и статьи о природе, истории и культуре Якутии конца XIXв. и сейчас являются ценным источником информации. Статистический сборник «Казачье население Якутской области», изданный по инициатив А.И. Попова, - единственное издание, подробно освещающее жизнь якутских казаков на рубеже столетий. При Статистическом комитете Андрей Иннокентьевич создал богатую научной и краеведческой литературой библиотеку, стал одним из инициаторов создания Якутского отдела РГО. Именно благодаря его усилиям и при его участии стало реальностью осуществление такого смелого, казалось бы, даже невозможного для того времени, проекта, как экспедиция силами политических ссыльных — Якутская (Сибиряковская) экспедиция

(1894—1896 г.г.): «Мы приступили к делу только потому, — писал ему участник этой экспедиции И.И. Майнов, — что вполне полагаемся на Ваши обещания». В другом месте он же пишет: «Собрания членов экспедиции для деловых совещаний разрешались не иначе как в помещении Якутского Статистического комитета под председательством секретаря комитета, казачьего сотника А.И. Попова». Известно, что Андрей Иннокентьевич лично участвовал в собрании материалов, вошедших в 5-й том «Трудов» экспедиции, который, к сожалению, не увидел свет.

Как секретарь Статистического комитета А.И. Попов оказывал помощь прибывающим экспедициям (Н.Д. Юргенса (1881—1885 г.г.), И.Д. Черского (1891—1892 г.г.), Э.В. Толля (1900—1903 г.г.), П.Л. Драверта (1907 г.) и др.) вплоть до «разработки плана работы». Известно, что в 1892 г. он проделал самостоятельное исследование месторождения железа на р. и пришел к заключению, «что при лучших условиях производство железа могло получить широкое развитие».

«Все мои действия были направлены к улучшению хозяйственного устройства сельского населения», — писал А.И. Попов в автобиографии. Там же напоминает о впервые сделанных по его предложению запасах хлеба и семян (впоследствии опустошенных в годы революции), об участии в «Скрыпицинской» комиссии по выработке инструкции о борьбе с «классной» системой пользования покосами.

Поддерживая постоянную связь с улусами, он в 1909 году, когда нависла опасность распространения эпизоотии сибирской язвы, оперативно принял самые необходимые меры. Лично выезжал в Дюпсинский, Борогонский и Баягантайский улусы Якутского округа. Узнав о нависшей угрозе «неурожая хлебов и трав» в 1910 г., он отправился в Ботурусский, Мегинский улусы и Амгинскую волость Якутского округа «для обследования их в продовольственном отношении и выяснения размеров помощи, которая может потребоваться местному населению».

О большом уважении и доверии к А.И. Попову со стороны сельчан говорят следующие факты. В 1908 г. он был приглашен на съезд представителей населения Якутского округа, а в 1912 г. председательствовал на совещании по сельскому хозяйству. На последнем рассматривались такие важные вопросы, как установление причин сокращения поголовья скота, организация артелей по сбору продукции животноводства для снабжения приисков.

И еще такие штрихи: с именем А.И. Попова связаны электрификация г. Якутска, строительство здания музея и библиотеки, казначейства, реального училища, городской больницы, Ольгинского приюта, реставрация башни Якутского острога. Он организовал Вольное пожарное общество с дружиной, спасшей Якутск от огненной стихии при сильном пожаре в 1896 г.

А.И. Попов сам себя называл «культуртрегером». И это не просто поза. Ведь именно он в 1886 г. завел впервые в Якутской области жатвенную машину, первым промчался по улицам Якутска на своем «железном коне» — велосипеде...

Андрею Иннокентьевичу можно сказать повезло за все время службы, даже будучи окружным исправником ему не пришлось исполнять чисто полицейские обязанности. Являясь начальником Якутского гарнизона в дни Февральской революции, он не вывел из казармы своих солдат, предотвратив тем самым кровопролитие и еще более драматическое развитие событий. Он боролся за преобразование Якутского казачьего полка, снятие с него полицейских функций.

С именем Андрея Иннокентьевича связано рождение Якутского областного краеведческого музея в 1891 г. Он составил «программу собирания коллекции музея», провел организаторскую работу по сбору экспонатов. По его инициативе печатался «Якутский словарь», составленный Э. К. Пекарским. Понимая историческую ценность остатков Якутского острога, А.И. Попов смог убедить губернатора И.И. Крафта в необходимости реставрации хотя бы одной башни. Реставрация состоялась в 1912 г. на

народные пожертвования, а руководил работами архитектор Н.В. Баумгартен. В 1914-1917 гг. был председателем Якутского отдела РГО. Почетный член общества «Саха Кэскилэ» («Будущее якутов»). В 1926 г. назначен членом сельскохозяйственной секции при Госплане ЯАССР. В 1933 г. был уволен как представитель царской власти и уехал в Клязьму к сыну.

СТОЛЕТИЕ РЕФОРМ.

За свою долгую историю Якутский казачий полк несколько раз менял свое название и административное подчинение. (Таблица1). Особенно интенсивно эти изменения происходили в XIX в. в связи с интенсивной деятельностью правительства по реформированию системы управления государством.

Таблица 1

Подчинение Якутского казачьего полка

период		Полное наименование	Наименование соединения, в состав которого входил полк
С какого года	По какой год		
1632	1641	Приказчику Якутского острога	отдельный
1641	1784	Якутскому воеводе	Якутский казачий полк
1784	1805	Иркутскому оберкоменданту	Якутская казачья команда
1805	1822	Якутскому областному начальнику	Якутский казачий полк
1822	1864	Иркутскому гражданскому губернатору, в ведении МВД	Якутский городовой пеший казачий полк
1864	1884	В ведении военного ведомства Восточно-Сибирского военного округа	
1884	1889	Иркутский военный округ	
1889	1919	Омскому военному округу в составе Сибирского военного округа	

В связи с проведением административных реформ М. Сперанского по управлению Сибирью 22 июля 1822 г. был принят «Устав о сибирских городовых казаках», определивший служебные и хозяйственные функции якутского казачества на протяжении последующих девяноста пяти лет.

С принятием Устава 1822 г. произошло окончательное преобразование команды в Якутский пеший городовой казачий полк, подчинявшийся местной администрации, которой, в свою очередь, управлял Иркутский гражданский губернатор. Таким был механизм превращения городовых казаков в военизированные административно-полицейские формирования.

Согласно Уставу 1822 г. полк должен был состоять из полкового атамана, 5 сотников, 5 хорунжих, 18 пятидесятников, 28 младших урядников, *1* писарей, *1* мастеровых и 500 казаков. Всего в полку без конных казаков, которые упразднялись, положено было иметь 571 человека. Однако количество казаков в Якутском крае на протяжении всех последующих лет не соответствовало установленным требованиям.

По Уставу 1822 г. дети казаков с 16-летнего возраста определялись на службу и не имели права выхода из сословия. Однако в большинстве своем они принимались на службу с 17 лет из-за «слабого телосложения», а иногда и незнания русского языка. Зачастую ввиду полного комплекта команды по месту рождения детей казаков отправляли в другие округа, что осложняло жизнь их родителей.

Якутский пеший городовой казачий полк в XIX в. состоял из 5 сотен: первая и вторая сотни находились в г. Якутске, третья— г. Гижигинске, четвертая — в г. Охотске и пятая объединяла команды, расположенные в городах Олекминске, Верхоянске, Вилюйске, Колымском округе, а также в Удском укреплении и при Алданском перевозе. Ввиду того что в середине XIX в. Гижигинск «утратил значение города», находившуюся там сотню казаков упразднили; полк стал насчитывать в своем составе 4 сотни. Причем порядковый номер пятой сотни, находившейся и окружных городах, сохранился.

Реформы в области организации, комплектования армии и управления войсками в 60-е годы XIX в. не могли не коснуться иррегулярных войск. В 1868 г. в духе буржуазных преобразований было закончено структурное изменение в Военном министерстве. Утвержденная 1 января 1869 г. структура предусматривала создание Главного управления иррегулярных войск, в котором были сосредоточены все дела, касающиеся военного и гражданского устройства казачьих войск. При этом управлении состоял комитет иррегулярных войск, рассматривавший все законодательные и хозяйственные вопросы жизни казаков. Военное ведомство оказывало прямое воздействие на местные формирования, находившиеся в областях и губерниях России. Не случайно поэтому в документах Якутского казачьего полка имеются и материалы с указаниями Главного управления иррегулярных войск. Военное министерство составляло конечную инстанцию в решении вопросов жалованья, организационного устройства, сохранения и усиления полицейских функций якутских казаков.

Система военно-окружного управления была утверждена 6 августа 1864 г. В следующем году в образованный Восточно-Сибирский военный округ вошли Иркутская, Енисейская губернии, Якутская, Забайкальская, Приамурская и Приморская области. Военно-окружной штаб этого округа контролировал деятельность Якутского казачьего полка,

С упразднением в 1884 г. Восточно-Сибирского военного округа из Иркутской, Енисейской губерний и Якутской области был образован Иркутский военный округ (1884—1899 гг.; 1906—1918 гг.). В соответствии с приказом от 22 июня 1899 г. Якутия входила в состав так называемого Сибирского военного округа. Расположенные в Енисейской, Иркутской губерниях и Якутской области резервные батальоны, местные и конвойные команды, а также казачьи части подчинялись Омскому военному округу. Итак, совершенно справедлива характеристика якутских казачьих команд

как военно-полицейских формирований, осуществляющих служебную деятельность на отдаленных северных территориях.

К концу XIX в. само существование городового казачества в целом и Якутского полка в частности стало вызывать много вопросов и сомнений. Еще И. И. Майнов, повторяя вывод Н. Матюнина, писал: «С покорением Камчатки в самом начале XVIII в. историческая роль якутского казачества закончилась, и дальнейшее его существование, как отдельного сословия, составляло уже анахронизм».

Во второй половине XIX в. остро назрела проблема расформирования якутских казачьих команд, причем местная администрация стояла перед выбором их послереформенного статуса, поскольку правительству было все же выгодно содержать на такие скудные средства одну из главных не только и не столько воинскую силу, сколько беспрекословную и добросовестную опору для проведения любых государственных мероприятий в Якутской области.

Чиновники Главного управления Восточной Сибири понимали трудности в управлении казачьими войсками. Поэтому в 1865 г. они предложили Военному министерству с целью уничтожения замкнутости забайкальского казачества предоставить ему права земского управления, а казачьи полки Иркутской, Енисейский и Якутской области планировали «слить в административном отношении с гражданским населением страны».

Генерал-губернатор Восточной Сибири 12 сентября 1871 г. обратился к военному министру с просьбой дать якутским казакам «освобождение от обязательной службы», а также гарантировать им право выхода из сословия, которое уже было «даровано» 21 апреля 1869 г. другим казачьим войскам военного ведомства.

В 1872 г. Якутским областным начальством был представлен первый проект «улучшения быта казаков», но и он не предусматривал каких-либо существенных изменений и был впоследствии забыт. Не дал практических

результатов и приезд в г. Якутск в 1876 г. царского генерала А. Манькина-Невструева, специально посланного для составления проекта о преобразовании полка.

Впервые подобный проект был рассмотрен в 1878 г. Министерством финансов, Военным министерством, Министерством внутренних дел. Исходя из того, что «администрация нуждается в казаках и что они для Якутского края пока незаменимы», было постановлено «применить к ним те же начала, какие приняты вообще для казачьих войск в Сибири, с устройством для них особого местного военно-административного и хозяйственного управления, подчиненного на общем основании Военному министерству». Интересно, что если Государственный Совет так и не рассмотрел данный проект в целом виде и не утвердил многие служебные льготы, предусмотренные для казаков, то Военный Совет одобрил положение о подчинении якутских казаков в военном и хозяйственном отношении тому же Военному министерству.

Якутские казаки единственные из служилых частей России продолжали отбывать установленный 25-летний срок службы, что, конечно, уже не соответствовало уровню развития социально-экономических отношений в области и тормозило включение казачьего населения в орбиту хозяйственных отношений. Администрация понимала необходимость какого-то облегчения жизни якутского казачьего сословия. Поэтому во время приезда в г. Якутск Иркутского губернатора Горемыкина в 1890 г. в числе вопросов, «вызывающих особое внимание», разбирался и проект преобразования полка. Мера, которой ограничился губернатор, была подачка «на нужды беднейших казаков» в размере 100 руб. В последнее десятилетие XIX в. вопрос о преобразовании казачьего полка рассматривался областным управлением безрезультатно четыре раза.

Над областным начальством довлела позиция Военного министерства: любой ценой, превратив полк даже в строевую часть или в отдельную

команду по военному образцу, не допустить его расформирования. Военные офицеры исходили «из современных условий быстрого развития государственной и общественной жизни Сибири в то время, а также в связи с чрезмерным возрастанием военных сил Японии и событий на Востоке», стремились не к упразднению, а к усилению находящихся в Сибири войск.

Вопрос о существовании полка вновь был поднят в 1909 г. Якутским губернатором И. Крафтом. После изучения состояния казачьих команд области он писал, что «расформирование полка крайне важно в интересах самих казаков». Однако в опубликованном в 1912 году сборнике документов по управлению областью, составленном этим же губернатором, большое место было уделено вопросам управления казаками и существованию этой воинской силы и в будущем для «нужд края».

Только правительственным указом от 31 мая 1913 г. якутским служилым были разрешены свободный выход из сословия и производство офицеров полка в высшие чины. Вместе с тем казаки при выходе в отставку лишались земельных наделов.

На основе анализа большого комплекса источников можно сделать несколько принципиальных выводов о военной организации якутского казачества. Несмотря на то что во второй половине XIX в. часть территории Якутии была выделена в образованные Камчатскую и Приморскую области, Гижигинская (до 1858 г.), Охотская, Удская и Аянская казачьи команды фактически до конца XIX в. комплектовались из якутских казаков и входили в состав полка.

Официально Якутский пеший городовой казачий полк входил в ведомство Министерства внутренних дел и подчинялся гражданскому губернатору. Однако в связи с воинскими реформами 60-х годов XIX в. созданное при Военном министерстве Главное управление иррегулярных войск оказывало существенное влияние на экономические условия и

политическую ориентацию городовых казаков в сторону неукоснительного выполнения ими полицейских обязанностей.

ЯКУТСКИЙ ГОРОДОВОЙ ПЕШИЙ КАЗАЧИЙ ПОЛК НА РУБЕЖЕ XIX – XX СТОЛЕТИЙ

Самой старейшей из казачьих команд являлась Якутская. Она возникла в 1632 г. вместе с маленьким острожком, поставленным отрядом енисейского казака П. Бекетова. Служилые Якутского острога первыми приняли собственное название якутских и начали «предпринимать походы во все стороны». В середине XIX в. в Якутске состояло следующее количество служилых чинов: атаман, сотник, 2 хорунжих, 8 пятидесятников, 4 писаря, 4 мастеровых, 11 урядников сверх комплекта и 189 казаков, всего 232 человека. Казаки в городе использовались при Якутском областном начальнике (в ординарных и посыльных), городничем, земском исправнике (для перевода с якутского языка), атамане (в посыльных), окружном землемере и инженере; в караулах: в областном правлении, городской управе, береговых смотрителях, дежурных по полку, в казарме, во внутреннем и наружном караулах при гражданской больнице, в цирюльниках, при тюремном остроге и секретных караулах, на гауптвахте, в ночном обходе по городу, при провиантском магазине и винных подвалах, при пороховом арсенале, областном казначействе, вольных магазинах; были «в должностях»: фельдфебелями, каптенариусами, кошеварами, хлебопеками, артельщиками, учителями в казачьей школе, мастеровыми, писарями и барабанщиками. Всего в расходе было 107 человек.

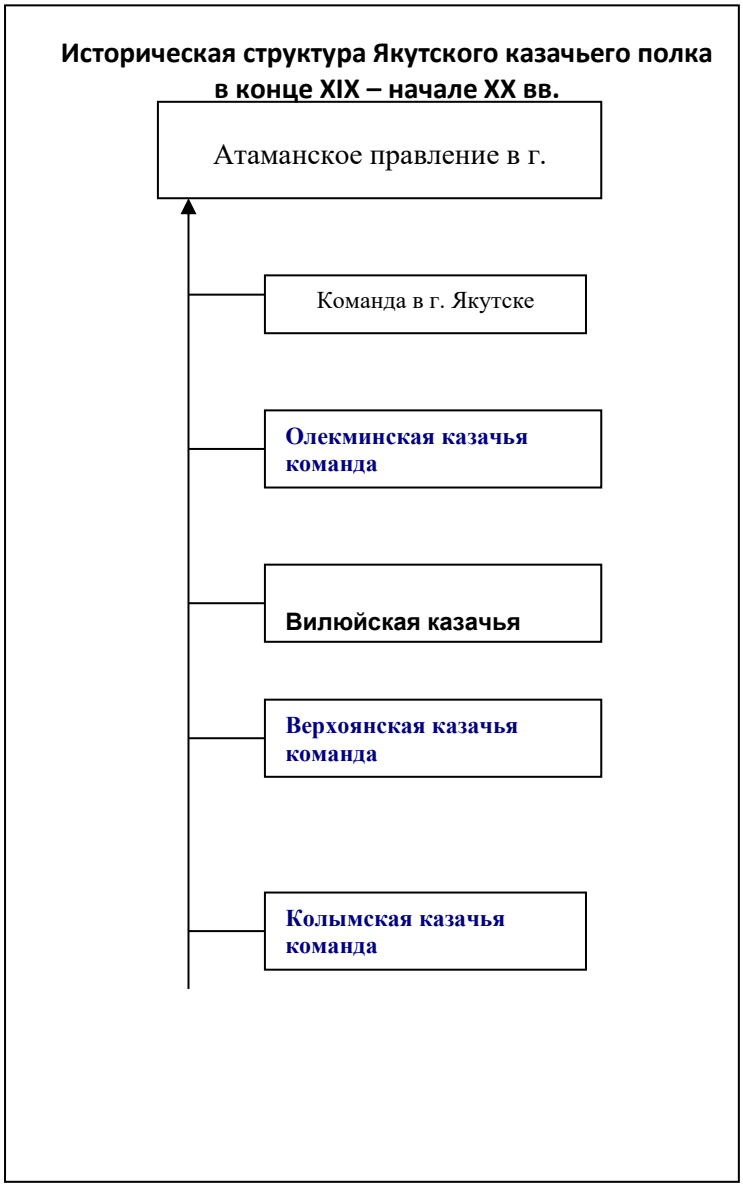
Парад казаков в г. Якутске, 1896 г.

Судя по архивным источникам, уже в 1888 г. в Якутске было всего 183 служилых казака, а во всем полку—382 человека. В 1891 г. здесь находилось 178 обер-офицеров и нижних чинов. По переписи 1885 г. казачьего служилого и отставного населения в г. Якутске насчитывалось 216 душ м. п. и 264 ж. п., что составляло 9,1% всего населения города. Незначительное изменение штата Якутской команды в 1897 г. произошло из-за того, что, «желая улучшить бедное положение служащих», 15 казаков были уволены на частные службы по собственному их желанию со «взаимным обязательством взимать с таковых от 50 до 100 руб. в год в пользу артельной суммы». В 1909 г. в г. Якутске состояло на службе уже 233 казака. На увеличение их численности повлияла «особая забота» царских чиновников о сохранении порядка и поддержания полицейского надзора в главном административном и политическом центре края. В этих целях переведенные из других команд казаки, а также отставное и заимочное население этого сословия объединили в четвертую сотню полка.

Казаки вилюйской команды. Стоят, слева направо: Г.Ф.Корякин (Куба уола), К.С.Жирков (Кухаарыс), М.К.Жирков (Лаадыска уола), И.Я.Попов (Малдаваан), И.И.Корякин (Ма5ан баттах) [По уверению Л.И.Шипковой, это Александр Андреевич Шипков (его сын, Иннокентий, был мужем Людмилы Андреевны, дочери Андрея Алексеевича Расторгуева) - А.Дуглас], Т.Н.Софронеев. В среднем ряду сидят два жандармских офицера, работник почтово-телеграфной службы и две дамы, фамилии которых неизвестны. На полу сидят, справа налево: казак И.Е.Корякин в штатском, Г.С.Добрецов и местный житель, фамилия которого неизвестна.

Вилюйская казачья команда просуществовала до расформирования полка. В первой половине XIX в. число казаков здесь остается стабильным: в 1841 г.—17, в 1844г.— 25 человек. Увеличение этого количества происходит во второй половине XIX в. В 1871 г. в городе казаки составляли основную массу населения — 57%. Это объясняется тем что г. Вилюйск становится одним из главных мест ссылки в области, вследствие

чего в 1877г. Якутским губернатором было разрешено увеличить команду до 42 человек. В г. Вилюйске отбывал ссылку революционный демократ Н. Г. Чернышевский. О том пристрастии, с которым царизм следил за пребыванием здесь этого революционера, говорят многие архивные документы. В 1879 г. произошла замена воинского караула, охранявшего Н. Г. Чернышевского казаками из Якутской и Вилюйской команд. Урядники и казаки многократно просили атамана полка о замене их другой стражей, так как эта служба была им невыгодна. Число казаков в Вилюйской команде в годы революционного подъема в России колебалось от 80 человек в 1905 г. до 102—в 1909 г. В начале XX в. казачья прослойка в г. Вилюйске составляла 48,7% населения.



Олекминская команда входит в число старейших команд в полку. Ясачное зимовье в устье реки Олекмы было поставлено И. Козьминым в 1633 г., а в 1635 г. П. Бекетов построил здесь укрепленный острог, который затем перенесли на левый берег Лены. В первой половине XIX в. численность казаков была стабильной — 23 человека. С 1870-х годов заметен рост служащих чинов, который колебался за десятилетие от 54 казаков в 1870 г. до 74 казаков в 1880 г.. Но и этого числа казаков для выполнения служебных обязанностей было недостаточно. В годовых отчетах Олекминской

команды постоянно звучит тревога о нехватке нижних чинов. Поэтому в конце XIX в. казаки назначались в наряд бессменно на 2—3 недели. Одним из обстоятельств, неблагоприятно влиявших на состояние казачьих семей, являлись командировки олекминских казаков с арестантами в Киренск, что способствовало ухудшению материального состояния команд. В 1885 г. прослойка казаков в г. Олекминске составляла 118 человек или 15,6% населения.

Верхоянская команда. Построенное русскими служилыми казаками во главе с Постником Ивановым Губарем в 1638 г. на левом берегу Яны зимовье стало в 1805 г. цен гром Верхоянского уезда, а в 1822 г. и округа. Малочисленный отряд казаков содержался здесь в основном для сбора ясака. И в XIX в. состав Верхоянской команды был незначительным. Это объяснялось «дороговизной всех харчевых припасов» в округе. Поэтому казаки стремились перевестись из этой команды в центральные округа. В качестве негласной ссылки за особые провинности служилых переводили сюда, включая и семейных, из других команд. Разумеется, это не способствовало усилению дисциплины в команде. Из состава Верхоянской команды один казак постоянно находился на службе в Зашиверске и еще один в Жиганске при «поставных магазинах, надзоре за солевой стойкой». По сравнению с началом XIX в., численность казаков здесь постепенно растет и в 1888 г. составляет 30 человек, в 1909 г.—38 нижних чинов. Это объясняется тем, что с 1866 г. по 1903 г. в Верхоянский округ было сослано 84 политссыльных, в силу чего Верхоянскую политическую ссылку можно рассматривать как своеобразный барометр революционного движения в стране, который отражал рост освободительного накала борьбы против царизма. Казачье население Верхоянска к концу XIXв. составляло 38 душ м. п. и 16 ж. п. или 21 % от всей численности жителей.

Колымская команда. Русские казаки, «исполненные духом предприимчивости», открывают в 1638 г. реку Колыму, а в 1644 г. на ней уже «являются» три зимовья. Иркутский губернатор еще в начале XIX в. писал

о необходимости для царской администрации существования *Колымской* казачьей команды «в том смысле, что она пограничная». Необходимость содержания здесь воинской силы диктовалась и тем, что силами служилых поддерживался порядок и на чукотской ярмарке. Сохранение Колымской команды в начале XX в. объясняется отдаленным географическим положением края, требующим продолжительных разъездов, а также дороговизной «хлебных пайков». Все это выдвигает ряд задач по использованию колымских казаков для государственной «необходимости», то есть в качестве надежной связи с административными центрами области. В 1851 г. в местной команде служило всего 32 человека, из которых управляющий, писарь, мастеровой и 22 нижних чина находились в г. Среднеколымске, а еще 7 казаков— в Нижнеколымске. В 1869 г. в Нижнеколымске служило только 6 казаков, которые были «установлены вследствие отдаленности селения» и для осуществления «постоянного надзора над местными жителями». В обязанности колымских казаков входило наблюдение за порядком и хозяйством всех жителей, опубликование распоряжений правительства, взыскание недоимок и податей, пресечение беспорядков и насилий. В 1870 г. в Колымской команде состояло на службе уже 55 человек: 2 пятидесятника, 2 урядника и 51 казак. На казачье население г. Среднеколымска приходилась половина всех жителей города: в 1875 г.—52%, в 1885 г.—47,4%.

Царская администрация была заинтересована в сохранении самой отдаленной в полку Колымской команды. Документы «особого совещания» 1907 г. при губернаторе И. Крафте позволяют выявить истинные мотивы, которыми он руководствовался. Царские чиновники опасались аборигенных народов Колымского края, среди которых чукчи — «воинственное и экономически сильное племя, благодаря сношениям с американцами поголовно вооружены» — считались губернатором области «формально покоренными». Документы архивов подтверждают тезис «особого совещания» о независимости чукчей перед исправниками и казаками. Колымская команда, как «знающая

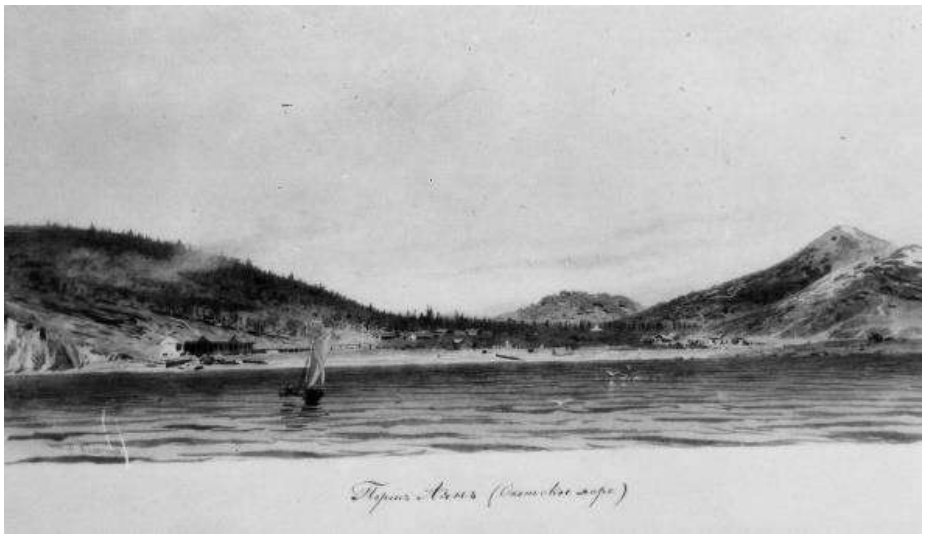
местные инородческие языки, способна к быстрым передвижениям даже при всей неустроенности путей сообщения», так было заявлено на том же совещании. Таким образом, местные казаки использовались как орудие для сохранения самодержавной власти Российского государства в Колымском крае.

Начиная с первой четверти XIX в., местные казачьи команды начинают проходить воинское обучение. Генерал-губернатор С. Броневский, будучи командующим Сибирским линейным казачьим войском, принимал активное участие в муштровке казаков. В 1835 г. он вызвал в Иркутскую казачью команду из г. Якутска одного офицера и 20 казаков, которые, возвратившись в 1841 г. в полк, стали инструкторами по обучению службе. Для получения воинских навыков в 1837 г. из состава Якутской команды был командирован в Санкт-Петербург 21 казак для службы в образцовом пехотном полку Подготовка военных кадров для Восточной Сибири проходила на базе Иркутского юнкерского училища, проект штата которого был одобрен Военным министерством в 1871 г. (32). А в 1880 г. был официально разрешен прием в училище и в «приготовительное при нем отделение» казаков Якутского полка. Для отправляемых в училище нижних чинов в Якутске устраивалось предварительное «испытание», где преимущественное право получали казаки, отличавшиеся не в знании грамоты, а в строевой службе. Такие требования предъявлялись во всех военных училищах России.

В 1884 г. Якутский губернатор приказал обучать всех казаков, свободных от службы, строевой стойке, поворотам, маршировке, гимнастике, ружейным приемам, обязанностям караульной и конвойной службы. Особое внимание обращалось на обязательность «прочитывания статей закона из уложения «О наказаниях казаков». Для этих целей создавались специальные уряднические команды. Таким образом, якутские казаки проходили воинскую подготовку и обучение в своих командах и в Иркутском юнкерском училище, где муштровке нижних чинов уделялось самое пристальное внимание.

КАК ЯКУТСКИЙ КАЗАК СПАС АЯН

Русско-японская война 1904-1905 гг – одна из печальных страниц отечественной истории. «Маленькая победоносная», какой ее хотели видеть, она превратилась в огромное стратегическое поражение, повлиявшее на жизнь России на десятилетия вперед. Не удивительно, что об этой войне мало говорят и пишут, и только звуки песни «Варяг» и вальса «На сопках Маньчжурии» вызывают в памяти смутное сожаление о почти забытом прошлом.



Копия с рисунка Ф. Боганца «Порт Аян на Охотском море» (конец XIX в.). Государственный объединенный музей-заповедник истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева

Неудивительно, что почти неизвестными остаются факты об участии якутских казаков почти во всех сражениях этой войны. Те, кто помнит блистательный спектакль «Одиссея инока якутского» по пьесе В.Н. Федорова (1999 г.), знают об иеромонахе Якутского Спасского монастыря отце Алексее Оконешникове, служившего на героическом крейсере «Рюрик». Но практически никто даже среди специалистов не помнит о том, что в 1905 г. имела место высадка большого японского десанта в порту Аян. Несмотря на то что порт находится на Охотском море, в то время он административно подчинялся Якутскому областному правлению, и службу здесь несли казаки Якутского казачьего полка. Аянская бухта была гораздо

удобнее для судоходства, поэтому в 1846 г. сюда переехала фактория из Охотска и порт стал основным в снабжении Якутского края, а потому имел серьезное стратегическое значение.

В начале XX в. порт Аян представлял собой поселок из полутора десятков домов, включая административные здания, и небольшой деревянной церкви во имя Казанской иконы Божьей Матери. По берегу стояли пакгаузы, где хранились казенные грузы, грузы торговых кампаний и частных купцов. Постоянных жителей в поселке было около 20 человек. Примерно в двух километрах от поселка находилась фактория Торгового дома «Коковин и Басов» с пакгаузами и жилыми постройками, где проживал представитель фирмы с семьей. Власть в поселке представлял полицейский урядник Степан Попов, имевший в подчинении одного казака. Теперь предоставим слово самому уряднику, который составил подробный рапорт о произошедшем: «1-го сего августа в 10 асов утра в Юго-восточном направлении от Аяна показались в море два больших парохода и в скором времени стали на якорь при входе в Аянскую бухту. И когда были спущены четыре больших катера и высадились на берег люди, то это оказался японский десант - около 400 человек при девяти офицерах и двух докторах.

Жители Аяна, в том числе и я с казаком и семейством своим, спасаясь от неприятеля убежали в лес на горы, остались лишь в Аяне один не успевший убежать якут Иннокентий Пестерев и вблизи Аяна, в своем доме, поверенный Торгового дома «Коковин и Басов» Андрей Федорович Попов с женой и сыном Александром (казаком Якутского полка). Попов с семьей остались добровольно.

Неприятель, вышедши на берег и видя пустые запертые дома, начал взламывать двери и окна и разорять все имущество. Не пощажена была даже церковь: у некоторых икон были сорваны серебряные ризы, например, икона Божией Матери, оцениваемая в 500 рублей, оказалась ободранною и много других икон, а также вся утварь либо поломана, либо похищена.

Пострадали от японцев более всех Доверенный камчатского торгового общества охотский мещанин Кронид Бушуев, у которого похитили собственныя деньги до 17 тысяч рублей, а также дорогих вещей рублей тысяч на семь и поломана вся утварь в доме. У меня также все почти похищено: 863 р. 32 к. казенных денег, не оказалось моего собственного платья и теплой одежды семьи моей, начиная с шуб, нижнего белья, серебряных вещей – ложек и т.п., все выкрадено японскими солдатами, предводительствуемыми своими офицерами. Разорена местная торговая лавка, принадлежащая вышеназванному обществу.

Покончив с жилыми домами, японцы принялись за пакгаузы и начали было уже перетаскивать казенную муку, сахар, чай и прочие товары, привезенные 15 минувшего июня казною на американском пароходе «Австралия», но по приказанию адмирала, выехавшего с парохода к вечеру в Аян, весь груз был снова перенесен и сложен в склады, за небольшими утратами, как то: сахару, рису, мыла, табаку, масла и других припасов.

Затем японцы пошли к А. Попову, жившему в 2-х верстах от Аяна у моря, и тоже сначала угрожали ограбить и сжечь все его постройки, но благодаря знанию и объяснению с ними на английском языке у него неприятель почти ничего не тронул, так как офицеры не позволили и даже, благодаря ему только, наши здания и церковь остались несожженные, он просил об этом командира отряда, и тот отменил уже сделанное было распоряжение, сказав Попову, что он «ручается, что ни одно здание не будет тронуто, а что если в церкви и поломаны иконы, то это зависело не от него, и что японские солдаты, попавши ранее офицеров, успели напакостить по невежеству и свойственному этой расе фанатизму, за что он, командир, и впоследствии и сам адмирал извинялись за солдат своих». Но как бы там ни было, а все-таки японцы всё наше имущество, всё наше достояние разорили и похитили.

Не довольствуясь этим, а главное раздражённые тем, что они не нашли жителей в Аяне, часть отряда морем на баркасах, буксируемых паровыми

катерами, отправились на речку Ую, по которой в версте от моря проживают три семьи якутов, и также, не нашедши никого из людей, разорили все их имущество, унесли более ценные вещи, а главное, забрали все ружья, так что оставили охотников без запаса на зиму и корма для собак.

Докладывая с вышеизложенном, считаю прямою своею обязанностью почтительнейше донести Вашему Превосходительству о благородном и самоотверженном поступке вышепоименованного здесь казака Александра Андреевича Попова. Будучи сам каждую минуту в опасности и окруженный вооруженным неприятелем, угрожающе глядевшим на него, как на военного (хотя и без казачьей формы), он сумел в течении двух суток приносить пищу и воду для нас, аянцев, спрятавшихся в окрестных лесах и по горам. Благодаря ему только мы знали что делается в Аяне и не терпели с детьми своими от голода и жажды, убежали мы все в чём только были, то есть в самом легком летнем платье, и он принес нам кое-что прикрыться. Боясь быть открытыми рыскавшими отдельными партиями неприятеля, мы принуждены были то и дело менять места, не зная сами, где мы будем, и он, Попов, и тут каким-то способом в темныя ночи умел находить нас, бродя по горам и лесам, подвергаясь быть всегда готовым встретиться с неприятелем или медведем без всякого оружия, подавая только сигнал пищиком на рябчика, на который мы и откликались. Все мы в числе 12 человек, укрывавшихся в лесу от неприятеля, изъявили Попову нашу глубочайшую благодарность и смеем надеяться, что и начальство не оставит своим вниманием этого молодого человека и достойно наградит его за перенесённыя труд и самоотверженность. Попов проживает в Аяне у отца своего отставного пятидесятника, частно, уплачивая в полковую сумму за наём установленную плату.

Независимо от сего имею честь добавить, что пароходы, постояв на рейде двое суток в 8 часов 33 мин утра вышли в море с курсом на северную часть острова Сахалина и, как передает доверенный торгового дома

«Коковин и Басов» А.Ф. Попов, командир сказал ему, что может быть до наступления поздней осени они еще будут в Аяне их японские крейсера.

Поэтому я с семьёй в числе прочих обитателей Аяна переселился за 8 верст по тракту и буду ждать распоряжения Вашего Превосходительства, что мне делать, то есть снова идти в Аян в случае прекращения войны или совсем выехать на Нелькан как в более безопасное место. В Аяне остался только один Попов с сыном и женой, не решаются оставить на произвол почти оконченную постройку пакгауза поверителей своих, а также и часть товаров».

Так описал высадку японского десанта в августе 1905 г. в порту Аян урядник Степан Попов в рапорте Якутскому губернатору действительному статскому советнику В.Н. Булатову.

Вот так благодаря выдержке и образованности якутских казаков Андрея и Александра Поповых был спасен от уничтожения стратегически важный для Якутии порт Аян.

ЯКУТСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В СОБЫТИЯХ 1917 Г.

В первые дни Февральской буржуазно-демократической революции в Якутии был избран Якутский комитет общественной безопасности (ЯКОБ) под председательством большевика Г. И. Петровского, в состав которого вошли представители многих классов, сословий и политических партий, в том числе и казачества. В состав военной комиссии ЯКОБ были включены атаман полка А. Казанцев, казаки Н. Кондаков, И. Рогожин и В. Чепалов. Подобные революционно-демократические органы власти создавались во всех округах, куда также входили представители казачьих масс. Так, в исполкоме Верхоянского окружного комитета общественной безопасности из 19 человек двое представляли интересы казачества.

Часть казаков открыто приветствовала свержение царизма, а включение своих депутатов в состав ЯКОБ расценивала как акт «принятия на себя принадлежащее нам, как и всем гражданам, права участия при решении тех или иных государственных и общественных дел по управлению областью». Поворотным пунктом в определении позиции казачества по отношению к новой власти явился казачий сход 7 марта 1917 г. в г. Якутске, который постановил: 1. «Ввиду нахождения наших товарищей-казаков в отдаленных командах окружных городов Якутской области Олекминске, Вилюйске, Верхоянске и Колымске, составляющих в этих городах как военную, так и полицейскую охрану принадлежащих государству казны и имущества граждан, обратиться и обращаемся с призывом подчиниться новому правительству и тем местным новым органам народного правления на местах, которые образуются при ликвидации старой власти, с принятием от них всех капиталов, материалов

и учреждений, оказывая полное содействие во всех начинаниях новым

Якутские казаки в день полкового праздника, Якутск, 1912 г.

временным органам правления на местах. 2. Организоваться всем, как служащим, так и отставным, мужчинам и женщинам и выносить в своих сходах те или иные решения, клонящиеся к улучшению своего политического и экономического быта. Избрать из своей среды достойных представителей путем прямого, равного и тайного голосования, не стесняясь в суждениях своих бывших начальников, помня, что теперь наступило время, когда все классы русского народа уравнены в правах, что между вами нет старших и младших, где вы имеете право высказывать свои суждения открыто и честно...».

В связи с организацией в г. Якутске 31 марта 1917 г. Совета солдатских депутатов общее собрание казаков Якутской команды избрало Совет казачьих депутатов «для совместной работы с Советом солдатских и Советом рабочих депутатов в составе 18 человек. Стремясь оказать влияние на казачество, на этом собрании со своими программными речами выступили эсеры. Однако собрание казаков постановило: «В целях ознакомления с существующими партиями, организовать три собрания казаков с участием представителей партий социал-демократов, причем на первых двух собраниях ознакомиться с программами партий, а на третьем выяснить их программные разногласия».

Открывая общее собрание казаков Якутска, посвященное «довыбору» делегатов из казачек в Совет казачьих депутатов, большевик Г. И. Петровский высказал пожелание, чтобы «казаки, как отдельное сословие, слились со всем населением и встали на защиту интересов всех граждан». Затем планировалось ознакомление с программами партий эсеров и социал-демократов. Представитель партии эсеров, будущий областной комиссар В. Н. Соловьев, знакомя казаков с программой своей партии, призывал их на борьбу за созыв Учредительного собрания, как «единственного органа управления». Он также заявил, что «оплотом государства являются крестьяне». В. Н. Соловьев понимал, что главный вопрос, который волнует казаков — это вопрос о земле, поэтому посвятил ему большую часть своего выступления. Признавая особенность земельного хозяйства, партия эсеров выставляет свой лозунг: «Пользуется землей тот, кто обрабатывает ее своим трудом!» Социализацией земли партия предполагает только устранить психологию собственнического инстинкта. Партия социал-революционеров агитирует за введение прогрессивного налога на доходы и наследства, причем налог взимается только с известного дохода». Борьба за привлечение казачества на свою сторону, в которой большую активность проявили эсеры, обостряется с созданием Совета казачьих депутатов. На самой важной, начальной стадии этих политических столкновений эсеры, используя патриотические настроения казаков, получили явное преимущество. На сходах казаков в г. Якутске, кроме большевика Г. И. Петровского, от партии социал-демократов выступили лишь меньшевики Г. О. Охнянский, М. В. Акуловский и А. Д. Красносельский, речи которых «содержали только общие приветствия». Влияние эсеров в г. Якутске, как и в целом по стране, оказалось сильнее в казачьей среде

Обострение партийной борьбы за власть во время выборов в городскую Думу Якутска определило блок представителей казачества с

меньшевиками, эсерами, якутским союзом «Свобода» и другими организациями. Они объединили образовавшийся Совет казачьих депутатов с Советом солдатских депутатов в Совет военных депутатов.

В определении политической платформы этого Совета большую роль сыграл фактор преимущественного представительства делегатов от партии эсеров. Совет военных депутатов состоял из 33 человек, из них 16 депутатов от солдат, 15 — от казаков и 2 — от крестьян Покровского крестьянского союза. Общее собрание казаков Якутской команды выбрало делегатами: Д. Л. Гатилова, А. И. Расторгуева, В. А. Чепалова, Г. А. Антипина, В. П. Калинкина, П. М. Шамаева, И. В. Шестакова, Н. Г. Бубякина, Г. И. Щегорина, А. Е. Попова — от служащих казаков; И. А. Рогожина, Н. П. Кондакова, И. И. Киренского, П. Н. Калинкина и П. А. Чепалова — от отставных казаков. В основном депутаты являлись представителями казачьих низов, но было среди них и несколько офицеров

Иркутское окружное бюро Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Восточной Сибири, возглавляемое эсерами и меньшевиками, рассматривая вопрос о расформировании Якутского казачьего полка, предписало Совету военных депутатов в Якутске «исключить из своей среды всех бывших полицейских, служащих в пешем казачьем полку, до исключения их решения Совета ни для кого не обязательны. Необходима совместная работа солдат и рабочих». На состоявшемся объединенном заседании Исполнительного бюро ЯКОБ, городской управы, комитета партии эсеров, ЦК союза федералистов и Совета военных депутатов по вопросу о расформировании полка была вынесена следующая резолюция: «Окружное бюро не уполномочено решать этот вопрос: казачий полк вполне доказал свою преданность революции»

Данное решение объединенного заседания необходимо рассматривать одновременно в двух аспектах. С одной стороны, действительно, бюро не могло решать вопрос о расформировании Якутского пешего городового

казачьего полка, не определив функции казаков после расформирования команд. С другой стороны, выполнение полицейских функций (сопровождение и охрана арестантов, поимка беглых, обеспечение порядка и т.д.) входило в обязанности всех казаков. Выделить среди них «бывших полицейских», как того требовало окружное бюро, практически было невозможно за исключением казачьих офицеров, занимавших места полицейских исправников.

Таким образом, Иркутское окружное бюро Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, не владея сложившейся обстановкой и расстановкой политических сил в г. Якутске, увидело в казачьих депутатах главных виновников обострения борьбы между Советом военных депутатов и Советом рабочих депутатов, что не соответствовало истине. ЯКОБ был заинтересован в поддержке казачьих команд. С этой целью он рассылал в окружные команды телеграммы о поддержке Временного правительства следующего содержания: «В Якутске 30 августа 1917 г. происходила демонстрация выражения полного доверия правительству Керенского. В ней принимали участие гарнизон, казаки и огромное стечение граждан». Тем самым ЯКОБ подталкивал казаков отдельных округов к открытому выступлению в поддержку Временного правительства. Большинство казачьих команд быстро откликнулось на призыв из г. Якутска. К примеру, Верхоянская казачья команда присягнула на верность новому правительству и... сохранила за собой право на получение пайков, покосных угодьев и тридцатирублевое жалованье

После разгрома мятежа генерала Корнилова осенью 1917 г. еще более обостряется борьба между Советом рабочих депутатов и Советом военных депутатов. Эта непримиримость обнажилась на заседании ЯКОБ 4 сентября 1917 г. при обсуждении вопроса об участии представителей казачества. После оглашения телеграммы из г. Иркутска с решением окружного бюро Советов, о котором говорилось выше, эсеры и часть меньшевиков усиленно

начали протаскивать тезис о революционности казачества. Против этого тезиса выступила фракция социал-демократов. Она присоединилась к резолюции Иркутского окружного бюро Советов, считая, что казачий полк «не представлял и не представляет военную силу, а лишь только сословие, относившее свою службу Министерству внутренних дел». Выступая на собрании, М. К. Аммосов говорил о реакционности якутского казачества и поддержал решение «о запрещении занимать выборные должности лицам, прежде служивших полицейскими» Позднее он утверждал что, «Союз казачества, по существу, был чужд революции и к революции примкнул временно для того, чтобы обезглавить ее»

Таким образом, ссылки на якобы решающую роль казачества в обострении противоречий между Советом военных депутатов и Советом рабочих депутатов несостоятельны. Объединение Совета казачьих депутатов с Советом солдатских депутатов необходимо было для создания эсеровского большинства в ЯКОБ и послужило поводом для активизации борьбы эсеров против Совета рабочих депутатов и большевиков. Вместе с тем соглашательская позиция депутатов от казаков позволила использовать их как удобное прикрытие для нанесения политического удара сторонникам революции.

КАЗАКИ В ОКТЯБРЬСКИХ БУРЯХ

После ряда политических кризисов лета и осени 1917 г. 25 октября после взятия Зимнего дворца большевиками открылся II Всероссийский съезд Советов в Петрограде, провозгласивший переход власти по всей России в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вечером 26 октября на втором заседании съезда были приняты Декреты о мире и о земле и утвержден Совет народных комиссаров – первое рабоче-крестьянское правительство.

Осуществление почти бескровной победы революции 25 октября (по новому стилю 7 ноября) является заслугой Петроградского Совета и его Военно-революционного комитета. Именно он взял власть, когда она выпала из безжизненных рук Временного правительства, и возвестил миру о победе революции. Триумф партии большей частью являлся результатом успешного и последовательного руководства В.И. Ленина.

Первыми в Сибири установили власть Советов рабочие и солдаты Красноярска (29 октября) и в уездных городах Енисейской губернии, а затем – в городах Томской, Алтайской, Омской губерний. В Иркутске 19 ноября объединенный Совет заявил о переходе власти в руки Советов.

Специфика борьбы за власть Советов в районах Северо-Востока Сибири состояла в том, что в тех местах почти не было рабочего класса, тем не менее Советская власть к апрелю 1918 г. проникла в самые отдаленные уголки Сибири.

Октябрьские события в Петрограде произошли в тот момент, когда в Якутии шла выборная кампания во Всероссийское Учредительное собрание и органы местного самоуправления (земские учреждения). Негативная позиция демократических сил к событиям октября была вызвана тревогой за судьбу первых достижений освободительного движения в Якутии. В целях защиты завоеваний Февральской революции в ноябре 1917 г. создается "Комитет

охраны революции" во главе с областным комиссаром В.Н. Соловьевым. В него вошли Национальный комитет, "Союз федералистов", общество "Саха омук", партия эсеров и др.

Реальную расстановку политических сил в области показали выборы депутатов во Всероссийское Учредительное собрание, состоявшиеся в ноябре 1917 года, Якутию должны были представить два депутата. Ими стали федералист Г.В. Ксенофонтов и эсер В.С. Панкратов, представители двух популярных политических партий. А в январе 1918 г. Областное земское собрание избрало Областную земскую управу, председателем которой стал федералист В.В. Никифоров. Новые земские органы способствовали укреплению позиций федералистов в улусах.

Как сказано выше, Советская власть в Иркутске была установлена 19 ноября (2 декабря) 1917 г. и там же был создан Центральный исполнительный комитет Советов Сибири (Центросибирь). Он потребовал смещения В.Н. Соловьева с поста областного комиссара. В связи с этим ультиматумом в феврале 1918 г. был образован "Областной совет" во главе с правым эсером В.В. Поповым, отказавшимся признать власть Центросибири и Советского правительства. В этих условиях в феврале-марте 1918 г. в г. Якутске проходила стачка рабочих местных предприятий под руководством меньшевиков.

21 марта 1918 г. в Якутске состоялись выборы нового Совета рабочих депутатов, где большевики и представители 12 профсоюзов составили значительную силу. В состав исполкома вошли М. Аммосов, Б. Чижик и Н. Бубякин. Руководителями Совета стали меньшевики Н. Ершов, Н. Олейников. Но Областной совет арестовал весь руководящий состав Совета рабочих депутатов. В мае 1918 г. Центросибирь направил в Якутскую область отряд Красной Армии под командованием А.С. Рыдзинского. Около Витима к нему присоединился отряд бодайбинских рабочих во главе с А.Б. Стояновичем. 30 июня отряды высадились в Табаге, и в ночь на 1 июля 1918 г. в Якутске была установлена Советская власть. Но она продержалась недолго и пала 5 августа, а 22 августа белогвардейский отряд Гордеева занял Якутск.

Еще до этих событий в июне 1918 г. в г. Омске было создано Временное Сибирское правительство, 18 ноября адмирал Колчак был объявлен верховным правителем России. Произошел "колчаковский переворот", и в ноябре 1918 г. почти по всей Сибири пала Советская власть.

В Якутске профсоюзы были закрыты и объявлены вне закона. Колчаковское правительство назначило управляющим областью В.Н. Соловьева, опиравшегося на Якутское земство. Были закрыты все новые газеты, запрещены митинги и собрания, восстановлены прежние порядки.

В сентябре 1918 г. около 300 административных организаторов и деятелей Советской власти были высланы за пределы области. Ушли в подполье и левые силы, распался "Якутский трудовой союз федералистов". Основная часть его перешла к правым эсерам. Другая часть встала в оппозицию колчаковщине. Легально продолжали существовать правые эсеры и кадеты.

Якутский национальный комитет, сохранившийся в условиях колчаковского правления, занялся созданием милиции. В марте 1919 г. состоялось III чрезвычайное областное земское собрание, и оно вновь избрало В.В. Никифорова своим председателем. Гласные подтвердили верность Омскому колчаковскому правительству. В.Н. Соловьев, награжденный А.В. Колчаком званием "губернатора Якутской области", 7 апреля 1919 г. выступил на уездном земском собрании, где сообщил о том, что "Верховный" дал согласие на образование в Якутии "национальной дружины".

Летом 1919 г. В.В. Никифоров как председатель областной земской управы ездил в Омск на экономическое совещание, созванное Колчаком.

Осенью того же года в область вернулась часть высланных большевиков, а из северных районов прибыли бывшие ссыльные. В результате усилилась подпольная антиколчаковская работа. Ею руководили Ф.Я. Лебедев, П.П. Кочнев, Б.М. Чижик, И.А. Васильев и др. В декабре был создан штаб восстания, куда вошли и левые эсеры. Оно началось вечером 14 декабря. Были освобождены из тюрьмы С.М. Аржаков, В.Д. Котенко и другие

большевики. К восставшим присоединились рабочие и учащаяся молодежь. К утру 15 декабря город был захвачен большевиками. В Олекминске, Вилюйске антиколчаковский переворот произошел в ночь на 19 декабря. Но в сельских районах установление советской власти происходило более медленными темпами. В начале 1920 г. этим процессом были охвачены северные территории Якутии.

О роли и месте якутского казачества во всех этих событиях практически ничего не известно. Имеющиеся документы показывают, что казаки Якутского казачьего полка разделяли опасения местного общества, в политической жизни которого принимали активное участие. А. И. Казанцев – атаман полка, был представителем якутского казачества в Сибирской областной думе. Казаки положительно восприняли предложение Думы об объединении с Иркутским казачьим войском, поддерживали созыв Учредительного собрания.

Газета «Голос труда» 9 ноября 1918 г. писала: «Казаки в настоящее время стоят на платформе Учредительнаго Собрания. Мы были печально поражены, когда узнали, что совет казачьих депутатов свою деятельность. Одной из причин, способствующих ликвидации, послужило то обстоятельство, что с ним, с советом, как с организацией, перестали совершенно считаться должностные лица и учреждения. Даже представитель Временного Сибирского правительства областной комиссар В.Н. Соловьев. Такое отношение областного комиссара, на глазах которого протекала вся деятельность Совета казачьих депутатов, несколько ошеломило казаков и вызвало среди них много разговоров».

После того как был распущен Совет казачьих депутатов, казаки выступили с инициативой создания Собрания уполномоченных «для регулирования политической и общественной жизни казаков». Председателем созданного в 1918 г. органа стал А.И.Казанцев, пользовавшийся большим авторитетом и уважением казаков. В состав

Собрания вошли казаки И.А. Рогожин, Н.И. Кондаков, Д.Н. Жирков, А.А. Расторгуев, А.М. Мухоплев, П.Н. Калинкин, А.М. Амосов, В.А. Асламов. Собрание было призвано решать вопросы не только политической, но и хозяйственной жизни казаков – земельные, оказания помощи малоимущим и пр.

Вообще в бурные революционные времена якутские казаки сохраняли удивительное спокойствие и как единая сила занимали нейтральную позицию, но не потому, что были политически инертны. Такая позиция была озвучена атаманом полка А.И. Казанцевым, призвавшим казаков воздержаться от активных выступлений на любой из сторон и продолжать выполнять возложенные на них обязанности. Ярким примером может служить жизнь С.В. Прокопьева, который в период революций и гражданской войны был совсем молодым казаком и служил на приисках Олекминской системы. Все эти бурные годы С.В. Прокопьев честно выполнял свои обязанности по охране и экспедиции золота, попадал в разные переделки, встречался в пути с представителями воюющих сторон. Спустя десятилетия ветеран золотодобывающей промышленности С.В. Прокопьев вспоминал о том, как И.Я. Строд, знаменитый красный командир, подарил ему коня, а глава бандитов Коробейников презентовал новенький винчестер. Как он попал в плен к отступавшим войскам Пепеляева и доехал с ними до самого Аяна.

Конечно, не все казаки разделяли такую позицию, и при внимательном рассмотрении их можно обнаружить и на красной, и на белой стороне. Например, «казачий малолеток» Яков Шестаков был «навечно» исключен из казачества за то, что, зная место расположения полкового склада оружия, выдал его красным. Интересно, что газета «Голос труда» пишет об этом событии так, что становится понятно: дело не в красных или белых, а в нарушении требований и традиций казачества. После окончательной победы социалистической революции казаки, активно участвовавшие в

белом движении, ушли в Забайкалье к атаману Семенову, а затем разделили судьбу забайкальских казаков. История якутского казачества в революциях и гражданской войне еще ждет своего исследователя.

Как и везде в России, в Якутии большевики относились к казачеству с большим недоверием. Сразу после октября 1917 г. полк был преобразован в казачье общество, в конце 1919 г. был уволен в отставку атаман А.И. Казанцев, а затем, начиная с февраля 1920 г. последовал ряд приказов Якутского военно-революционного штаба красной армии о расформировании казачьих команд и лишении казаков всех привилегии, денежного довольствия и пайков.

Теперь вспоминать о своем казачьем происхождении стало опасно. Разрушение традиционного уклада хозяйственной жизни и быта якутского казачества в XX в. связано не только с политикой советской власти, но и с теми социальными процессами, которые происходили в стране после Октябрьской революции.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ КАЗАНЦЕВ – ПОСЛЕДНИЙ АТАМАН.

А.И. Казанцев

Якутское казачество не испытало в процессе установления новой власти тех ужасов, которые выпали на долю донского или кубанского, в большой степени это объясняется нейтральной позицией большинства казаков, выработанной под влиянием атамана полка А.И.Казанцева.

Александр Иванович Казанцев родился в 1868 г. в семье урядника И. Казанцева. Будущий атаман вступил в службу 17 февраля 1883 г. в возрасте 15 лет. Закончив полный курс обучения в Якутской мужской прогимназии, был направлен в Иркутское юнкерское училище. Здесь, в училище, получил свое первое звание – младший урядник. В 1889 г. по окончании училища произведен в подхорунжие и в том же году вернулся в Якутск и назначен на должность с хорошим окладом в 360 руб. в год. Через год назначен смотрителем Вилюйского тюремного замка (помним, что казачество в этот период находилось в ведении МВД) и повышен в звании до хорунжего XIV класса (первый чин в Табели о рангах), еще через год переведен в Якутск на должность смотрителя Якутского тюремного замка. А.И. Казанцев быстро продвигался по службе: уже через год, в 1892 г., назначен на должность полицейского надзирателя г. Якутска, а через год стал помощником Верхоянского окружного исправника. За примерную службу в 1896 году награжден серебряной медалью ордена Александра Невского. За труды по проведению Первой всеобщей переписи населения в 1897 г. награжден бронзовой медалью, посвященной этому событию, на ленте государственных цветов. Недолго исполнял обязанности Верхоянского исправника, но был переведен заседателем II участка Якутского округа и получил чин сотника XII класса. В 1900 г. Казанцев снов а вернулся в Вилюйск для заведывания IIIучастком Вилюйского округа, а через два года вновь переехал в Якутск

вновь на должность полицейского надзирателя города, затем руководил I участком Якутского округа. С 1903 по 1904 г. принимал участие в экспедиции по изысканию Аяно-Нельканского тракта, в которой работало много ссыльных, начиная с руководителя экспедиции. По возвращении из экспедиции несколько лет служил то в Якутском, то в Верхоянском округа в должностях заседателя участков. В 1908 г. в связи с поднятием вопроса о расформировании Якутского городового пешего казачьего полка (именно поэтому в Якутию и приезжал генерал А.И. Маныкин-Невструев) Казанцев проводил ревизии в Верхоянской и Колымской казачьих командах и участвовал в различных комиссиях, собиравшихся по этому поводу. В 1908 же году с апреля по октябрь впервые руководил полком, параллельно исполняя обязанности смотрителя Якутского тюремного замка, и только в июне 1910 г. полноправно вступил в должность атамана полка с присвоением чина IX класса, а через год получил орден Станислава III степени. В 1912г. награжден светло-бронзовой медалью в память100-летия войны 1812 г., в 1913 г. светло-бронзовой память 300-летия дома Романовых и произведен в чин есаула (VIIIкласс Табели о рангах, личное дворянство).

Несколько лет А.И. Казанцев участвовал в управлении Якутским округом в качестве земского заседателя, гласного Якутской городской думы, а с 1914 года был избран ее депутатом как «атаман и домовладелец».

Тяжелые условия службы в северных районах и долголетняя бытовая неустроенность привели к тяжелой болезни и ранней смерти его жены Е.К.Поповой – дочери священника Маганской церкви Кирика Попова. В семье родилось двое сыновей Иннокентий (1893) и Иван (1894). Пошатнувшееся здоровье самого атамана заставляло его неоднократно, но безуспешно просить об отставке.

После преобразования в 1917 г. Якутского казачьего полка в Казачье общество Александр Иванович остался его председателем. Под его руководством казаки сохраняли единство и продолжали исполнять свои обязанности, несмотря на надвигающуюся бурю гражданской войны.

26декабря 1919 г. приказом начальника Якутского военно-революционного штаба Красной армии Гладунова Александр Иванович Казанцев был уволен от должности атамана «и вовсе от службы».

Дальнейшая судьба атамана Казанцева, к сожалению, неизвестна. Известно только, что жил он в Якутске в семье родственников его покойной жены и ими же и был похоронен на Никольском кладбище в 30-е годы XX в. Нет сведений и о судьбе сыновей А.И. Казанцева Иннокентии и Иване, что не удивительно, ведь свое казачье происхождение афишировать было опасно.

ПУТЬ К ВОЗРОЖДЕНИЮ

Пробуждение национального самосознания многих народов России, в том числе и русского народа, в конце 80-х годов XX в. вызвало не только «парад суверенитетов», но и движение по созданию национально-культурных объединений в регионах страны. В Якутии в 90-е годы появились русская, еврейская, украинская, армянская и другие национальные сообщества. Но наиболее шумную реакцию вызвало образование Якутского казачьего полка. Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов, принятый в апреле 1991 г., постановление Верховного совета РСФСР «О реабилитации казачества» (июнь 1992 г.) заложили правовую основу возрождения казачества в России. Возрождение якутского казачества начал в 1991 г. подполковник Павел Филиппович Задорожный, служивший в то время замполитом в одной из воинских частей г. Якутска. П.Ф. Задорожный происходит из семьи кубанских казаков, а потому ему были не чужды цели и проблемы возрождающегося казачества России.

Освящение хоругви возрожденного Якутского казачьего полка, Якутск, 1991 г. (В центре атаман-организатор П.Ф. Задорожный

Как вспоминает сам Павел Филиппович, все началось с того, что в 1990 г., будучи в командировке в Чите и встречаясь там с забайкальскими казаками, которые уже начинали возрождать свое войско, он узнал о том, что и в Якутии были когда-то казаки. Вернувшись в Якутск, Задорожный начал собирать информацию, интересовался прошлым якутского казачества. В этом ему активно помогал служивший в той же части майор, амурский казак Б. Н. Вакуленко. Славное прошлое глубоко затронуло душу казака, и он загорелся идеей возродить Якутский пеший казачий полк. В том же 1990 г. он нашел в Москве руководство Союза казаков России и получил первые руководящие

документы, указания и справку о том, что назначается атаманом-организатором.

Самой сложной проблемой оказалось найти в Якутии потомков казаков. Задорожный и Вакуленко пошли по самому простому пути - дали объявление в местные газеты. Понятно, что первыми отозвались те, кто был рядом – казаки, служившие в воинских частях, затем казаки-летчики. Все это были приезжие люди: кубанцы, донцы, терцы, выходцы из районов бывших Амурского, Сибирского и Забайкальского казачьих войск. Местные потомственные казаки не торопились преимущественно из соображений осторожности. П.Ф. Задорожный рассказывал, что в некоторых посёлках и деревнях Якутии были случаи обращения в органы милиции с текстами объявлений о возрождении Якутского казачьего полка, которые расценивались людьми как провокация. И все-таки недоверие и подозрительность удалось преодолеть, первыми из потомков казачьих родов к Задорожному пришли 90-летний Степан Васильевич Прокопьев с сыновьями и внуками, Николай Степанович Прокопьев с сыновьями, Алексей Михайлович Гатилов, Дмитрий Дмитриевич Софронов, Николай Дмитриевич Новгородов с сыновьями, Валерий Михайлович Бессонов. В феврале 1991 г. состоялся Первый Большой казачий круг, на нем было официально провозглашено возрождение Якутского казачьего полка – правопреемника полка, существовавшего до 1920 г. Павел Филиппович Задорожный был избран атаманом полка – первым после 72-летнего перерыва.

Главными целями создаваемого общества провозглашались «развитие традиционных для казачества форм хозяйствования и уклада жизни, возрождение и сохранение исторических, культурных и духовных ценностей казачества, реализация и защита гражданских, политических, экономических и других прав и свобод членов казачьих обществ и других граждан, участие в управлении государственными и общественными делами, повышение престижности государственной, в том числе казачьей, военной службы».

К началу 2000-х годов списочный состав полка составлял около 2000 человек, в его состав входят подразделение, расположенные в 40 населенных пунктах 18 районов республики.

Структура руководящих органов полка сформировалась в момент его создания и основана на казачьих традициях. Совещательным органом является Совет стариков, который существует независимо и является «совестью» полка и его атамана. В целях возрождения традиционной деятельности было создано охранное объединение «Казачья команда», которое приносило полку пусть небольшие, но реальные средства и создавало рабочие места для казаков. В начале 90-х, как известно, работу было найти очень трудно, и объединение служило поддержкой не только казакам, так как на работу принимались и не члены полка.

Для пропаганды казачьей культуры и возрождения традиций был создан казачий хор, продолживший 150-летнюю музыкальную традицию якутского казачества. С 1991 по 1998 г. руководил хором талантливый музыкант и хормейстер Б.Н, Корниенко, который своим искусством внес немалый вклад в пропаганду возрождения якутского казачества. Под его руководством Якутский казачий хор стал коллективом популярным и любимым не только жителями города Якутска, но имел немалый успех и во время гастролей в районах.

П.Ф. Задорожный не ослабил своего интереса к прошлому якутского казачества, и в полку появилась особая должность – историк. С 1991 по 1995 г. эту должность занимал летчик Маганского авиаотряда В.А. Столь. Глубоко интересующийся прошлым В.А. Столь стал с энтузиазмом работать в Национальном архиве и Национальной библиотеке и на основании добытых материалов сделал ряд интереснейших публикации. Вклад В.А. Столя был по достоинству оценен казаками: он награжден медалью «За возрождение казачества», а затем, в связи с 300-летием Якутского казачьего полка медалью «Петр Бекетов» В силу разных обстоятельств в начале 1995 г. Столь вынужден был оставить занятия историей, и на должность историка полка была

приглашена автор этих строк. К чести якутских казаков надо сказать, что не только руководство, но и рядовые казаки понимали необходимость и ценность изучения прошлого и должность историка полка пользовалась неизменным уважением и даже обладала своеобразным иммунитетом во внутриполковых политических баталиях.

Первый этап возрождения заканчивается трудноуловимым моментом начала трений и появления тенденции к расколу полка, который и произошел весной 1995 г.

Середина 1990-х годов была временем очень сложным для экономики России. Охранное предприятие «Казачья команда» не получало платы за свои услуги, в том числе и от достаточно крупных клиентов – нечем было платить зарплату казакам и служащим.

Органы власти, вроде бы поддерживавшие движение по образованию национально-культурных объединений различных народов Якутии, к казачеству относились с подозрением, если не с открытым неприятием. Над общественным мнением довлел выработанный за семьдесят лет советской власти стереотипный образ казака с ногайкой – душителя народа, что уж во всяком случае к якутским казакам не имело никакого отношения. Никакого отношения к реальности не имели и слухи о том, что казаки якобы требуют вернуть во что бы то ни стало бывшие полковые земли, представления о них как о ярых монархистах и чуть ли не фашиствующих националистах.

Якутские казаки на параде Победы, Якутск, 1994 г. (в центре атаман Б.Н. Вакуленко)

В начале 1993 г. П.Ф. Задорожный был переведен по службе в Москву, а в казачестве занял пост походного атамана Союза казаков России. После его отъезда начинается чехарда в

руководстве полка – за один год оно сменилось трижды и, наконец, в 1994 г. атаманом был избран подполковник Б.Н. Вакуленко.

У потомственных якутских казаков не было причины делиться на «белых» и «красных», так сложилась история, что не было среди них ни тех, ни других, зато нашелся другой повод: началось деление на местных «родовых» и приезжих. Конфликт разгорался, и в конце 1995 г. от полка откололась группа потомственных якутских казаков во главе с Д.Д. Софроновым, которая зарегистрировала собственное объединение «Городовая казачья команда».

Глубинной основой этого конфликта, как представляется, было неосознаваемое самими казаками противоречие между менталитетом приезжих и местных казаков. Процессы формирования и исторические судьбы якутского казачества и казачества традиционных казачьих областей (Дона, Кубани и др.) имели кардинальные различия и привели к образованию казачьих общностей с абсолютно разным менталитетом и сильно различающимися традициями. Неосознанное внутреннее сопротивление якутских казаков натолкнулось на непонимание приезжих, которых в полку было подавляющее большинство, «Что не так? Обычаи же казачьи!», что и послужило глубинной причиной кризиса.

Немалую роль в развитии критических явлений сыграло тяжелое экономическое состояние полка и отрицательная атмосфера вокруг казачества. Имели значение и горячие споры вокруг Государственного реестра казачьих войск.

Необходимо отметить, что критические явления особенно сильно проявлялись среди казаков г. Якутска, подразделения в районах оказались более стойкими, и единство полка в этот период его возрождения больше держалось усилиями атаманов региональных команд, нежели центрального руководства.

Для возрождения якутского казачества в это трудное время важное значение имели указы Президента Республики Саха (Якутия № 251 «О

государственной поддержке подразделений Якутского казачьего полка и порядке привлечения его членов к государственной и иной службе», изданный 2 октября 1997 г. вслед за указом Президента России №1673 от 11 декабря 1996 г. «О порядке привлечения членов казачьих обществ к государственной и иной службе» и указ Президента Республики Саха (Якутия) «О государственной поддержке Якутского казачьего полка в связи с 300-летием», изданный в феврале 2001 г. Указы вышли в критическое для полка время и стали мощным стимулом для преодоления пессимизма, для стремления прекратить конфликты и вновь обрести единство, восстановить пошатнувшийся авторитет и доброе имя казачества. Не все шло гладко в исполнении этих, можно сказать, исторических, указов как со стороны министерств и ведомств, так и со стороны казачества. Одно бесспорно – с этого момента казачество и власть предержащие повернулись друг к другу лицом.

Трехсотлетие Якутского казачьего полка, 2001 г. Сидят члены Совета стариков: с лева на право Н.С. Прокопьев, П. Тарабукин, С.В. Прокопьев, И.И. Софронов. Стоят с лева на право: Ф.И. Бондарев, В.С. Прокопьев, А.Д. Козырь, отец Алексей, …, Налобин, А. Терех

В 1998 г. состоялся Большой круг Якутского казачьего полка, на котором велись очень бурные споры. Велись эти споры не только вокруг кандидатуры будущего атамана, но и вокруг вопроса о Государственном реестре казачьих войск, с включением в который у полка имелись существенные трудности не только объективного, но и субъективного

порядка. Круг выделил три основные на тот момент задачи: прекращение внутренних распрей, налаживание конструктивного диалога между общественностью, казачеством и госструктурами, «превращение казака из общественного активиста в служилого человека». Наказной атаман А.Д. Козырь, пенсионер речного флота, спортсмен-дзюдоист и общественный деятель, был избран атаманом полка практически единогласно, и нужно отметить, казаки в нем не ошиблись. Активная работа по поискам компромисса привела к тому, что к началу 2000 г. «Городовая команда» полностью влилась обратно в состав Якутского казачьего полка в качестве структурной единицы со своим атаманом во главе. Стремление казаков Якутии к единству одержало победу над деструктивными силами, которым были чужды подлинные интересы казачества.

После издания указа Президента России №249 от 25 февраля2003 г. «О совершенствовании деятельности по возрождению и развитию российского казачества» было упразднено Управление Президента России по делам казачества, а его функции переданы аппаратам полномочных представителей в федеральных округах, начался новый этап новейшей истории якутского казачества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История якутского казачества - одна из интереснейших страниц в истории России. Здесь есть и героические подвиги, и удивительные приключения, и упорный труд на благо Родины. Как воинское подразделение Якутский казачий полк не участвовал в боевых действиях, прославивших русское воинство, но из трехсотлетних исторических бурь оно вышло со славой упорных и честных тружеников. Трудами якутских казаков Россия приобрела третью часть своей территории, якутские казаки прокладывали здесь дороги, развивали товарно-денежные отношения, принесли свет Христов народам сурового Севера. Впрочем, если вглядеться, практически во всех сферах жизни можно увидеть больший или меньший вклад якутского казачества, которое за почти четыреста лет срослись с этой землей, которую берегли и благоустраивали поколения их предков.

Не только в прошлом, но и сейчас потомки казаков вносят большой вклад в различные сферы жизни Якутии. Первым председателем Совета стариков после возрождения полка был Д.Д. Софронов – заслуженный врач РСФСР и ЯАССР. Старейшим казаком полка был С.В. Прокопьев, отдавший жизнь золотодобывающей промышленности, его сын кандидат геолого-минералогических наук В.С. Прокопьев возглавил Совет стариков в начале 2000-х. Большой вклад в изучение недр Якутии внес потомок кубанских и черноморских казаков В.В. Стогний – доктор геолого-минералогических наук, автор более 200 научных работ.

Духовным стержнем казачества была и остается православная вера. Именно идеалы христианства веками помогали не только казакам, но и всему русскому народу выдерживать самые суровые испытания. Казаки Якутии с первых дней воссоздания полка активно способствовали возрождению и укреплению православия в республике. Казаки активно участвовали в восстановлении Никольского и Преображенского храмов в г. Якутске.

Бесспорно, велика роль казачества в стабилизации межнациональных отношений. «Может быть, как раз казаки, в чьих жилах течет половецкая, русская, украинская (смело можно добавить и якутская – *Е.С.*) и одному Богу известно, какая еще кровь, как раз они воплощают собой многонациональную Россию». Деятельность якутских казаков направлена на сохранение национального мира и согласия в Республике Саха (Якутия). Подписи представителей казачества стоят под «Соглашением об общественном согласии и гражданском единении», принятом делегатами от национально-культурных объединений и районов Якутии в 1997 г.

Спустя три десятилетия с начала возрождения Якутского казачьего полка, пережив взлеты и падения, якутские казаки с уверенностью смотрят в будущее. Следует подчеркнуть, что, несмотря на споры и сомнения в служении Отечеству, казаки видели и видят главный смысл своего существования: «Мы стояли и стоять будем на том, что казаки служили и ещё послужат Отечеству. Это единственная наша привилегия – служить Родине и, если надо, первыми умереть за неё. Этого у нас никто не отнимет».

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Акты исторические собранные и изданные археографической комиссией. - Санкт-Петербург: В Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841-1872, https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003506069/

Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). – М.: Наука, 1964. – 302 с.

Алексеев А.Н. Русские поселения XVII – XVIII в. на Северо-Востоке Якутии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 149 с

Ануфриев А.В. Проблемы реформирования якутского городового казачества во второй половине XIX – начале XX вв. // Сибирский город XVIII – начала XX веков : (межвуз. сб.) – Иркутск : Изд-во Иркутской высш. шк. МВД России, 2010. – Вып. 7. – С. 85-92.

Афанасьев В. Ф. Школа и развитие педагогической мысли в Якутии. - Якутск: Якутское книжное изд-во, 1966. - 343 с.

Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии : (60-е годы XVIII - сер. XIX в.) - М. : Изд-во АН СССР, 1956. - 427, с.

Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв.. – М.: Изд-во Сабашниковых, 1927. – 106 с

Белов, М. И. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах : Сборник документов о великих рус. геогр. открытиях на Северо-Востоке Азии в XVII веке — Ленинград, Москва : Изд-во Главсевморпути, 1952. — 386 с.

Дополнения к актам историческим, собранным и изданным археографической комиссией в 12-ти томах, - СПб.: 1846 – 1875.https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004230674/

Казачье население Якутской области. Статистико-экономический очерк канцелярии Якутского областного статистического комитета. СПб, 1909;

Калашников А.А. Якутия. Хроника. Факты. События. 1632 – 1917. – Якутск: Бичик. – 2000;

Коваленко А.И. Культура казачества восточных окраин России (XVII-начало XX вв.) – Благовещенск, 2008. – 207 с.

Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.: сборник документов / под общ. ред. Я. П. Алкора и Б. Д. Грекова; - Ленинград : Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР, 1936. - XXXII, 281 с.

Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке: Сборник архивных материалов под ред. Я. П. Алькора и Л. К. Дрезена / — Ленинград : Ин-т народов Севера ЦИК СССР, 1935 (тип. «Коминтерн»). — Обл., 211 с.

Макаров Г.Г. Октябрь в Якутии, ч. 1, Якутск. 1979;

Маныкин-Невструев, А. И. Завоеватели Восточной Сибири. Якутские казаки: очерк — Москва : Университетская типография (М. Катков), 1883. — 78 с.;

Матюнин Н. О покорении казаками Якутской области и состоянии Якутского пешего казачьего полка // Памятная книжка Якутской области на 1871 г., СПб, 1871;

Миллер Г.Ф. История Сибири : в 2 т.; Институт антропологии, археологии и этнографии Академии наук СССР, Научно-исследовательская ассоциация института народов Севера им. П. Г. Смидовича ГУСМП при СНК СССР. Т. 1, [отв. ред.: И. И. Мещанинов]1937. — 607 с., [32] вкл. л.: ил., карты. Т. 2/ [отв. ред. И. Н. Винников]. — Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1937-1941, 1941. — 637 с.: карты. - https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_02000026415/

Мостахов, С. Е. Русские путешественники-исследователи Якутии (XVII-начало XX в.) - Якутск : Якутское книжное изд-во, 1982. - 190, [1] с.

Никитин Н.И. Освоение Сибири в XVII веке, - М.: Просвещенье, 1999. – 144 с.

НА РС(Я) фф. 401, 565, 405, 404, 438.

Окладников А.П. Гоголев З.В. Ащепков Е.А. Древний Зашиверск. Древнерусский заполярный город, - М.: Наука, 1977. – 211 с.

Орлова Н.С. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии Сборник документов — Москва : Географгиз, 1951. — 620 с., 20 отд. л. карт.; 23

Пестерев В.И. Исторические миниатюры о Якутии / В.И. Пестерев. – Якутск : Бичик, 1993. – 151 с.

Петров П.У. О революционных событиях 1905—1907 гг. в Якутии. Якутск, 1955;

Попов Г.А. Сочинения, Т. 3 : История города Якутска : 1632-1917 : [краткие очерки] /[сост. и отв.ред.: к. и. н. Л. Н. Жукова, к. филос. н. В. Г. Скрипин, к. и. н. Е. П. Антонов].Якут. гос. ун-т - Якутск, 2007. — 312 с.:

РГАДА ф. 214 «Сибирский приказ»

РГАДА ф. 1177 «Якутская приказная изба»

Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах» (сост. М.И. Белов, М., Изд-во ГУСМП, 1952

Сафронов, Ф. Г. Русские крестьяне в Якутии : (XVII-начало XX вв.). - Якутск: Якутское книжное издательство, 1961. - 494 с.

Сафронов, Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII - середине XIX в.: управление, служилые люди, крестьяне, городское население, - Москва: Наука, 1978. – 257 с

Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. – СПб., 1886

Строгова Е. А. А. И. Казанцев: материалы к биографии, журнал Якутский архив, 2001, № 1, стр. 21-25.

Строгова Е.А. Якутское казачество: история и современность // Город Якутск: история, культура, фольклор / [сост.: П.П. Петров, С.И. Боякова]. – Якутск : Бичик, 2007. – С. 101-108.

Строгова Е.А. Русское население Якутии в XVIII в.: естественное движение, социальный состав, семейный строй. – Саарбрюкен:LAP, 2014а. – 149 с

Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием Санкт-Петербург: При Императорской Академии наук, 1774 - https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_02000000684/

Чертков А.С. Участие якутского казачества в хозяйственном освоении Северо-Востока России // Хозяйственное освоение русского Дальнего Востока в эпоху капитализма : сб. науч. тр. под общ. ред. А.И. Крушанова. – Владивосток : ДВО АН СССР, 1989 (1990). – С. 93-98.

Чертков А. С. Якутское казачество во второй половине XIX- начале XX вв. / А. С. Чертков; ответственный редактор Ф. Г. Сафронов. - Москва: АОЗТ СП "Контакт РЛ", 1996. - 181, [3] с.

Ширина Д. А. Петербургская Академия наук и Северо-Восток: 1725 - 1917 гг - Новосибирск: Наука, 1994. - 269, [3] с.

Юрганова И.И. Церкви Якутии. – Якутск: Якутская епархия Русской православной церкви, 2010, - 400 с.

Явловский П.П. История города Якутска от основания его до настоящего времени в 2-х томах. – Якутск: «Якутский край», 2004

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК

казачьих голов и атаманов якутского казачьего полка

с 1700 по 1919 г.

Казачьи головы

1. Петриловский Иван ? - ? гг.
2. Петров Григорий ? – 1700 гг.
3. Атласов Владимир, пятидесятник 1701 – 1711 гг.
4. Шестаков Афанасий, атаман 1727 – 1730 гг.
5. Ярославцев Яков 1737 - ? гг.
6. Гуляев Степан 1739 - ? гг.
7. Татаринов Иван 1757 – 1759 гг.
8. Аргунов Иван ? – 1766 гг.
9. Атласов Петр, сотник ? – 1771 гг.
10. Порамный Петр, прапорщик 1771 - ? гг.
11. Олесов Николай, атаман IX класса 1807 - ? гг.
12. Старостин Иван, дворянин, товарищ воеводы ? - ? гг.

Атаманы

1. Нарицын Алексей Иванович, атаман IX класса, 1825 – 1832 гг.
2. Чокуров Николай Васильевич, 1832 – 1840 гг.
3. Бродников Засим Парфеньевич, 1840 – 1844 гг.
4. Олесов Иннокентий Николаевич, 1844 – 1846 гг.
5. Киренский Кесарий Рафаилович, сотник XII класса, 1845 – 1850 гг.
6. Шахурдин Козьма Григорьевич, атаман IX класса, 1872 – 1888 гг.
7. Шамаев Николай Василевич, 1887 – 1895 гг.
8. Шахурдин Александр Семенович, 1896 – 1906 гг.
9. Казанцев Александр Иванович, атаман IX класса, 1906 – 1919 гг.

Научно-популярное издание

Строгова Екатерина Алексеевна

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЯКУТСКОГО КАЗАЧЕСТВА:
ОТ РОЖДЕНИЯ К ВОЗРОЖДЕНИЮ

Якутск, 2025

Подписано в печать 30.08.2025

Формат 60х90/16. Бумага офсетная

Печать цифровая. Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии «Арт Алгыс» 677018,

г. Якутск, 203 мкр. 6 к., цокольный этаж

art-algys@mail.ru 8(914) 270-30-23

Якутская региональная общественная организация по развитию и поддержки культурных, социальных и общественных инициатив «Благовест Якутии Республики Саха (Якутия)